32 Σ 67 т3

325
67

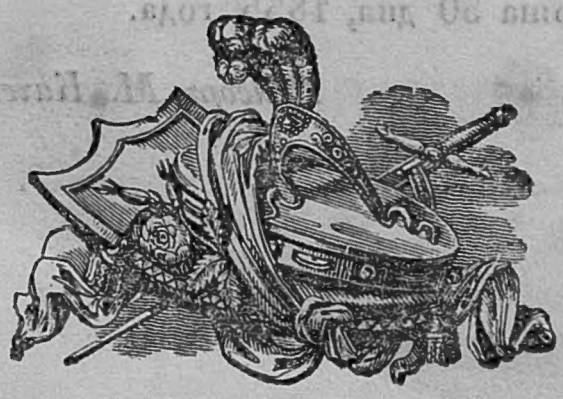
ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

СЪ 1812 ПО 1816 ГОДЪ.

АРТИЛЛЕРІИ ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р.....



МОСКВА,

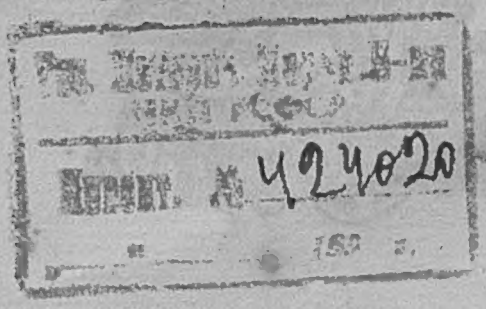
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
1835.

БИБЛІОТ. КН. АЛЕКСАНДР. НИКОЛ. ГОЛИЦЫНА

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 30 дня, 1835 года.

Цензоръ М. Качановскій.


Инвент. № 424020

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
АРТИЛЛЕРИСТА.

ЧАСТЬ III.

1814-Й ГОДЪ.

ВОЙНА ВО ФРАНЦІИ.

Tout homme doit au public le tribut de son activité, et devrait s'efforcer de laisser quelque trace honorable de son existence.

WEISS.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
АРТИЛЛЕРИСТА.

ЧАСТЬ III.

ВТОРОЙ ТОМЪ.

ВОЙНА ПО ФРАНЦІИ.

ГЛАВА I.

БЛОКАДА МАЙНЦА.

Положеніе войскъ союзныхъ и непріятельскихъ. — Безденежіе. — Волшебная флейта. — Иффландъ. — Переправа черезъ Рейнъ. — Принцъ Кобургскій. — Оберъ-Ольмъ. — Вылазка изъ Майнца. — Сельскій костелъ. — Походъ.

Союзные Монархи, находясь во Франкфуртѣ, рѣшились предпринять вторженіе во Францію. Они знали непреклонную гордость Наполеона, его неутомимую дѣятельность и всегдашнее желаніе возстановить потерянное; они знали, что онъ не согласится на унизительный для него миръ, а потому приготовили сильныя средства для пораженія его въ собственныхъ владѣніяхъ. Всѣ Короли и Князья Рейнскаго Союза выставили вдвое болѣе войскъ, нежели сколько требовалось отъ нихъ прежде Наполеономъ; даже Саксонія, до крайности изнуренная войною, выставила еще 20,000 ополченія, къ оставшимся 12,000 отъ Наполеоновыхъ знаменъ. Всѣ Герман-

скія войска составили армію во 145,000 человѣкъ. Пруссія подала первый примѣръ для распространенія воинственнаго духа во всей Германіи. Такъ, послѣ многихъ столѣтій, Германцы, для общаго успѣха національной независимости, составили какъ будто одинъ народъ, и обнаружили чрезъ то возможность самодержавной монархіи изъ раздробленныхъ частей своихъ. Поспѣшное вооруженіе Германскаго Союза сильно подкрѣпило Государей трехъ главнѣйшихъ Державъ, поборавшихъ могущество Наполеона; тылъ ихъ арміи былъ обезопасенъ; средства продовольствія войскъ обезпечены. Сверхъ того они сами подкрѣпились свѣжими корпусами. Къ Россійской арміи изъ Герцогства Варшавскаго Князь Лобановъ-Ростовскій привелъ 30,000, между тѣмъ какъ еще новый резервъ, въ 20,000, подъ начальствомъ Генерала Безобразова, пришелъ на Вислу; Пруссія умножила свои войски новымъ ополченіемъ изъ завоеванныхъ областей по лѣвую сторону Эльбы; Австрійцы подкрѣпились значительнымъ резервомъ изъ Вѣны. Всѣ союзныя войски были раздѣлены на три арміи: главная состояла изъ прежней Богемской и двухъ Корпусовъ Германскаго Союза, подъ предводительствомъ Князя Шварценберга; вторая, бывшая Силезская, составилась изъ

двухъ Прусскихъ Корпусовъ Іорка и Клейста, съ прибавленіемъ четырехъ сводныхъ дивизій изъ Русскихъ Корпусовъ Графа Ланжерона и Барона Остенъ-Сакена, и двухъ Корпусовъ Германскаго Союза, подъ начальствомъ Князя Блюхера; третья, сѣверная, состояла только изъ двухъ Корпусовъ Русскаго Генерала Винценгероде и Прусскаго Генерала Бюлова. Кронпринцъ, со Шведами и Русскими отрядами Графовъ Воронцова и Строгонова, шелъ противъ Даніи и Гамбурга. Бенингсенъ приближался съ Рускими къ Магдебургу. Между тѣмъ съ юга Веллингтонъ вторгнулся уже во Францію.

Такимъ образомъ, около 600,000 воиновъ, предводимыхъ опытными полководцами, вооружились для низверженія Императора Франціи съ пріобрѣтеннаго имъ престола. Душею этого предпріятія былъ, путеводимый Провидѣніемъ для освобожденія народовъ Европы, Россійскій Императоръ Александръ. Онъ опредѣлилъ воспользоваться настоящею слабостію всеобщаго врага вторженіемъ въ его предѣлы во время зимы, свойственной для окрѣплыхъ воиновъ Сѣвера, въ то время когда непріятель наименѣе къ этому приготовленъ.

Наполеонъ, оставленный своими союзниками, принужденъ былъ въ собственныхъ

предѣлахъ употребить насильственныя средства для сформированія новой арміи ; онъ старался воспламенить народъ для защиты своего владычества; но удрученный бѣдствіями народъ его , въ ожиданіи спасенія, равнодушно ожидалъ побѣдителей. Однако, при всѣхъ угрозахъ и жестокихъ мѣрахъ, онъ въ коротkое время могъ собрать еще до 300,000 воиновъ.

Главная армія Союзниковъ 1-го Января находилась въ Везулѣ, а 4-го въ Лангрѣ, не встрѣчая нигдѣ препятствій. Здѣсь нѣсколько дней стягивались войски, ожидая встрѣчи съ Наполеономъ , который около Шалона собиралъ свои силы. 5 Января Блюхеръ вступилъ въ городъ Нанси, почти безъ сраженія , и Туль былъ взятъ съ небольшимъ гарнизономъ безъ сопротивленія. Такимъ образомъ, въ началѣ Января, союзныя войски , въ продолженіе шести дней, проникнули въ Шампанію , и двѣ большія арміи, Шварценберга и Блюхера, соединились.

Французскій народъ, претерпѣвая раззореніе отъ вторженія чужеземныхъ войскъ, ожесточился и сталъ вооружаться для защиты собственности. Союзники принуждены были обезоруживать жителей и объявить имъ , что всякой изъ нихъ , взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ преданъ каз-

ни, а городъ или деревня, гдѣ встрѣтится сопротивленіе, будутъ преданы раззоренію и огню. Исполненіе на самомъ дѣлѣ такихъ угрозъ еще болѣе ожесточило народъ, который едва не воспламенился для національной войны.

Покуда происходили движенія союзныхъ войскъ во внутрь Франціи, Корпусъ Графа Ланжерона еще оставался около Майнца, содержа крѣпость въ тѣсной блокадѣ; а я находился во Франкфуртѣ, занимаясь своими чертежами.

1-е Января.— Новый годъ! новый годъ!— и только. Бывало, въ любезномъ отечествѣ, въ матушкѣ Россіи, послѣдній вечеръ стараго года проводили мы въ веселомъ кругу родныхъ или друзей, или у добрыхъ начальниковъ, и встрѣчали новый годъ съ громкими поздравленіями, при звукахъ музыки, при нѣжномъ чоканьѣ бокаловъ; а здѣсь, въ странѣ чужеземной, все тихо, уныло. . . . и даже, какъ на зло, у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ. — О деньги! деньги! Правду сказалъ Сенека, что золото величайшее зло на свѣтѣ; но справедливѣе говоритъ и Раввинъ Гирша, что золото есть величайшее благо въ мірѣ. . . Мудрецы! нравоученія ваши не приносятъ хлѣба; а съ деньгами я всегда бываю сытъ и веселъ. Деньги заключаютъ въ себѣ всю

премудрость и добродѣтель; но гдѣ онѣ? Такъ познается цѣна имъ тогда только, когда ихъ нѣтъ. Такими мыслями я ушѣшалъ себя, не имѣя надежды быть въ театрѣ, гдѣ обѣщали играть славную оперу Моцарта: Волшебную Флейту. Увы! жить во Франкфуртѣ, и въ первый день новаго года быть заключену въ холодной комнатѣ, со скукою, между четырьмя стѣнами — это участь Тантала. Но вотъ, подъ вечеръ, нечаяннымъ случаемъ попался мнѣ талеръ, и я съ радостію, какой давно не чувствовалъ, поспѣшилъ въ театръ.

Оперу Волшебную Флейту не рѣдко играли въ Петербургѣ, но я не имѣлъ случая видѣть ее. Она по сочиненію и музыкѣ довольно стара; но хорошее не старѣется. Только Моцартъ, этотъ геній Музыки, заставлялъ въ аріяхъ такъ высоко и низко пѣть актеровъ, что они съ натяжкою едва въ состояніи были исполнить его требованіе. Частыя адажіо съ повтореніями, хотя весьма хорошія, были утомительны; лучшія аллегро, которыми я восхищался, были въ устахъ Папагено: онъ, съ своими колокольчиками и дудочками, чрезвычайно забавлялъ насъ. Волшебная Флейта была флейта небеснаго артиста, или самого Орфея. Впрочемъ, иные моно-

логи были очень скучны, наприм. разговоръ жреца съ Тамино, или рѣчи самого Царя Басовъ, волшебника. Карастро. Въ речипашивныхъ аккордахъ нѣтъ того разнообразія, какъ у Спонтини въ операѣ Весталкѣ. Признаюсь, музыка этого артиста мнѣ лучше нравилась: новѣйшія произведенія всегда совершенствуются на счетъ старыхъ, избѣгая ихъ погрѣшностей. Прекрасныя декораціи и красивый костюмъ возвышали достоинство пьесы. Пріятнѣе всѣхъ игралъ Папагено (актеръ Кренеръ); его развязность, ловкость, остроты и безпрерывныя шутки напоминали о нашемъ незабвенномъ Воробьевѣ. Мамзель Амбергъ, представлявшая отвратительную старуху, изъ которой послѣ явилась прелестнѣйшая птицеловка Папагена, этою нечаянностію, а болѣе прелестнымъ нарядомъ и сладкозвучнымъ голосомъ, была чрезвычайно восхитительна. Новая актриса, мамзель Белеръ, обѣщала много въ игрѣ своей, въ роли Памины: черты лица ея были милы, пріятны, невинны; пантомимы напоминали Грацій; юность еще не развилась въ ея гибкомъ, стройномъ станѣ, и едва возвышающаяся грудь, подъ тонкой кисеею, тихо колебалась еще въ безстрастіи. Хотя часто твердила она о любви, но, кажется, еще не понимала силы ея, и, въ отчаяніи,

глазки ея, устремляясь на лезвее кинжала, смѣялись. Мадамъ Г***, послѣ Весталки, превратилась въ Богиню Ночи, и потеряла совершенно чувство игры и голосъ: она лучшую арію проговорила — безъ музыки. Актеръ Бертольдъ, игравшій Волшебника, былъ гвардейскаго роста и имѣлъ дьяконскій басъ. Но Илленбергъ не одному мнѣ лучше всѣхъ нравился. Онъ чувствовалъ свою роль: душа героя написана была въ его глазахъ, чего у многихъ актеровъ не доставало; притомъ чистый теноръ, стройная фигура, и пріятное лицо — прелесть для дамъ — заставляли вспомнить о нашемъ Самойловѣ. Въ это представленіе было множество зрителей, и, кажется, театръ для Франкфурта тѣсенъ. Мнѣ очень желалось выкрикнуть на сцену мамзель Белеръ или Амбергъ, но не хотѣлъ начинать, чтобы не быть самому предметомъ зрительнаго фокуса.

Вышедши изъ театра и направляя шаги къ скучной квартирѣ, думалъ я: какая истинная цѣль театральныхъ представленій? исправлять-ли нравы, или воспламенять страсти? или только собирать деньги? Мнѣ кажется, послѣднее. Не всякой охотно идетъ въ театръ, гдѣ читаютъ ему нравоученіе. Режиссёръ всякаго

театра конечно признается, что онъ отъ худой оперы больше собираетъ денегъ, нежели отъ хорошей драмы, потому что всякая новость, блескъ для глазъ, гармонія для ушей, привлекаютъ насъ болѣе, нежели то, что мы читаемъ въ книгахъ, или слышимъ на каѳедрахъ отъ проповѣдниковъ. Воспламеня воображеніе прелестными впечатлѣніями, юный Прапорщикъ выходитъ изъ театра съ тѣмъ, чтобы тотчасъ повторить видѣнныя сцены страстныхъ объясненій, въ объятіяхъ какой нибудь Лаисы... О, Памина! еще я вижу твой милый образъ, какъ ты, въ отчаяніи, съ распущенными волосами, съ кинжаломъ въ рукѣ, хотѣла пронзить свое сердце, которое только начинало трепетать! Еще я вижу твои пламенные взоры, устремленные на смертоносное оружіе, взоры, которые могли-бы притупить остріе, расплавить металлъ.... половину раціоновъ отдалъ-бы за одинъ поцѣлуй твой! — Или ты, о Папагена! въ сладострастнѣйшемъ положеніи, съ обнаженными до плечъ руками, съ полуоткрытыми прелестями, въ которыхъ таились томныя желанія!... Твой пестрый тюникъ, едва досягающій до колѣнъ, твои ножки.... твой голосъ, улыбка, все было такъ обворожительно, что я.... Ложусь скорѣе спать, чтобъ видѣться съ тобою — въ

пріятномъ очарованіи сна. Предстань, предстань въ такомъ-же видѣ, какъ ты казалась мнѣ на театрѣ! я не пожалѣю дать тебѣ половину щретнаго жалованья — но только во снѣ; на яву у меня нѣтъ и крейцера. — Вотъ истинная цѣль и польза театра!

Воскресенье. Я узналъ это потому, что на столѣ у моего хозяина явились соусъ и пирожное. Тутъ-же подали рюмки и для вина. Разсчетливые Нѣмцы не роскошничаютъ, какъ у насъ, въ будни.

Наконецъ я кончилъ чертежи свои, которые мнѣ чрезвычайно наскучили, потому что я надѣлалъ ихъ великое множество: изображенія кружалъ для каждаго калибра ядеръ, гранатъ и картечныхъ пуль къ нашей артиллеріи, по нѣскольку экземпляровъ.

Вечеръ провелъ дома, довольно весело: училъ дочь хозяина, Шарлотту, по-Русски. Я написалъ ей одну пѣсню съ переводомъ; она училась довольно успѣшно, и, кажется, въ свою очередь, хотѣла задать мнѣ урокъ; но, къ сожалѣнію, натура моя измѣнилась. Я сталъ такимъ мизантропомъ прошивъ женщинъ, что ежели какая-либо изъ нихъ покажется мнѣ безподобною и обворожительною съ головы до ногъ, то, для прохлажденія своего я мысленно разсматриваю

ее обратно, съ ногъ до головы, и тогда какая-то сила меня отъ нихъ отвлекаетъ, подобно чесноку, уничтожающему своимъ запахомъ магнитное дѣйствіе надъ желѣзомъ. Однако у этой Шарлотты глазки полные огня, изъ которыхъ она бросаетъ— тупыя стрѣлки. Трудность выговора Русскихъ словъ даетъ ея тонкимъ губкамъ прелестное положеніе: то я вижу передъ собою едва распустившуюся въ листочкахъ розу, когда Шарлотта выговариваетъ *хочю;* то двѣ алыя линіи, которыми управляетъ Амуръ, давая имъ видъ опущеннаго своего лука ; то чистѣйшій рядъ перламутовъ, когда она улыбается, при чемъ двѣ ямочки, убѣжище Амура, между розами свѣжихъ ланитъ, составляютъ свиту красоты лица ея. Юныя переи , полувытѣсненныя изъ живаго бюста китовыми усами, сильно колеблются подъ тонкою косынкою, и просятся на свободу. Все дышитъ въ ней любовію, но не для меня.

Въ театрѣ представляли драму Иффланда: *Долгъ службы*, въ трехъ дѣйствіяхъ. Зная посредственную игру здѣшнихъ акперовъ въ такихъ пьесахъ, я не хотѣлъ видѣть ея. За то хозяйка насказала мнѣ много хорошаго про Иффланда: что онъ изрядный драматистъ и хорошій акперъ, трагикъ и буффо; извѣстенъ во всей Гер-

маніи своимъ таланпомъ, а еще болѣе — великодушіемъ. Изъ всѣхъ денегъ, выручаемыхъ имъ за игру на театрѣ и за сочиненія, онъ большую часпь употребляетъ на вспомоществованіе бѣднымъ семействамъ. Опъ актера это великое чудо; попому Иффландъ достоинъ стоять на ряду съ Ласъ-Казасомъ и Франклиномъ. Вотъ истинная цѣль человѣка: не только дарованія свои употреблять въ пользу ближнимъ, но и пріобрѣтенное раздѣлять съ неимущими. Счастливъ, кто съ такими правилами можетъ жить на свѣтѣ! Какое упѣщеніе быть другомъ человѣчества! Сколько теплыхъ молитвъ и благословеній вознесется къ небу за благодѣтеля! Можетъ-ли онъ спрашиться бѣдствій? При несчастіи, во всякомъ мѣстѣ онъ найдетъ друзей, попому что во всякомъ мѣстѣ младенцы лепечутъ его имя, имя благодѣтеля... Но какъ рѣдки такіе люди! Иффландъ живетъ въ Берлинѣ, находясь въ должности Директора тамошняго театра; онъ получаетъ, сверхъ хорошаго жалованья, въ годъ три бенефиса.

Расположившись во Франкфуртѣ погулять еще день, я узналъ, что наша рота артиллеріи проходитъ черезъ городъ до м. Гроссъ-Гирау. Такая нечаянность меня оживила. Я побѣжалъ на квартиру, гдѣ съ

радостію объявилъ хозяину о своемъ походѣ. Шарлотта тотчасъ принесла альбомъ и просила нарисовать ей что-либо въ знакъ памяти; наскоро я начертилъ ей урну, съ своимъ мнимымъ прахомъ, подъ тѣнію густыхъ деревъ, и написалъ Французскій каламбуръ: ami jusqu'au tombeau!— Прощаніе добрыхъ людей для меня было пріятно; мы разстались друзьями.

Переходъ былъ, для артиллеріи, болѣе 30 верстъ. Я догналъ ее на седьмой верстѣ за городомъ, и не нашелъ ни одного офицера: Подполковникъ остался въ городѣ, погулять въ свою очередь, а за нимъ и всѣ офицеры. Мы не передъ добромъ разгулялись.

Вотъ уже (7-го Января) я на лѣвомъ берегу Рейна, въ д. Нирштейнъ, по дорогѣ къ Майнцу отъ Оппенгейма; разсматриваю изъ оконъ своей квартиры спокойное теченіе водъ, омывающихъ почти стѣны моего жилища; глыбы снѣга, подобно стаду лебедей, плывутъ по всему пространству рѣки, быстро перегоняя другъ друга, какъ будто для возвѣщенія врагамъ нашимъ, заключеннымъ въ Майнцѣ, о грозныхъ силахъ Русскихъ, которыя разсѣяваютъ безпрестанно ихъ скопища, и уже самый Рейнъ, не видавшій прежде иныхъ враговъ, кромѣ плѣнныхъ, нынѣ изгибается подъ тяжестію громовъ и штыковъ Русскихъ.

При настоящемъ времени, когда все таетъ, наводняется, мочитъ, при этомъ печальномъ времени, кажется, природа плачетъ вмѣстѣ съ Рейномъ. Зима оборвала всю красоту береговъ его, и оставила только слѣды виноградника, который, какъ остатокъ стеблей отъ жатвы на поляхъ, показываетъ изъ-подъ снѣга полузакрытыя лозы свои: весь лѣвый берегъ, на пространство взора, покрытъ ими. Оппенгеймское и Ниренштейнское вино почитаются лучшими на Рейнѣ, и уже нектаръ этотъ усладилъ вкусъ мой. Такъ, почтенный Рейнъ! вспомни, носилъ-ли ты когда-либо на хребтѣ своемъ Рускихъ! Прежде, бывши предѣломъ могущества Германіи, ты переносилъ только дань ея къ обольстившимъ тебя Галламъ, и не зналъ инаго бремени, кромѣ трофеевъ своему владыкѣ; берега твои, цвѣтущіе изобиліемъ, составляли благоденствіе обитавшихъ на немъ; они, воздѣлывая сочные грозды надъ зеркаломъ твоихъ водъ, пѣли гимны радости и увеселяли тебя своимъ счастіемъ; а теперь— плачь и бѣдствія помрачаютъ берега, проклятія несутся вмѣсто благословеній; теперь, не взирая на всѣ усилія твоего обладателя, чуждые народы разсѣкаютъ непокорныя твои волны. Напрасно вооружился ты глыбами снѣга и быстро-

тою; громы Русскаго Царя потрясаютъ твое сердце, и ты со страхомъ преклоняешь живой хребетъ свой подъ непреодолимою его силою. Плачь, Рейнъ, подобно падающему въ лаврахъ Наполеону, котораго судьба уже лишаетъ всего земнаго величія! Плачь и ты такъ-же какъ плакали Нѣманъ и Днѣпръ въ нашемъ отечествѣ! Переноси свои стоны до береговъ цѣломудренной Сены! Пусть восплачетъ кровавыми слезами твой грозный владыка, причинившій столько бѣдствій народамъ!

Рейнъ, гдѣ мы переправлялись, ниже Оппенгейма, уже рѣки Вислы при Варшавѣ; но чѣмъ далѣе къ Майнцу, тѣмъ шире, особенно отъ устья р. Майна. Цѣлые два дня переправлялись двѣнадцать орудій нашей роты на лодкахъ; переправа была весьма дурна и опасна; она производилась съ большою осторожностію и медленно; отъ этого досталось намъ померзнуть и обмокнуть до костей.

Я нѣсколько разъ для препровожденія пушекъ переѣзжалъ рѣку, и любовался берегами, которые, хотя были обнажены, представляли пріятные виды. Здѣсь правый берегъ плоскій, а лѣвый возвышенъ. Съ нами переправлялась 12-я Дивизія съ обозами, которые много намъ мѣшали; ей назначено было блокировать Майнцъ съ лѣвой сто-

роны Рейна; а прочія войски Графъ Ланжеронъ повелъ къ Блюхеру. На третьемъ переѣздѣ, съ моими пушками переправлялся Принцъ Кобургскій, прекрасный мужчина, какихъ я рѣдко видывалъ: важное лицо его выражало все благородство души. Кажется, никакая красота женщины не можетъ сравниться съ подобнымъ лицемъ мужчины, въ которомъ явственно все превосходство одного пола надъ другимъ. Красота женщины состоитъ въ правильности частей лица, въ нѣжности и выразительности формъ, въ обворожающемъ огнѣ взоровъ, въ милой улыбкѣ; лицо женщины должно сіять кротостію, цѣломудріемъ и добродѣтелью; лицо мужчины, напротивъ, должно выражать рѣзкими чертами важность, мужество, разумъ: тогда это лицо невольно внушаетъ къ себѣ почтеніе, и заставляетъ безусловно повиноваться. Сама природа даетъ ему превосходство надъ другими. Принцъ Кобургскій, Командиръ 5-го Германскаго 6,000 Корпуса, назначеннаго для смѣны Графа Ланжерона подъ Майнцемъ, не имѣлъ еще офицеровъ; хотя ему дали нѣсколько Прусскихъ, но онъ ѣхалъ къ Графу Ланжерону просить Русскихъ, для образованія своихъ ландверовъ.

Опять новоселье, и все хуже и хуже. Я

съ двумя орудіями, подъ прикрытіемъ егерей, расположился въ дер. Оберъ-Ольмъ, въ 6 верстахъ отъ Майнца, по лѣвую сторону Рейна; прочія орудія наши разставлены были: 4 въ Лаубенгеймѣ, съ Капитаномъ Жемчужниковымъ, и 2 въ Гехстгеймѣ. Войски 9-го Корпуса тѣсно обложили крѣпость со всѣхъ сторонъ.

Поселяне говорили, что Майнцъ долженъ скоро сдаться, потому что гарнизона тамъ не болѣе 8,000, и по большею частію больныхъ, изъ которыхъ ежедневно много умираетъ, а здоровые перебѣгаютъ къ осаждающимъ. Однако мы ожидали осадной артиллеріи, и, кажется, готовились брать крѣпость правильною осадою.

Десять дней я жилъ въ единообразномъ уединеніи. Время текло безъ происшествій. Я былъ одинъ — тѣмъ лучше. Въ бесѣдѣ съ Музами, съ Шиллеровою Таліею, съ Гёте и Лафонтеномъ, я не видалъ полета времени. Послѣ Франкфуртской разсѣянной жизни можно было находить удовольствія и въ Оберъ-Ольмѣ; удовольствія, хотя не столь сладкія для чувственности, но больше полезныя и существенныя для образованія ума и сердца.

18 Января ѣздилъ я къ Майнцу. Снѣгъ стаялъ, и весна хотѣла показываться. Впереди д. Оберъ-Ольмъ, за 4 версты, стоялъ

въ раззоренной деревушкѣ Маріенборнѣ Казачій пикетъ, а напротивъ, въ верстѣ, Французскій. Майнцъ съ этой стороны не такъ хорошо видѣнъ, какъ съ той, отъ Гохгейма: отсюда онъ весь укутался въ свою форпификацію. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ по ту сторону на Гохгеймъ, видѣлъ башню Гёхстъ, и угадывалъ въ синемъ горизонтѣ мѣсто Франкфурта, гдѣ находилъ нѣкоторыя радости. Французы съ этой стороны занимали четыре, ближайшія къ городу, деревни; впрочемъ ничего не видно, ничего не слышно. Какъ скучно блокировать!

Черезъ четыре дня вздумалось мнѣ опять съѣздить въ д. Гёхстгеймъ, гдѣ нашей роты Подпоручикъ, Баронъ Унгернъ-Штернбергъ, стоялъ съ двумя пушками. Деревня лежала вправо отъ Майнца, верстахъ въ трехъ. Проѣзжая дорогою, я любовался снѣжными равнинами, и синѣющимся влѣво городомъ. Какъ чисты поля отъ самой крѣпости и до той дорожки, по которой я ѣхалъ! Казаки очень рѣдко разъѣзжали по передовой линіи. И какъ просты Французы, думалъ я. Сколько времени стоимъ мы вокругъ этой сильной крѣпости покойно, какъ въ кантониръ-квартирахъ! Что-бы имъ пустить колонну кавалеріи по этому полю, которая, хотя-бы не

сдѣлала большаго вреда, но произвела-бы страшную тревогу и могла-бы пробраться до моихъ пушекъ! Но я-бы ихъ встрѣтилъ изъ-за горки, подъ прикрытіемъ егерей. Что̀ за странная метода нынѣ брать крѣпости — терпѣніемъ! Непріятеля вовсе не видно. Съ обѣихъ сторонъ войски сидятъ въ квартирахъ, забавляются, амурятся, покуда не приступитъ всеразрушающее чудовище — голодъ; тогда.... Съ такими мыслями подъѣзжая къ д. Гехстгеймъ, я услышалъ, около Майнца, изрѣдка ружейные выстрѣлы. Вотъ, думалъ я, потѣшаются аванпостные; видно и имъ наскучило стоять безъ дѣйствія.— Послѣ Лейпцигскаго сраженія, не видавши пуль и ядеръ, я всматривался въ мѣсто перестрѣлки; не льзя-ли мнѣ туда подъѣхать полюбоваться военною охотою? Передъ деревнею стояли наши двѣ пушки; лошадей уводили прочь; около открытаго зарядная ящика толпились канонеры; въ сторонѣ стоялъ пикетъ армейскихъ солдатъ, гдѣ около ружей, складенныхъ въ козлы близъ соломеннаго шалаша, у пылающаго огонька грѣлись нѣкоторые весельчаки. — « Здорово, ребята ! » — Послѣ обыкновеннаго привѣтствія сказалъ мнѣ фейерверкеръ: Да, Ваше Благородіе! мы сегодня поработали. — « Какъ такъ ! » —

Михайлова убили, и у передка дышло перешибли. — «Вотъ-те на!» — И не дожидаясь дальнѣйшихъ объясненій, поѣхалъ я къ Унгерну, который разсказалъ мнѣ нечаянность. Французы, около 6,000, сдѣлали вылазку прямо на эту деревню, и подходили уже къ высотамъ Лаубенгеймскимъ. Они утвердились при развалинахъ монастыря, поставили тамъ 6 орудій, и, подъ прикрытіемъ ихъ, пустили густыя колонны пѣхоты и лапниковъ. Наши чрезвычайно скоро собрались между Гёхстгеймомъ и Лаубенгеймомъ, тысячь до четырехъ; но едва Унгернъ успѣлъ сдѣлать по колоннамъ нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, какъ они остановились и начали отступать. Даже спрѣлкамъ не удалось поработать. Украинскіе Казаки отняли у Французовъ пушку, но принуждены были опять уступить, будучи не въ состояніи одолѣть лапниковъ. Слѣдовательно 6,000 Французовъ обращены были вспять только двумя нашими орудіями. Они надѣялись застать насъ врасплохъ, но ошиблись, и съ поспѣшностію убрались въ крѣпость. Казалось-бы, лучше было заманить ихъ подальше, и со стороны отъ Маріенборна отрѣзать.

Изъ роты прислали мнѣ три медали: За спасеніе отечества; одну мнѣ, а двѣ для

фейерверкеровъ. Я купилъ во Франкфуртѣ у Жидовки такую-же медаль, только не Русской работы. Отечественное произведеніе, въ память чрезвычайнаго событія, я разсматривалъ: на одной сторонѣ Всевидящее Око въ треугольникѣ съ лучами, и внизу 1812-й годъ, а на другой надпись: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему» — знакомая въ монетѣ Императора Павла 1-го. Теперь, на кого ни взглянешь, у каждаго въ петлицѣ голубая ленточка; черезъ двадцать лѣтъ онѣ будутъ очень рѣдко видимы, а еще черезъ двадцать лѣтъ потомство болѣе уважитъ носителей ихъ, нежели современники, потому что воины съ медалями есть представители національной чести въ важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, и въ этомъ отношеніи медали преимущественнѣе орденовъ.

Наконецъ зима почти исчезла; снѣгъ превратился въ слезы, которыя текутъ съ горъ полными ручьями въ долины. Всѣ поля черны, безъ различія колеровъ, съ бѣлыми рубцами оставшагося на нихъ снѣга, и представляютъ печальный видъ. Кажется, сотвореніе міра съ этого началось. Природа не всегда прекрасна. Я-бы осмѣялъ живописца, который въ этихъ разстроенныхъ чертахъ земной природы сталъ-бы искать прелестей, достойныхъ кисти.

Зима прекрасна только въ пушистомъ снѣгу, при блескѣ лучей солнечныхъ, когда поля играютъ алмазами, обворожая взоръ разнообразіемъ радужныхъ цвѣтовъ въ летучихъ блесткахъ; когда кудрявыя деревья опудриваются инеемъ въ видѣ сахарной пыли; когда лучи солнца играютъ въ зеркалѣ льда, какъ въ хрусталѣ, и когда голубая тѣнь отъ бѣлыхъ холмовъ нѣжитъ зрѣніе, подобно юнымъ персямъ дѣвушки; тогда зима, въ бѣлой мантіи своей, можетъ сравниться прелестію съ богато-украшеннымъ лѣтомъ.

1-го Февраля. Воскресный день. Я пошелъ въ сельскій костелъ, посмотрѣть службу и все собраніе достопочтенныхъ поселянъ. Дамы сидѣли одѣтыя въ кофточки и въ бѣлыхъ шапочкахъ съ ушами; отъ этого, различить замужнихъ отъ дѣвушекъ невозможно было иначе, какъ по личикамъ. На хорахъ сидѣли кавалеры въ синихъ и сѣрыхъ кафтанахъ, съ книгами въ рукахъ. Оркестръ, или органъ, загремѣлъ въ то время, когда пастырь, въ бѣлой одеждѣ, воскликнулъ: Dominus vobiscum! in secula seculorum!—Иногда оркестръ игралъ аллегро, развеселяя присутствующихъ; иногда съ верхней галлереи почтенный кисперъ, восхищенный энтузіазмомъ, затягивалъ гимнъ рѣзкимъ альтомъ, которому акомпаниро-

вали хоромъ дисканты и басы, снизу и сверху. — Какіе голоса!—говорилъ я споявшему со мною егерскому офицеру, который также краснѣлъ и закусывалъ губы. Не менѣе страннымъ казалось видѣть Нѣмца съ Лашинскою книгою въ рукахъ, и въ Католической церкви, потому что я привыкъ видѣть ихъ въ простомъ храмѣ Люперанскаго исповѣданія. Всѣ-ли понимаютъ то, что надобно понимать въ непоняшномъ служеніи?...

Я получилъ предписаніе выйдти на другой день съ своими двумя орудіями къ д. Нидеръ-Ольмъ, на сборное мѣсто войскъ, составлявшихъ блокаду Майнца. Съ удовольствіемъ спалъ укладываться, и прощался съ канарейкою. Она ко мнѣ привыкла. Если-бы весна наступила, я-бы взялъ ее съ собою; но еще морозъ сжималъ черную землю; взоръ обманывался зеленью засѣяннаго на зиму хлѣба и блѣдною травкою, едва оживающею изъ-подъ снѣга. Я проспился съ птичкою, какъ съ другомъ-усладителемъ моей скуки.

Квартира моя была у добраго поселянина, мѣльника и булочника, имѣвшаго изрядный домъ; онъ уступилъ мнѣ лучшую свою комнашу, и самъ жилъ въ стѣсненіи. Его веселая, но непригожая дочка носила мнѣ кушанье. Къ ней часто собирались

подруги, весьма ловкія и развязныя сельскія дѣвушки; онѣ старались тронуть мое равнодушіе и разогрѣть холодность, но все ихъ стараніе было тщетно. Умственныя занятія и совершенное нерасположеніе духа отвлекали меня отъ ихъ забавъ и веселія. Одна дѣвушка нарядилась въ сюртукъ егерскаго офицера, явилась ко мнѣ рекомендоваться, и этою фарсою много всѣхъ насмѣшила: я не ожидалъ столько ловкости отъ деревенской дѣвушки.

2-го Февраля, въ полдень, пришелъ я въ д. Нидеръ-Ольмъ, гдѣ приказано было мнѣ дожидаться роты; но Генералъ Карпенко совѣтовалъ продолжать путь, полагая, что моя рота могла пройдти кратчайшимъ путемъ, къ м. Вершпатъ. Я пошелъ, и дѣйствительно сошелся съ ротою въ этомъ мѣстечкѣ. Послѣ продолжительнаго уединенія мнѣ пріятно было сойдтиться опять съ товарищами.

Войски Принца Кобургскаго смѣнили нашъ 9-й Корпусъ, и мы, подъ начальствомъ Графа Сенъ-При, спѣшили соединиться съ нашими, которые, говорятъ, чудеса дѣлали.

ГЛАВА II.

ОТЪ МАЙНЦА ДО ШАЛОНА.

М. Альцей. — Цвейбрикъ. — Сцены въ Саарге-мюндской ратушѣ. — Француженки. — Шато-Саленъ. — Нанси. — Театръ. — Военныя извѣстія. — Туль. — Разсказъ роялиста. — Звѣри и птицы. — Линьи. — Путь къ Сенъ-Дизье. — Витри. — Французскіе партизаны. — Прекрасная квартира. — Церковь Св. Богородицы. — Ученье Русскаго батальона. — Раззореніе въ Шалонѣ. — Домъ правленія. — Квартира у актрисъ. — Бѣдный театръ. — Движеніе авангарда къ Реймсу.

Прежде нежели успѣли мы дойдти до Реймса, союзныя войски были на пути къ Парижу, и Наполеонъ, находясь при послѣдней крайности, одержалъ много побѣдъ, разстроилъ Силезскую армію и заставилъ Союзниковъ ретироваться.

2-го Февраля, ввечеру, довольно поздно пришли мы въ м. Альцей, въ разстояніи отъ Майнца 60 верстъ.

Альцей окруженъ стѣною съ башнями, имѣетъ развалины древняго замка, но все

это такъ миніатюрно, какъ было еще при начатіи построенія Рима, когда Ремъ могъ перескочить черезъ крѣпостной ровъ. Смотря на эти стѣны, я воображалъ тѣ времена, когда дрались здѣсь еще стрѣлами, каменьями, смолою, таранами и летучими башнями съ кошками. Какихъ перемѣнъ не были свидѣтелями эти развалины! Въ самомъ мѣстечкѣ строенія древнія. Жители, Брабантцы Нѣмецкаго происхожденія, казались довольно приверженными къ Наполеону; желая привлечь къ себѣ, онъ щадилъ ихъ болѣе нежели за-Рейнскихъ Нѣмцевъ. Участь здѣшнихъ жителей нынѣ бѣдственная; Князь Блюхеръ, въ замѣну долга, который Пруссаки считали на Французахъ (около 60 милліоновъ), собиралъ теперь со всѣхъ деревень и мѣстечекъ страшныя контрибуціи; сверхъ того надобно было угощать проходящія Русскія войски, и самимъ кормиться. Земля, кажется, довольно плодоносна, но трудолюбія и благосостоянія жителей не видно.

Квартира моя у Жида. Но здѣшніе Жиды совершенно различны отъ нашихъ образомъ жизни, просвѣщеніемъ и всею наружностію; про душу не скажу: вся дѣятельность Жидовскаго племени основана на обманахъ, для пріобрѣтенія легчайшимъ способомъ денегъ. Я нашелъ въ кабине-

тѣ Жида, моего хозяина , Французскія и Нѣмецкія книги , старые романы и портреты трехъ Европейскихъ Императоровъ.

Жители принимаютъ насъ весьма хорошо , и довѣрчивѣе къ намъ , нежели къ Пруссакамъ; но мы не довѣряемъ ихъ привѣтливости, узнавши какую прокламацію издалъ Наполеонъ къ своимъ народамъ: чтобы вездѣ насъ рѣзать и отравлять. Говорятъ, уже этотъ опытъ случился въ Корпусѣ Барона Остенъ-Сакена. Напротивъ того отъ нашего Императора изданъ приказъ по арміямъ, чтобы обходиться съ жителями какъ можно дружелюбнѣе, и побѣждать ихъ болѣе великодушіемъ, нежели мщеніемъ, отнюдь не подражая примѣру Французовъ въ Россіи.—Не должны-ли были враги наши прославлять такого непріятеля, каковъ для нихъ былъ Императоръ Александръ!

5-го Февраля прошли около горы Монъ-Тоннеръ, по которой именуется вся провинція. Городокъ Кайзерслаутернъ весьма бѣденъ, однако больше Альцея. Жители, полу-Нѣмцы или Брабантцы, принимаютъ насъ хорошо.

Въ слѣдующій день переходъ большой, до 40 верстъ, по горамъ. Прошли два мѣстечка, Ландсгутъ и Гомбургъ, въ кото-

рыхъ домы весьма вешхи, и жишели чѣмъ далѣе шѣмъ бѣднѣе: снаружи въ лоскутьяхъ и въ грязи, а на лицахъ у нихъ истощеніе. За то, вокругъ города Цвейбрика, мѣстоположеніе живописное; многіе виды, даже въ нынѣшнее время, достойны кисти. Здѣсь мы дневали, имѣя хорошія квартиры. Мнѣ съ товарищемъ достпалось спопять у булочника, а Подполковникъ нашъ имѣлъ квартиру у вдовы, Графини Лсвенгаупшъ, Шведской породы.

Цвейбрикъ находится между двумя крѣпостпями, Саарбрикъ и Бишшь, и есшь пограничный съ Лошарингіею, куда мы завпра должны вступишь.

Нашимъ отрядомъ начальствуешъ Графъ Сенъ-При. Жишели для него дѣлали балъ, на который были приглашены всѣ офицеры. Въ 4 часа упра слѣдующаго дня командировали меня въ Сааргемюндъ, занимашь для роты квартиры.

Передъ разсвѣшомъ проѣхалъ я черезъ м. Блискастель, за которымъ на горѣ спошишъ шелеграфъ. Опъ Сааргемюнда начинаешся Франція, какъ она была при Бурбонахъ.

Городъ лежишъ на р. Саарѣ, опдѣляющей Лошарингію опъ Брабанша. Пріѣхавши сюда, явился я къ воинскому начальнику, Подполковнику В***, учшивому Гвардей-

цу, для полученія отъ него ассигновки на кварширы, съ которою пошелъ въ Ратушу (Municipalité) подъ Французскимъ орломъ. Здѣсь встрѣтилъ меня Французскій языкъ, и я увидѣлъ себя посреди той націи, которая надѣлала столько зла всей Европѣ и нашему отечеству. Первое впечатлѣніе было во мнѣ необыкновенное: въ Нѣмецкихъ городахъ я привыкъ смотрѣть на медленныхъ, большею частію молчаливыхъ, важныхъ Бургомистровъ, а здѣсь, напротивъ, увидѣлъ говорливыхъ Французовъ, учтивыхъ, но угрюмыхъ, съ смуглыми лицами, на которыхъ выражались попеременно всѣ страсти, отъ внутренняго расположенія духа; видѣлъ liberté et égalité подъ бременемъ неограниченнаго деспотизма. Въ залѣ собранія все обращало на себя мое вниманіе, и даже золотыя пчелки на голубыхъ обояхъ по стѣнамъ. Три Мера, въ очкахъ, суетились расписывая кварширы, между тѣмъ какъ прочіе члены, въ калпакахъ и въ шапкахъ, куря трубки, прохаживались по залѣ. Я имѣлъ довольно времени все разсмотрѣть, потому что много собралось подобныхъ мнѣ претендателей на кварширы. Граждане, недовольные назначеніями Меровъ, безпрестанно приходили къ нимъ съ билетами, требуя перемѣны..... Вдругъ является смуглый,

тощій, проворный Французъ въ матрозскомъ платьѣ, и довольно дерзко объявляетъ Мерамъ, что онъ не въ состояніи выдержать назначеннаго ими постоя; что ихъ назначеніе не сообразно ни съ какими законами; при чемъ, видя непреклонность Меровъ, началъ стучать кулакомъ по столу, проклинать ихъ, и до тѣхъ поръ кричалъ, покуда его не вывели изъ залы собранія. Все это было для меня чрезвычайно удивительно, особенно когда пришла еще старуха, въ большомъ чепчикѣ, надрывалась съ досады, визгливымъ голосомъ бранила Меровъ и готова была вцѣпиться въ глаза имъ; или когда приходили милыя Француженки съ черными глазками, и нѣжнымъ голосомъ умоляли Меровъ.... Кто-бы, кажется, не смягчился на такіе вопли и просьбы? Но хладнокровные Меры, углубившись въ свои дѣла, ничего не слышали, ничего не видѣли, и продолжали писать билеты; они казались совершенно безчувственными.

Наконецъ я получилъ билеты для своихъ артиллеристовъ и пошелъ самъ осматривать домы. Въ Подполковничей квартирѣ встрѣтила меня проворная и ловкая Француженка; она предупреждала мои вопросы, показывая назначаемыя ею три отлично меблированныя комнаты, не смо-

тря на то, что сама была ни что болѣе, какъ жена простаго кирасира, служащаго въ Гвардіи Наполеона; ея сестра, прелестная дѣвушка, не нарочно выставляла свои ножки и, казалось, дышала сладострастіемъ. — Вотъ будетъ масляница, думалъ я, нашему Подполковнику.... Въ Капитанской квартирѣ встрѣтила меня мадамъ, Французская Жидовка, и вся Еврейская фамилія, но столько по наружности скрытая и разукрашенная, что можно было безошибочно принять ихъ за настоящихъ Француженокъ. Моя хозяйка, хлѣбница, хотѣла подкупить Меровъ десятью су (*), а хозяинъ давалъ мнѣ столько-же, чтобы перемѣнить билетъ, въ которомъ назначено было принять трехъ офицеровъ. Но я избавилъ ихъ отъ лишняго расхода.

Здѣсь, въ первой встрѣчѣ, Француженки показались мнѣ весьма милыми, ловкими; я видѣлъ много прекрасныхъ. Всѣ вообще имѣютъ плѣнительные, быстрые черные глазки, въ которыхъ выражается пламенное чувство сладострастія; въ чертахъ лица, въ голосѣ, въ словахъ и взорахъ ихъ видна любовь; казалось, онѣ дви-

(*) Мѣдная копѣйка: двѣ составляютъ монету, подобную нашему грошевику.

жутся и дышатъ этою страстію. Здѣсь я могъ разсмотрѣть, какъ отлична физіономія Француженокъ отъ Нѣмокъ! Въ первыхъ живость, вѣпреность, легкомысліе, непостоянство, горячность; во вторыхъ медленность, основательность, недовѣрчивость, постоянство, холодность. Ближайшее сходство съ Француженками имѣютъ Польки.

Что будетъ далѣе, но въ этомъ первомъ городѣ насъ приняли хорошо, и во время перехода войскъ удивлялись нашимъ гренадерамъ. Однако есть слухи, что далѣе, внутри Франціи, рѣжутъ нашихъ квартирьеровъ. Впрочемъ и здѣсь Французы смотрѣли на насъ угрюмо, съ нахмуренными бровями, которыя тогда только у нихъ вытягивались, когда они вспоминали о Московскомъ пожарѣ и раззореніяхъ въ Россіи. Счастливые непріятели! мы съ ними обходимся какъ съ друзьями, и отыскиваемъ только вооруженныхъ. Ура! Русскіе! будьте примѣромъ для всѣхъ народовъ, своею храбростію и великодушіемъ!

10-го Февраля пришли мы въ Шато-Саленъ. Городъ такъ именуется отъ соляныхъ заводовъ, находящихся въ окрестности, гдѣ добываютъ соль въ значительномъ количествѣ. Отъ Цвейбрика до сюда

жители составляютъ смѣсь Нѣмцевъ съ Французами, и говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ, которое трудно понять.

Шато-Саленъ весьма бѣдный городокъ. Жители раззорены или испещены безпрерывными бѣдствіями. Обхожденіе ихъ съ нами обнаруживало больше боязни, нежели злыхъ замысловъ.

Спранно видѣть какого нибудь оборваннаго въ синемъ кителѣ мужика, или запачканную бабу, или мальчишку нищаго, говорящихъ чисто по-Французски, языкомъ, которымъ у насъ щеголяютъ всѣ модники большаго свѣта; между тѣмъ здѣсь всякая дрянь имъ болтаетъ: вотъ гдѣ ничтожность нашей моды.

Многолюдства не видно; встрѣчаются большею частію старики, мальчики и женщины: конскрипція похитила все юношество и возмужалыхъ.

Отъ Сааргемюнда замѣчательна перемѣна въ зданіяхъ: домы дѣлаются шире, ставни въ окнахъ рѣшетчатые, и внутри домовъ вездѣ камины, а не печи.

Земля здѣсь безплодная, каменистая или глинистая; но хлѣбъ ѣдятъ пшеничный, прѣсный. Отъ Сааргемюнда являются болѣе ровныя мѣста; отъ Майнца до Цвейбрика путь нашъ былъ гористый.

Нанси, значительный коммерческій го-

родъ, больше Франкфурта, стоитъ на равнинѣ и раздѣляется рѣкою Мёртъ на двѣ части; прежде онъ былъ столицею Лотарингіи, теперь главный городъ Мёртскаго Департамента; почитается изъ лучшихъ городовъ Франціи, имѣетъ дворецъ, Епископство и много прекрасныхъ зданій; улицы въ немъ прямыя, широкія, усаженныя деревьями. Лучшая площадь, называемая Наполеоновскою, съ бассейнами и булеваромъ; по срединѣ ея стоитъ бронзовая статуя Генриха IV-го. Лавки или магазины, особенной архитектуры, представляютъ обширный рядъ стекляныхъ дверей. На всякомъ домѣ надпись или вывѣска. Польскій Король, Станиславъ Лещинскій, по родству своему съ Людовикомъ XV, имѣлъ здѣсь резиденцію безъ королевства; онъ значительно украсилъ городъ отличными зданіями. Несчастный этотъ Король-Философъ погребенъ съ своею супругою въ одномъ соборѣ, за 7-мь верстъ отсюда.

Войски наши проходили черезъ городъ церемоніяльно. Французы въ улицахъ смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ; но кто?— почти все ничіе. Простой Французъ одѣтъ бѣднѣе Русскаго мужика; на немъ холщевый, синій кипель сверхъ рубашки и панталоновъ, на головѣ калпакъ, на ногахъ

деревянные башмаки, называемые *сабо*: такова ихъ обыкновенная одежда.

Мнѣ съ товарищемъ отвели квартиру на площади place carrée, въ прежде-бывшей ресторацiи, которой хозяинъ недавно обанкрутился и умеръ; оставшаяся вдова была весьма печальна и, видно съ горя— пьяна.

Я пошелъ въ лавки посмотрѣть на товары. Все очень дорого; за фунтъ сахару взяли съ меня 5 франковъ (*). Такая дороговизна происходитъ не столько отъ войны, какъ отъ большой пошлины, которую платятъ купцы Правительству не за одни колонiяльные товары: даже весь табакъ во Францiи выходитъ изъ Наполеоновыхъ фабрикъ. Табачная монополiя для него столько-же выгодна, какъ винные откупа въ Россiи, ибо нѣтъ Француза, которыйбы не курилъ или не нюхалъ табаку. Извѣстно, что отъ этого зелья у насъ въ большихъ городахъ табачники наколачиваютъ значительные капиталы, переселяясь въ короткое время изъ лубочной лавочки въ огромные собственные домы. Сверхъ того Наполеонъ собираетъ пошлину съ дверей, оконъ и струбъ. Вотъ ка-

(*) Монету, равняющуюся нашему серебряному рублю.

кою цѣною куплена Французами вольность и равенство! вольность, за которую они погубили слишкомъ добраго Короля. За то теперь Наполеонъ между ними, какъ аистъ между лягушками: глотаетъ по выбору.

Театръ въ Нанси такъ-же великъ какъ во Франкфуртѣ, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ бѣднѣе музыкою и гардеробомъ. Играли Оперу, la Folie, въ трехъ дѣйствіяхъ. Зрителями были одни наши военные офицеры, и то немногіе; Французовъ-же, выключая мальчиковъ, ни одного. Ложи и кресла были пусты, а въ партерѣ стояли Казаки съ Пруссаками. Музыка въ оперѣ весьма порядочная и нѣкоторыя аріи очень милы. Акторы поютъ хорошо, играютъ ловко, но они не въ духѣ. До веселья-ли имъ теперь, когда отечество погибаетъ? Ихъ заставили играть, не могши заставить жителей города сдѣлать балъ. Буфетъ при театрѣ похожъ на толкучій рынокъ; послѣ каждаго дѣйствія надобно ожидать болѣе получаса поднятія занавѣса. Французы, будучи отъ природы шутливы и вѣтрены, теперь ходятъ съ поникшими головами и въ крѣпкой думѣ, конечно о предстоящемъ бѣдствіи; но мальчики довольно говорливы. Забравшись въ первый рядъ креселъ, я-бы сидѣлъ уединенно, если-бы не подошли ко мнѣ мальчики

во фракахъ, засунувъ въ карманы руки, по общему обыкновенію, и съ шляпами на головахъ; они свободно разваливались передо мною на балюстрадѣ, и въ антракшахъ пьесы часто обращались ко мнѣ съ вопросами, сначала о театрѣ, какъ онъ нравится, потомъ о городѣ; наконецъ одинъ спросилъ у меня : « Неужели вы думаете быть въ Парижѣ?» —Непремѣнно, такъ-же какъ ваши войски были въ Москвѣ. — « И вы сожжете Парижъ?» —Не знаю.— « Пожалуста не жгите Парижа; вамъ стыдно будетъ.... » Занавѣсъ поднялась. Я не столько смотрѣлъ на пьесу, какъ на малютокъ, занимающихся политикою и судьбою своего отечества. Изъ этого видно, какъ рано созрѣваетъ юношество во Франціи.

Блюхеръ вошелъ въ Нанси 8 Января. Члены Магистрата и почетные жители встрѣтили его и представили ему ключи города, которые послалъ онъ тотчасъ къ нашему Государю.

Здѣсь узнали мы, что вся Силезская армія Блюхера, бывши растянута на пути къ Парижу, разбита Наполеономъ ; самъ Блюхеръ, 2 Февраля, чуть не попался въ руки Французовъ ; Прусская пѣхота, построившись въ каре, должна была верстъ 15 пробиваться сквозь непріятельскую кавалерію, выдерживая безпрестанныя апа-

ки. Блюхеръ былъ совершенно окруженъ Французами, и гибель его казалась неизбѣжною. Конной роты Полковника Шушерина храбрый офицеръ Реадъ, съ канонерами, провелъ Блюхера къ Этожу, прорубаясь сквозь непріятельскую кавалерію. Въ шесть дней Силезская армія потеряла 18,000 войска и 43 орудія; послѣ этого Блюхеръ долженъ былъ отступить къ Шалону, а Наполеонъ обратился на большую союзную армію. Князь Шварценбергъ принужденъ былъ отступить къ Труа. Столь быстрые успѣхи Наполеона, значительныя потери въ союзныхъ войскахъ, болѣзни, распространившіяся въ арміяхъ, опустошенная страна безъ способовъ продовольствія, возмущеніе народа въ покоренныхъ областяхъ, и 40,000-й Корпусъ Генерала Ожеро при Ліонѣ въ тылу, все это побудило Союзниковъ предложить Наполеону миръ; но онъ былъ такъ гордъ послѣдними успѣхами, что отвергнулъ его, сказавши: Теперь я ближе къ Вѣнѣ, нежели къ Парижу.

Мы располагались было дневать въ Нанси, но намъ приказано поспѣшить впередъ, на замѣну страшной убыли, происшедшей отъ излишней поспѣшности Блюхера и скораго желанія овладѣть Парижемъ.

12-го Февраля пришли мы въ гор. Туль,

не далѣе 15 верстъ. Дорога въ иныхъ мѣстахъ была-бы непроходимою, если-бы искуство не воздвигло насыпей, въ вышину саженъ на 20, обсаженныхъ пріятными аллеями. Намъ встрѣчалось много ословъ, навьюченныхъ дровами, и огромныя, двухколесныя шарашайки въ одну лошадь. Лошади и волы здѣсь нынѣ очень худы. Поселяне покрыты лоскутьями, какъ нищіе. Намъ встрѣтилось еще множество фуръ, съ ранеными разбитыхъ Корпусовъ Силезской арміи; они подтвердили прежнія извѣстія, прибавляя къ тому, что всѣ Генералы взяты въ плѣнъ, пушки отняты, и наши ретируются съ остатками! Такія вѣсти отбили у насъ охоту идти въ Парижъ.

Городъ Туль видѣнъ не доходя 10 верстъ; онъ вчетверо менѣе Нанси, окруженъ земляным валомъ съ бастіонами, и могъ-бы держаться съ хорошимъ гарнизономъ. Наполеонъ оставилъ здѣсь калеку-Коменданта съ 400 человѣкъ хромаго войска, которое при первомъ появленіи Пруссаковъ сдалось. Крѣпость занята теперь снова Испанцами, оставленными въ Нанси и передавшимися къ намъ.

Квартира достлалась мнѣ у роялиста, или у гренадера королевскаго войска, получившаго въ началѣ Революціи отставку.

Онъ разсказывалъ мнѣ нѣкоторыя подробности Революціи, увѣряя, что Англичане уговорили Принца Орлеанскаго и черный народъ убить Короля Людовика XVI-го съ фамиліею, надѣясь воспользоваться внутреннимъ смятеніемъ Франціи. Наполеонъ желалъ уничтожить могущество Россіи, но, по мнѣнію инвалида, гораздо легче быть побѣдителемъ Англичанъ. Робеспьеръ и Мирабо возстановили порядокъ и законы; Наполеонъ ихъ усовершенствовалъ; онъ возвеличилъ Францію побѣдами, обогатилъ пріобрѣтеніями. Съ какимъ горемъ воспоминалъ этотъ ветеранъ мужество и красоту Наполеоновой арміи передъ Московскою кампаніею! Какъ непритворно разглаживались черты лица его при напоминаніи о минувшей славѣ Франціи, которая двадцать лѣтъ разцвѣтала передъ Европою своимъ преимуществомъ! Французы должны желать мира, сказалъ онъ; одинъ прочный миръ можетъ еще возстановить увядающія ихъ силы и политическое бытіе. — Точно, отвѣчалъ я, Наполеонъ и его сподвижники похожи теперь на мыльные пузыри, которые еще блестятъ и надуваются, но скоро явится одинъ прахъ ихъ величія.

Домы въ Тулѣ старые, закоптѣлые, лавки заперты, и по надписямъ на домахъ

всѣ они идутъ въ продажу, или отдаются въ наймы. Улицы завалены соромъ и нечистотою: національная привычка къ неопрятности. Соборъ примѣчателенъ своею Готическою архитектурою и разными украшеніями изъ простаго камня. Народа видно немного; впрочемъ, встрѣчаются праздношатающіеся молодцы, которыхъ можно-бъ было завербовать въ конскрипцію.

Судя по огромности каждаго дома, по хорошимъ, хотя ветхимъ, мебелямъ, мы думали найдти въ городѣ изобиліе на столѣ; но нищета и горе встрѣчали насъ печальными взорами. Чтобъ выманить нѣсколько су изъ щедраго кармана Русскаго офицера, употребляются различныя средства: мужчинами фиглярство, а женщинами .... впрочемъ все истощено.

На площади показывали разныхъ звѣрей и птицъ. Прекрасная, свѣжая, полная, молодая Француженка декламировала звонкимъ голосомъ всякому приходящему, за полфранка, имена и качества своихъ животныхъ. Изъ числа трехъ обезьянъ, одинъ сѣрый сатиръ, величиною съ десятилѣтняго ребенка, столько былъ влюбленъ въ свою хозяйку, что, видя ее, прыгалъ, кричалъ и попиралъ въ лапахъ чесночную луковицу. Морская кошка, Альпійскій орелъ, два филина, пѣтухъ съ рогами, фа-

заны, медвѣдь, барсукъ и волкъ составляютъ одно семейство въ разныхъ клѣткахъ, съ которыми красавица вездѣ свободно путешествуетъ, и въ самыя смутныя времена собираетъ съ побѣдителей Франціи контрибуцію.

Здѣсь есть театръ; въ афишкѣ назначено играть оперу: La Fausse Magie. Судя по невеселой игрѣ въ Нанси, я не хотѣлъ видѣть здѣшней.

Мѣстечко Вуадъ лежитъ по лѣвой сторонѣ р. Мааса, которая въ руслѣ здѣсь не болѣе 5 саж. шириною, но разливается на версту. Отъ Туля мѣстоположеніе опять гористое. Квартиры наши бѣдны.

Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ на верховомъ почтальонѣ деревянные бонфорты, которые прикрѣплены къ сѣдлу, и охраняютъ его, при паденіи лошади, отъ ушиба, хотя-бы онъ скакалъ во всю мочь.

Къ Линьи путь гористый. Подходя къ городу, видите на правой сторонѣ, по отлогостямъ горъ, необозримый виноградникъ. Земля отъ Туля до сюда песчаная, каменистая, и потому не должна быть хлѣбородна; вино здѣсь изрядное, красное.

Линьи является вдругъ изъ-за горы въ прекрасной перспективѣ: при входѣ шумящая рѣчка и старыя башенки по стѣнамъ

дают городу живописный видъ. На воротахъ надпись: À l'Impératrice Marie Louise. Можетъ быть, этою надписью думали сберечь городъ отъ раззоренія ; впрочемъ, говорятъ, онъ принадлежитъ Маршалу Удино. Городъ почти пустъ ; на всѣхъ домахъ надписи: à vendre, или à louer. Въ окнахъ очень много побитыхъ стеколъ. Здѣсь была упорная драка, когда Князь Щербатовъ выгонялъ Французскія войски.

Изъ предосторожности ставятъ насъ на квартиры по два и по три. Здѣсь я съ товарищемъ стоялъ въ домѣ у 90-та лѣтней мамзели , которая встрѣтила насъ со страхомъ и старалась услуживать; но мы ей не довѣряли, какъ старой вѣдьмѣ.

15-го Февраля пришли въ Сенъ-Дизье. Отъ Линьи новая мостовая , шоссе ; дорога, изсѣченная по отлогости горъ, удивляетъ смѣлостью и искуствомъ работы ; вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣніе прельщается пріятными видами, достойными кисти живописца во всякое время.

Третій день встрѣчаются намъ обозы Прусскіе со множествомъ раненыхъ, послѣ сраженія при Шампъ-Оберѣ. На привалѣ проѣхалъ мимо насъ кто-то съ женою и дѣтьми въ колескѣ, изъ Шалона ; когда его остановили, онъ показалъ открытый листъ за подписью Графа Ланжерона , въ

которомъ означенъ Англичаниномъ. Этотъ Французъ-Англичанинъ разсказывалъ намъ, что Шалонъ, гдѣ онъ жилъ, много пострадалъ отъ бывшаго тамъ сраженія; что Генералъ Іоркъ приступалъ къ нему и до половины выжегъ, покуда онъ не сдался; что Силезская армія Блюхера много потерпѣла, и большая союзная отступила за г. Труа къ Шомону. Иногда встрѣчались намъ старые биваки. Все означало приближеніе къ военнымъ дѣйствіямъ. По слухамъ, въ иныхъ мѣстахъ поселяне рѣжутъ Пруссаковъ, и за то Блюхеръ пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ разстрѣливаетъ, а семейства отправляетъ ссылкою въ Сибирь.

Городъ Сенъ-Дизье больше Тула и простирается вдоль по Марнѣ; улицы пустыя, народа видно весьма немного, и тотъ прячется.

Въ домахъ остаются почти однѣ женщины. У меня въ квартирѣ было три хозяйки, изъ которыхъ у одной мужъ, а у другой братъ взяты въ плѣнъ Русскими. Кормятъ хорошо, хотя мы всегда думаемъ, что насъ отравятъ. Въ домахъ не видно порядка, чистоты и опрятства, какъ у Нѣмцевъ.

Вошедши въ комнату, я засталъ трехъ дамъ у камина, изъ которыхъ одна чи-

тала вслухъ жизнь и дѣянія Емельки Пугачева, переводъ съ Русскаго оригинала. Для меня было удивительно и вмѣстѣ пріятно видѣть ихъ въ этомъ занятіи. Я догадывался, что онѣ хотѣли изъ этого сочиненія узнать Рускихъ, которыхъ нынѣ видятъ совсѣмъ иначе, нежели какъ имъ описывали ихъ папріоты. — «Вотъ разбойникъ,» сказала мнѣ одна дама, «который хотѣлъ завладѣть престоломъ!»— Такъ-же какъ всѣ похитители, изъ которыхъ многіе были счастливѣе — отвѣчалъ я.

Говорятъ, мы окружены Французскими партизанами, и для того всегда идемъ съ военною предосторожностію: шесть орудій нашихъ впереди, подъ прикрытіемъ Полоцкаго полка; всѣ обозы заключены въ средней колоннѣ съ Рязанскимъ полкомъ; а другія шесть орудій нашихъ, съ 33-мъ егерскимъ полкомъ, остались назади, дожидаться запаснаго парка.

Путь къ Вишри напоминаетъ Саксонію около Лейпцига: пространныя долины украшены рощицами, изъ за которыхъ выказываются бѣлые домики, или мызы живописнаго вида. Отъ Линьи до Сенъ-Дизье горы, лѣса, пески, камни, и много виноградниковъ, а здѣсь хлѣбородныя поля и мало воды. На пути къ Вишри встрѣ-

чались намъ раззоренныя деревни, или пустые домы, безъ дверей, съ разбитыми окнами; внутри вся домашняя утварь переломана и разбросана. Поселяне скрываются въ лѣсахъ, и показываются иногда толпами въ сторонѣ отъ дороги.

Древняя, Готическая, высокая церковь Св. Богородицы придаетъ много величія городу Витри, который окруженъ земляным валомъ. Здѣсь оставлено до 3,000 Пруссаковъ для гарнизона. Наполеонъ былъ здѣсь 14 Января, и отсюда началъ военныя дѣйствія. Узнавши, что Рускіе подходили близко, онъ приказалъ тѣснить ихъ къ Сенъ-Дизье, имѣя намѣреніе отрѣзать Блюхера отъ Нанси, и напасть во флангъ и въ тылъ большой союзной арміи; но узнавши опять, что Блюхеръ въ Бріеннѣ, обратился туда, гдѣ три дни продолжалось неудачное для него сраженіе, извѣстное подъ именемъ *Ла Ротіерскаго.*

Въ городѣ обширная площадь наполнена Прусскими обозами. Жителей очень много; они собраны изъ окрестныхъ деревень для исправленія крѣпостнаго вала, потому что здѣсь учреждено военное депо и магазины продовольствія. Строенія въ городѣ весьма порядочныя.

Прошедшую ночь Французскіе партизаны прогуливались вокругъ крѣпости, на-

мѣреваясь ворваться въ нее, какъ волки въ закрытую овчарню. Одна полурота наша стоитъ внѣ крѣпости, подъ прикрытіемъ егерей, другая съ паркомъ еще не пришла.

Мнѣ достлалась прекраснѣйшая квартира, какой я еще никогда не имѣлъ: двѣ комнаты съ Китайскими обоями и съ богатою мебелью, обширная кровать подъ пурпуровымъ балдахиномъ, на столѣ бронзовые древніе часы, каминъ съ зеркаломъ, и большія Венеціянскія окна прямо въ садъ. Солнышко весь день свѣтитъ въ мои комнаты. Къ обѣду приносятъ всегда отличныя три блюда и бутылку хорошаго вина. Хозяинъ мой почтенный членъ Городоваго Правленія; съ нимъ я рѣдко вижусь, и, кромѣ привѣтствій, не имѣлъ разговора. Здѣсь въ первый разъ почувствовалъ я удовольствіе домашней жизни и собственности. Если-бы, думалъ я, имѣть когда нибудь и мнѣ подобныя этимъ комнаты, съ принадлежностію, соотвѣтственною моему вкусу! если-бы.... О, какъ далекъ еще я отъ этого! Сперва надобно научиться пріобрѣтать, потомъ умѣть сберегать, а наконецъ располагать и наслаждаться. Пріятно сидѣть въ окружающемъ насъ изобиліи, гдѣ предупреждаютъ наши желанія, льстятъ самолю-

бію! очень пріятно! но на долго-ли это? Можетъ быть завтра-же я долженъ буду валяться подъ дождемъ, среди вѣпровъ, въ грязи, и грызть одинъ грубый сухарь, помачивая его въ лужѣ! Участь военнаго человѣка есть школа терпѣнія, школа всѣхъ страстей, бѣдствій, удовольствій, горестей и наслажденій, безпрерывная смѣсь добра и зла. Счастливъ тотъ, кто среди этого хаоса выдержитъ всѣ пробы и выйдетъ съ непорочнымъ сердцемъ! — Такъ мечталъ я, засыпая на прекрасной, двойной постелѣ, подъ атласнымъ одѣяломъ, имѣя подъ головою одну круглую атласную подушку съ большими кистями; но другая половина моей постели оставалась необитаемою: я взглянулъ на нее печально, чувствуя пустоту въ половинѣ моего сердца....

Нашему Графу Сенъ-При поручено въ командованіе еще 10,000 Пруссаковъ, которые идутъ за нами, что вмѣстѣ составитъ Корпусъ около 14,000 войска. Всю эту массу онъ долженъ соединить и дѣйствовать наступательно къ Реймсу.

По утру, во время дневки, ходилъ я прогуливаться за городъ, черезъ Марну. Прекрасный каменный мостъ разрушенъ взрывомъ средней арки. Теперь тутъ сдѣланъ парапетъ, и за нимъ поставлена Прусская

глубица, вдоль большой дороги. Отъ города за мостъ простирается по шоссе тополевая аллея; деревья, въ аршинъ толщины и сажени три длины, на которыхъ время начертало грубыя морщины, валяются, какъ гордые исполины, сверженные сѣкирою сильнаго, среди дороги, которой они были украшеніемъ. Французскіе топорники очень равнодушно ихъ рубили и болванили. «Что̀ вы дѣлаете?» спросилъ я, желая увидѣть на лицахъ состраданіе.—*Палисады*! отвѣчали они хладнокровно.

Колокола звонятъ; я спѣшу въ великолѣпный храмъ Божіей Матери (Notre-Dame), который снаружи много обѣщаетъ; вхожу—часовой стоитъ у дверей, а все огромное пространство внутренности наполнено сѣномъ и овсомъ.—Что это?—*Гамазея*! сказалъ солдатъ сморщившись... Я пожалѣлъ о безнравственныхъ Французахъ. Неужели еще будемъ мы подражать во всемъ этимъ милымъ шалунамъ, учтивымъ, вѣжливымъ ласкателямъ, которые, предупреждая слова и мысли, осыпаютъ насъ лестнѣйшими привѣтствіями, изощряя между тѣмъ жало, чтобы при первомъ случаѣ вонзить его въ наше сердце, съ нѣжною улыбкою?....

Изъ церкви вышелъ я на площадь. Р*** полка баталіонъ парадировалъ, или учился

на тѣсномъ пространствѣ, сколько позволяли скопившіеся обозы. Праздные Французы и Пруссаки сбѣгались съ разныхъ сторонъ, удивляться чистотѣ и красотѣ одежды, росту и мужеству Русскихъ солдатъ. Гренадерскій взводъ годился-бы въ гвардію: люди бодрые, молодые и здоровые. Впрочемъ, не льзя не быть имъ такими: ихъ командиръ молодецъ, все видитъ, каждаго поправляетъ. Зрители смотрѣли съ разинутыми ртами, между тѣмъ какъ небольшое число замѣчателей во фракахъ, стороною сравнивали ученье Французскихъ солдатъ съ Русскими, и отдавали, кажется, видимому преимущество. Великая разница между Русскимъ и Французскимъ солдатомъ! Никто не превзойдетъ нашего въ терпѣніи и въ послушаніи. Надобно знать Русскихъ солдатъ, чтобъ умѣть побѣждать съ ними; Суворовъ зналъ ихъ и дѣлалъ чудеса; у него штыкъ Русскій молодецъ, а Французская пуля дура.

Въ тюрьмѣ содержатся шесть Французскихъ поселянъ, которые дѣлали разныя тиранства надъ нашими курьерами и отсталыми; ихъ велѣно разстрѣлять.

18-го Февраля пришли въ Шалонъ. Вотъ мы опять въ большомъ провинціяльномъ городѣ Шампани (Champagne-Pouilleuse), прославленной у насъ шипучимъ виномъ;

но лучшее вино, говорятъ, въ Провансѣ. Городъ былъ когда-то крѣпостію; это обнаруживаютъ его каменныя стѣны и башни. Отъ Витри до Шалона повсюду слѣды ужаснаго опустошенія; несчастные жители толпами скитаются въ лѣсахъ, или прячутся въ развалины домовъ. Передъ въѣздомъ въ Шалонъ, цѣлое предмѣстіе представляетъ, вмѣсто домовъ, однѣ стѣны безъ крышъ: солома, лоскутья, обгорѣлыя бревна, стекла, кирпичи и пепелъ разбросаны повсюду. Стѣны города разбиты, и передъ воротами насажены вновь палисады. Макдональдъ хотѣлъ удержаться здѣсь; но Пруссаки, подъ начальствомъ Іорка, стали зажигать городъ бомбами, и граждане упросили Макдональда сдать его непріятелямъ съ условіемъ, чтобъ ихъ пощадили. Пруссаки, не смотря на это, ворвались и грабили. Жители весьма бѣдны; со страхомъ ходятъ между развалинами, и, не узнавая своихъ жилищъ, заливаются слезами.... Бѣдственная участь войны!

Городъ внутри крѣпости великъ и весьма древенъ, такъ что многіе домы угрожаютъ паденіемъ; улицы неправильны. На площади возвышается величественное, огромное зданіе, заключающее въ себѣ присутственныя мѣста, правленіе Департа-

мента, и палаты для военныхъ дѣлъ. Четыре каменные льва стоятъ передъ входомъ на пространную лѣстницу. Въ простѣнкахъ ея прекрасныя статуи; передъ входомъ въ большую залу, на стѣнахъ висятъ портреты славныхъ мужей, Шалонскихъ урожденцевъ. Комнаты внутри наполнены около стѣнъ кипами письменныхъ дѣлъ, какъ и въ нашихъ палатахъ бываетъ. Взадъ и впередъ ходитъ множество народа: тутъ являлись Французскіе сюртуки подъ круглыми шляпами, или военные мундиры съ саблями, или синіе кители, между которыми часто мелькали дамскіе чепчики, или продирались гренадерскіе усы подъ киверами. Стѣны лучшихъ комнатъ увѣшаны превосходными картинами. Я останавливался передъ изображеніемъ зимы, и разсматривая ее, чувствовалъ холодъ; любовался прикованнымъ къ скалѣ Промепеемъ, котораго терзаетъ коршунъ; видѣлъ съ удовольствіемъ спящаго Эрота, котораго самъ-бы хотѣлъ поцѣловать; удивлялся живости сгеря съ дичиною, и смѣялся Жиду, выглядывающему изъ корчемнаго окна... Это было наслажденіе для моего зрѣнія, которое давно ждало такой пищи.

Солдаты стояли биваками въ предмѣстіи города, близъ пустой церкви. Какой

видъ! Гдѣ прежде молились, тамъ, передъ входомъ, пылаютъ огни, около которыхъ кипятъ котлы съ мясомъ; тутъ складены ружья въ козлы, тутъ, подъ стѣною храма, спятъ утомленные, а тамъ, съ трубками въ зубахъ, смѣнившіеся жарятъ рубашки, раскручивая ихъ надъ пламенемъ, или грѣютъ плечи. — Какой видъ!... Жестокая война!

Вошедши по билету въ показанную квартиру, я засталъ за большимъ столомъ нѣсколько мамзелей и мадамъ, между которыми сидѣлъ только одинъ угрюмый мосьё. Одна пожилая дама, взглянувши на билетъ, тотчасъ вскочила, и показала мнѣ въ верхнемъ этажѣ большую комнату со многими постелями. — Зачѣмъ-бы такъ много?—думалъ я, и сошелъ внизъ. Изъ сидѣвшихъ тутъ послѣ окончанія обѣда, одна дама спросила меня: « А что? много-ли будетъ офицеровъ сегодня въ городѣ?»— Вы узнаете объ этомъ, когда увидите вступающихъ сюда четыре тысячи солдатъ. — «О, такъ вы будете имѣть спектакль, прекрасный спектакль!»—Это что?—спросилъ я.—«Мадамъ, отвѣчала другая дама, Директриса, и она, для удовольствія Русскихъ офицеровъ, дастъ сегодня оперу.»— А, а! вотъ что! Тогда я догадался, въ какое попалъ общество.—«Какъ много офицеровъ,

полагаете вы, будетъ въ театрѣ?» спросила у меня опять Директриса.—«Что нужды до этого, сказалъ мосьё.»—«Но веселую оперу, и не дорого!» отвѣчалъ я, уходя вонъ. По возвращеніи, хозяйка рекомендовала мнѣ одну степенную даму, которая пятнадцать лѣтъ жила въ Россіи, имѣя честь забавлять С. Петербургскую публику на Французскомъ театрѣ. Эта дама засыпала меня вопросами о Россіи, какъ о знакомой ей странѣ; но я, извинясь недосугомъ, обѣщалъ поговорить съ нею послѣ обѣда.

Всѣхъ этихъ особъ я удостоился видѣть сегодня вечеромъ, въ несчастномъ театрѣ. Музыкантовъ было четверо, а зрителей десятка два, и я сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Начальная пьеса была: L'épreuve villageoise, а вторая: La famille d'innocens. Обѣ сыграны несчастливо. Музыка дурная; но пѣли изрядно двѣ актрисы, и одинъ актеръ; за то другой ревѣлъ охриплымъ басомъ. Въ Шалонѣ я ожидалъ не такого театра. Что дѣлать? Теперь Французамъ не до забавъ: все лучшее, живое и веселое у Наполеона подъ ружьемъ.

Мы другой день на мѣстѣ; ожидаемъ, покуда стянется весь Корпусъ.

Я живу у актрисъ. Вокругъ меня учатъ роли, поютъ, пляшутъ, играютъ. Дру-

гой-бы на моемъ мѣстѣ почелъ себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ, умѣя снискивать благосклонность красавицъ; но я—въ первый день игралъ самъ роль Митрофанушки. Я замѣтилъ, что лица актрисъ хороши только подъ театральною штукатуркою, при свѣчахъ; но въ свѣтлый день и вблизи они кажутся страшными. Эти лица, холодныя, измятыя, упружденныя ночнымъ бдѣніемъ; эти глаза, слабые, смотрящіе всегда внизъ, на карманы.... признаюсь, не были для меня обольстительными.—« Вамъ стоитъ только постучаться напротивъ вашей комнаты въ двери прекрасной сосѣдки,» сказала наконецъ мнѣ съ лукавою улыбкою хозяйка—« и онѣ передъ вами откроются. »—Постучаться?—спросилъ я:—не червонцемъ-ли? Но я не умѣю любить цѣною золота, не умѣю изъясняться.— Хозяйская дочь, милая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, часто приходила ко мнѣ прислуживаться чѣмъ нибудь; я смѣлъ говорить ей только привѣтствія, которыя она принимала съ удовольствіемъ.

Въ квартирѣ у нашего Подполковника была глухонѣмая дочь Графа Жиронкура, у котораго изъ осьмерыхъ дѣтей только трое были не уродами, а прочія всѣ то слѣпыя, то глухія; увѣряютъ даже, что одна дочь была у него съ телячьей голо-

вой, и облизывалась длинным языкомъ своимъ, какъ животное; она жила до 24 лѣтъ, хотѣла непремѣнно за мужъ, и гонялась за мужчинами. Отецъ принужденъ былъ посадить ее въ монастырь; тамъ она, уснувши разъ подлѣ камина, сгорѣла.— Въ Шалонѣ есть монастырь для воспитанія дѣвушекъ.

Ввечеру публика наша въ театрѣ была очень довольна игрою молодаго актера, Г-на Мапе. Представляли комедію: *Глухой*, или настоящій трактиръ, въ которомъ актеры преисправно ужинали, возбуждая аппетитъ и въ зрителяхъ. Англійскій Капитанъ, потерявшій слухъ отъ выстрѣла изъ пушки, и молодой путешественникъ влюбляются въ пріѣзжую госпожу, въ трактирѣ. Путешественникъ (Г. Мапе) забавлялъ насъ своими шутками; онъ волочился за дамою, и ужиналъ за пятерыхъ; болѣе всего насмѣшилъ насъ приготовленіемъ изъ ужиннаго стола для себя постели: нагрѣлъ ее жаровнею, изъ которой выскочила кошка; вмѣсто калпака укуталъ голову листомъ бумаги, а вмѣсто урны поставилъ подъ постель салатникъ, выбросивши салатъ на суфлера. Послѣ того онъ принужденъ былъ отказаться отъ любовницы, будучи устрашенъ пистолетнымъ выстрѣломъ отъ глу-

хаго Англичанина, при чемъ воображалъ себя убитымъ, и не вѣрилъ, ощупывая самъ себя, что онъ еще живъ. Пьеса весьма проста, но была украшена игрою хорошаго актера. Зрителей собралось, однихъ военныхъ, Русскихъ и Прусскихъ офицеровъ и солдатъ, до 200 человѣкъ; самъ Графъ Сенъ-При удостоилъ бѣдный театръ своимъ посѣщеніемъ. Вторая пьеса была опера: Basile et Babette, или Примиренная ревность между пастухами. Мадамъ Тюрпень, низенькая, толстенькая, съ надутою шейкою и съ Китайскими ножками актриса; старалась нѣжнымъ выговоромъ словъ, плаксивымъ голосомъ и притворными слезками возбудить къ себѣ чувствительность въ зрителяхъ съ толстыми эполетами. Эта дородная пастушка пѣла изрядно, съ тяжелыми отдышками, потому что была очень перетянута шнуровкою. Актеръ Матте представлялъ дѣдушку въ 90 лѣтъ, съ сѣдыми бровями и лысиною; онъ такъ хорошо игралъ, что стоилъ выклички. На этотъ разъ мы были довольны актерами; отъ нихъ не требовалось болѣе: лишь-бы за два франка насмѣшили до сыта, потому что большая часть зрителей не понимала языка и довольствовалась тѣмъ, что могла угадывать содержаніе пьесы по дѣйствію. Жизнь актеровъ теперь

завидна ; всѣ они живутъ для своего удовольствія , не мѣшаясь въ политику и въ участь отечества. Они то-же раздѣлены на Департаменты , и здѣшніе принадлежатъ къ 17-му разряду. У Наполеона во всемъ порядокъ и со всего пошлина.

Пополудни Подполковникъ мой командировалъ меня осмотрѣть окрестности города, и сдѣлать имъ планъ, на случай защиты отъ партизановъ, которые вокругъ таскаются какъ голодные волки. Я замѣтилъ за городомъ прекрасное гулянье, называемое le Jard, или лугъ , между двумя рукавами Марны, усаженный липами. Весною здѣсь должно быть очень пріятно.

Получено извѣстіе , что Французскія войски, при помощи жителей, захватили въ Реймсѣ нашего Князя N**, съ 380 Башкирцами и 150 егерями, и потому авангардъ нашего Корпуса, состоящій изъ Полоцкаго полка, 4 орудій и двухъ эскадроновъ драгунъ, подъ начальствомъ Генерала Эммануеля, выступилъ къ Реймсу. Передъ тѣмъ, посланный впередъ, для рекогносцировки означеннаго пути, Свитскій офицеръ, Князь N***, съ 15 Казаками, находился въ опасности, будучи встрѣченъ и окруженъ партіею вооруженныхъ жителей: скорое прибытіе авангарда спасло его. Всѣмъ оста-

шимся войскамъ въ Шалонѣ велѣно выступить на биваки.

На прощаньѣ надобно было въ послѣдній разъ зайдти въ театръ. Играли оперу: Matelot, весьма дурно. Матроса представляла 40-лѣтняя актриса, безъ зубовъ. Исключая актера Маше и мадамъ Маршель, всѣ актеры съ отвратительными лицами: косые, кривоносые, кривоногіе, картавые, безголосые, словомъ, вовсе негодные въ конскрипцію. Послѣ оперы играли комедію: *Ненависть и Злоба*, въ которой актриса, Г-жа Брюнетъ, хотя пожилая женщина, играла порядочно, и показала намъ, что она старая птица: съ полчаса говорила одинъ монологъ такъ выразительно, какъ слѣдуетъ доброму оратору. Она представляла два лица: старуху и дѣвушку, и обѣ роли сыграла весьма порядочно. Любовникъ ея молодаго лица, актеръ съ кривымъ носомъ, смѣшилъ насъ своимъ отчаяніемъ и плаксивымъ голосомъ. Ничего нѣтъ несноснѣе, если актеръ, желая представить горестное лицо, морщится, какъ отъ лекарства. Но.... простите удовольствія! простите теплыя квартиры, мягкія постели, лакомыя блюда! простите красавицы-прислужницы! Пора идти намъ въ поле, на дымные биваки, представлять

самимъ пьесы, на которыя смотрятъ зрители цѣлаго свѣта!

Огни пылаютъ, воинственный шумъ царствуетъ въ войскѣ, среди безмолвныхъ стѣнъ раззоренныхъ жилищъ. Дикое веселіе оживляетъ воиновъ около огня и котловъ съ кипящею кашицею. Мы, съ трубками въ зубахъ, грѣемся передъ каминами въ разрушенныхъ домахъ; пуки соломы разстилаются для насъ на сырой землѣ, между развалинами: все дышитъ войною, гибельною войною!

ГЛАВА III.

ОТЪ РЕЙМСА ДО ЛАОНА.

Путь къ Реймсу. — Видъ города. — Парламентёръ. — Приступъ. — Канонада. — Отступленіе. — Приготовленіе къ штурму. — Взятіе Реймса. — Состояніе города. — Молебствіе. — Обѣдня въ соборѣ. — Тревога. — Встрѣча съ непріятелемъ. — Бездѣйствіе. — Сраженіе. — Бѣгство. — Разсѣяніе войскъ. — Берiобакъ. — Фетье.

22-го Февраля не дошли мы до Реймса 12 верстъ, и стали на биваки въ раззоренномъ селеніи Бономъ; шутъ все пошло на огонь, кромѣ стѣнъ каменныхъ и крышь черепичныхъ. Бѣдственная война! ты превращаешь прелестныя обиталища въ развалины и кладбища! Тамъ, гдѣ мирные поселяне, въ кругу семействъ своихъ, наслаждались всѣми благами жизни, не мѣшаясь въ политику честолюбцевъ, тамъ раздаются теперь смертоносные громы пушекъ; устрашенныя, беззащитныя жертвы бѣгутъ въ лѣса и горы, оставляя жилища свои на расхищеніе чужеземцамъ, которые несутъ

огнь и смерть, можетъ быть, лучшимъ друзьямъ своимъ въ мирное время.

Путь отъ Шалона къ Реймсу представляетъ равнины, похожія на наши Елисаветградскія степи; грунтъ земли известковый, неспособный для хлѣба, но полезный для винограда, производящаго шипучее вино, прославившее и обогатившее, на счетъ Русскихъ, Шампань. Зелени еще не видно; поля сѣры и влажны.

По утру, въ 6 часовъ слѣдующаго дня, тронулись мы съ мѣста и зажгли биваки. Въ Силлери оставили обозы, и въ боевомъ порядкѣ подвигались къ Реймсу. Авангардъ нашъ еще вчера подходилъ къ городу, и былъ встрѣченъ изъ него ядрами. Насъ съ Пруссаками теперь не болѣе 6,000.

Реймсъ былъ защищаемъ весьма слабымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ Генерала Корбино, а потому Графъ Сенъ-При тотчасъ намѣренъ былъ приступить и взять его.

Не доходя версты четыре до города, мы увидѣли вершины колокольней, и заслышали пушечные выстрѣлы по авангарду. Приблизившись къ городу на пушечный выстрѣлъ, войски остановились за горою, которая скрывала крѣпость. Графъ разсматривалъ мѣстоположеніе, чтобы лучше устроиться для приступа. Мнѣ так-

же вздумалось рекогносцировать. Я опытомъ узналъ, что артиллерійскому офицеру, болѣе другихъ, нужно, до начатія дѣла, осмотрѣть впереди и позади себя мѣстоположеніе, и видѣть, какъ лучше провести пушки, гдѣ удобнѣе поставить ихъ для дѣйствія, и куда, въ случаѣ надобности, уходить. Легкой рысью взъѣхалъ я верхомъ, по Шалонской дорогѣ, на гору, закрывающую городъ, и тотчасъ отъ вѣтреныхъ мѣльницъ увидѣлъ вершины зданій обширнаго Реймса, стелющагося по долинѣ, вправо версты на три. Между крышами домовъ, подъ синимъ шумаломъ, возвышались колокольни и шпицы храмовъ; особенно отличался соборъ, въ которомъ короновались прежде Французскіе Короли: подобно двуглавому исполину, онъ возносился надъ всѣми зданіями, какъ царь и повелитель. За нимъ, въ сторонѣ, видны были, также высокія и красивыя, развалины древнихъ тріумфальныхъ воротъ и Римскаго амфитеатра. Городъ окруженъ каменною стѣною рыцарскихъ временъ, и глубокимъ рвомъ. Изъ амбразуръ выглядывали пушки, и, до половины, люди, между которыми можно было замѣтить женщинъ съ ружьями. Нечаянно, изъ-за горки, я подъѣхалъ къ нимъ на ружейный выстрѣлъ; но они не стрѣляли по мнѣ, и позволили раз-

смапривать городъ. Реймсъ обширнѣе Шалона, и такъ великъ какъ Нанси. За городомъ, по ту сторону рѣчки Вель, простирается возвышенная равнина, усѣянная деревушками и оканчивающаяся горами съ виноградникомъ. Тамъ увидѣлъ я, около города, много разсыпанной конницы: это былъ партизанъ Теттенборнъ съ нашими Казаками.

Возвращаясь съ горы, я увидѣлъ драгунскаго офицера съ трубачемъ, ѣхавшаго къ городу въ видѣ парлеманпёра отъ Графа Сенъ-При; лѣвая рука у него была перевязана платкомъ, а въ правой онъ держалъ бумагу, поднявъ руку, такъ что со стѣны видѣли. Офицеръ ѣхалъ по дорогѣ къ Шалонскимъ воротамъ, и нѣсколько изъ любопытныхъ слѣдовали за нимъ въ отдаленіи. Остановясь на пистолетный выстрѣлъ отъ крѣпости, трубачъ затрубилъ; на стѣнѣ молчали. Парлеманпёръ, въ надеждѣ на спокойствіе Французовъ, подъѣхалъ ближе, и, показывая бумагу, сталъ говорить съ ними. Между тѣмъ число любопытныхъ съ нашей стороны увеличилось, и мы довольно близко смотрѣли, что изъ этого будетъ, какъ вдругъ, вмѣсто отвѣта, раздался со стѣны выстрѣлъ, и ядро провизжало мимо ушей нашихъ! Тогда парлеманпёръ, трубачъ и всѣ лю-

бопышные мигомъ разбѣжались врозь, а войски двинулись къ крѣпостп.

Рязанскій полкъ, съ 4 пушками и двумя эскадронами драгунъ, пошелъ вправо, атаковать предмѣстіе съ Шарлевильской дороги, а Полоцкій полкъ, съ 4 Прусскими гаубицами, пошелъ прямо къ вѣтренымъ мѣльницамъ, оставивъ Шалонскія ворота влѣво. Съ обѣихъ сторонъ началась жаркая канонада; Прусскія гаубицы не долго стояли; Французы изъ амбразуръ удачно по нимъ стрѣляли, убили ротнаго командира, нѣсколько людей и лошадей. Несчастныя гаубицы, въ разстройствѣ, поспѣшно сошли, а на мѣсто ихъ велѣли идти мнѣ съ двумя единорогами и двумя пушками. Только что я тронулся съ мѣста, какъ заяцъ отъ города перебѣжалъ мнѣ дорогу. — «Ну, Ваше Благородіе! не быть добру!» сказалъ мнѣ ближайшій канонеръ, между тѣмъ какъ прочіе стали аукать и прогонять косаго бѣглеца далѣе. Старые усачи замѣтили мнѣ, что вѣрно случится какое-либо несчастіе съ нами, потому что заяцъ перебѣжалъ дорогу. — «Для тѣхъ будетъ бѣда, кто вѣритъ этому,» сказалъ я, и сталъ съ пушками подниматься къ мѣльницамъ. Вдругъ ядро изъ крѣпости завизжало надъ нашими головами; насъ оно не задѣло, но было гибельно для шедшей за нами

Прусской колонны, изъ которой разомъ выдернуло больше десятка людей; шесперымъ доспалось по ногамъ, другимъ по головамъ, а оспальныхъ разбросало духомъ. Слѣдовательно заяцъ въ этотъ разъ не намъ предвѣщалъ гибель, но Пруссакамъ.

Моя рекогносцировка послужила мнѣ въ пользу. Я разспавилъ свои пушки, такъ что онѣ закрывались оплогостію мѣспа, и хотя спалъ на картечный выспрѣлъ опъ спѣны, но непріяпельскія орудія не могли мнѣ сдѣлапь много вреда, не имѣя вѣрнаго прицѣла; имъ видны были полько одни дула моихъ пушекъ, головы канонеровъ, и дымъ опъ выспрѣловъ; опъ пого многія ихъ ядра пролепали далеко мимо, а другія хотя и вѣрно попадали, но неудачно: я поперялъ полько одного канонера. Картечь ихъ была сполько-же недѣйспвипельна; болѣе всего поспрадали мѣльницы, у которыхъ спояли мои пушки. Вправо, у каменной мѣльницы, находился самъ Графъ, который, подвергая себя опасности, смотрѣлъ сквозь зрипельную прубу на дѣйспвіе апаки. Дѣло началось съ половины одиннадцапаго часа, и, казалось, скоро-бы кончилось въ нашу пользу, какъ вдругъ спалъ подходипь къ городу, по дорогѣ опъ Суассона, вспомогапельный опрядъ, пысячь до прехъ конницы, которая гуспою колонною, поспѣшно

спускалась съ высоты по ту сторону города; ихъ встрѣтили колокольнымъ звономъ. Это самое произвело неудачу въ нашемъ покушеніи, и мы, въ три часа по полудни, стали отступать въ порядкѣ къ дер. Силлери, по Шалонской дорогѣ, стараясь выманить непріятеля на чистое поле; но Французы довольствовались тѣмъ, что насъ отдалили, и остановились на высотахъ, которыя мы занимали передъ городомъ.

Ночевать пришлось намъ среди развалинъ Силлери; все сгарасмое шло на огонь къ бивакамъ. Жителей не было; рѣдко увидишь какого-либо дряхлаго Француза, въ синемъ кителѣ, горестно блуждающаго по пепелищу. Тутъ наши молодцы отыскали погребъ съ шампанскимъ виномъ, тысячь до тридцати бутылокъ, и все роспили и разбили! Оставалось еще шестьдесятъ бочекъ. Я самъ видѣлъ, какъ солдаты ставили выкаченныя бочки на дно, съ шумною радостію сбивали сверху другое дно, и манерками черпали животворную влагу; многіе даже варили кашицу на шампанскомъ винѣ. Вотъ до какой роскоши мы дожили! Однако отъ этого раззоренія, какъ полагали, у насъ въ Россіи вздорожаетъ шампанское, и Французы за выпитое нами теперь по праву войны, взыщутъ послѣ съ насъ вдвое по праву мира.

Съ 24-го по 28-е Февраля, цѣлыя четверы сутокъ, мы оставались на мѣстѣ; ни Французы насъ, ни мы ихъ не безпокоили, хотя находились другъ отъ друга не далѣе 8 верстъ. Графъ поджидалъ еще Пруссаковъ отъ Шалона, чтобы собраться съ силами и формальнымъ штурмомъ взять городъ. Для этого наготовили у насъ фашинъ и лѣстницъ. Французы не смѣли дѣлать вылазки, а мы, не приготовивъ всего, не приступали къ штурму.

Чѣмъ занимаются воины передъ сраженіемъ? Одни спятъ, другіе починиваютъ или чистятъ аммуницію. Офицеры большею частію гнутъ углы валетовъ и двоекъ, на мѣлокъ или въ счетъ будущихъ благъ. Все это, среди дымныхъ биваковъ, соломенныхъ шалашей, среди развалинъ обгорѣвшихъ строеній, представляетъ дикую прелесть — адскую картину. Тутъ человѣкъ, какъ отверженный отъ существеннаго міра, наслаждаясь вполнѣ свободою духа, пользуется настоящимъ, забываетъ прошедшее и не заботится о будущемъ. Чувства его возносятся надъ мірскимъ бытіемъ: чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ болѣе презираетъ онъ опасности; самъ съ дикимъ удовольствіемъ смотритъ на пепелъ жилищъ врага своего, на трупы погибшихъ непріятелей, и, будучи виною ги-

бели ихъ, готовъ самъ идти вкусить гибель и быть жертвою собственнаго честолюбія.

28-го Февраля мы въ Реймсѣ. Какая превратность въ участи военнаго человѣка! Вотъ опять изъ нищеты попали мы въ изобиліе, изъ развалинъ въ красиво-убранныя комнаты; вмѣсто кашицы и битка кушаемъ Французскіе соусы, а вино шампанское брызжетъ изъ стакана!

По слабости гарнизона и по благоразумнымъ распоряженіямъ Графа Сенъ-При, мы взяли городъ легкимъ штурмомъ, почти безъ урона. Еще вчера все было приготовлено, и мы съ двухъ часовъ ночи пошли къ городу.

Первая егерская колонна, подъ начальствомъ Генерала Биспрома, пошла вправо, къ Шарлевильскому предмѣстію; вторая, состоящая изъ Полоцкаго полка и моихъ четырехъ пушекъ, подъ начальствомъ Генерала Пиллара, пошла къ Шалонскимъ воротамъ; третья, съ Пруссаками, подъ начальствомъ Генерала Яго, пошла по той сторонѣ р. Вель, по дорогѣ отъ Эперне. Общему приступу, по диспозиціи, должно было начаться въ 5 часовъ утра до разсвѣта; но по ошибкѣ одного кавалерійскаго Генерала, зашедшаго на дорогу второй колонны, мы опоздали, принявъ его за непрія-

теля. Нашъ Генералъ П***, въ сумракѣ разсвѣта, замѣтивъ впереди кавалерію, остановилъ насъ и приказалъ спрѣлять по ней. Покуда распознали, что это были наши Черниговскіе драгуны, мы находились въ нерѣшимости и подошли къ городу, когда уже разсвѣло. Французы узнали о нашемъ намѣреніи, и встрѣтили атакующихъ пушечными выстрѣлами.

Я съ своими пушками рысью побѣжалъ прямо къ мѣльницамъ, на прежнее мѣсто, и первый открылъ огонь. Ко мнѣ прислали еще два батарейныя орудія и двѣ Прусскія гаубицы. Вся батарея моя, изъ 8 орудій, начала страшную канонаду; удары изъ пушекъ заглушали насъ, потрясая землю; дымъ клубился; ядра летали въ амбразуры, поверхъ стѣнъ и по крышамъ домовъ. Противъ насъ, изъ амбразуръ, четыре пушки весьма слабо отстрѣливались. Впрочемъ мы шумѣли по пустому, ибо эта атака, со стороны Шалона, была фальшивая. Черезъ полчаса увидѣли мы вправо нашихъ егерей, бѣгущихъ разсыпною, съ крикомъ ура! прямо на городскую стѣну, и вдругъ, противъ нашей батареи, пушки запихли и непріятель скрылся. Егери, вскочивъ на стѣну, пробѣгали по ней, мимо насъ; мы, видя ихъ сквозь амбразуры бѣгущими, почли за Французовъ и пустили нѣсколько ядеръ;

но бѣгущіе замахали руками; тогда Генералъ П*** сказалъ съ важностію: «Переспаньше! они просятъ пощады!...» Наконецъ узнавъ, что ужь первая колонна ворвалась въ городъ, онъ повелъ насъ къ Шалонскимъ воротамъ. Солдаты съ крикомъ бросились, но встрѣтили препятствіе. Проклятые Французы такъ толсто завалили щебнемъ и землею ворота, что мы часа два ломали ихъ и раскапывали. Перекопанная канавами дорога затрудняла проѣздъ для артиллеріи. Между тѣмъ нѣкоторые пѣхотные офицеры, съ рядовыми, проползши черезъ проломъ къ воротамъ, пошли отыскивать непріятелей въ домахъ, въ лавкахъ, въ винныхъ подвалахъ и въ конюшняхъ, отвуда возвращались съ трофеями — по праву побѣдителей.

Шалонскихъ воротъ не могли очистить, а потому приказано было мнѣ съ пушками идти черезъ Шарлевильское предмѣстіе. Съ этой стороны городъ былъ защищаемъ плохою стѣною, огражденною палисадами, такъ что егери вскочили въ городъ безъ лѣстницъ. Улицы были завалены повозками. Впрочемъ, ежели-бы Французы имѣли достаточно хорошаго гарнизона, и защищались-бы какъ должно, то не такъ-бы дешево достался намъ городъ. Теперь мы почти безъ урона; одни Пруссаки потеряли до 20 чело-

вѣкъ. Въ Суассонскомъ предмѣстіи, по ту сторону города, валялось нѣсколько убитыхъ Французовъ и Пруссаковъ; тутъ была между ними кавалерійская сшибка: одни вырывались изъ города, а другіе ихъ задерживали. Большая часть гарнизона успѣла уйдти внизъ по рѣчкѣ Вель, при чемъ Пруссаки довольно порубили и потопили улановъ. Въ плѣнъ взято 200 раненыхъ Французовъ и одинъ генералъ; 2,000 больныхъ оставлены были въ госпиталяхъ; 8 пушекъ мѣдныхъ достались намъ, брошенныя на сшѣнахъ. Въ числѣ гарнизона было много вооруженныхъ жителей города.

Когда мы входили, улицы были пусты; всѣ жители, въ ожиданіи грабежа и убійства, попрятавшись, сидѣли въ погребахъ и чуланахъ. Не льзя было усмотрѣть, чтобы побѣдители не забѣжали въ домы и лавочки, и не поживились-бы тамъ, что попалось подъ руку. Нѣкоторые Французы послѣ мнѣ говорили о томъ, и я, пожимая плечами, отвѣчалъ: что дѣлать? это участь войны.

На площади, куда пришелъ я съ пушками, собралась почти вся пѣхота наша. Улицы наполнились войсками. Повсюду шумъ, движеніе, радость. Всѣ поздравляли другъ друга съ счастливою побѣдою.

Наконецъ стали показываться жители и по билетамъ изъ рашуши разводить побѣдителей на квартиры; въ окрестныя селенія послали Пруссаковъ.

Послѣ обѣда я пошелъ прогуляться по городу. Видѣлъ, какъ членъ Магистрата, при звукѣ Русскаго барабана, ходилъ по улицамъ и читалъ на перекресткахъ прокламацію Графа. Французы, въ синихъ кипеляхъ и въ деревянныхъ башмакахъ, и Француженки въ чепчикахъ, стекались слушать чтеніе: имъ повелѣвалось выдать немедленно все оружіе, и вооруженныхъ Французовъ, скрывавшихся по домамъ. «Мы всѣ военноплѣнные (сказалъ громко одинъ Французъ) не исключая и бабъ нашихъ!»

Городъ великъ, домы высоки, въ нѣсколько этажей, и не очень вепхіе. Соборъ, Готической архитектуры, снаружи весь какъ будто выложенъ узорами изъ слоновой кости, подобно кружевной ткани: столь была искусна и мѣлка вырѣзка на его украшеніяхъ изъ проспаго бѣлаго камня. На площади бронзовая статуя Генриха IV-го, и подъ нимъ бассейнъ съ фонтанами. Площадь окружена большими трехъ-и четырехъ-этажными домами, безъ колоннъ и фронтоновъ; желтизна камня на нихъ отъ времени почернѣла. Лавокъ съ товарами и магазиновъ въ городѣ мно-

го, только всѣ они были заперты. На углахъ домовъ, на перекресткахъ улицъ, приклеены были прокламаціи, вызывающія Французскую націю ко всеобщему вооруженію; въ нѣкоторыхъ листахъ напечатано, что союзные враги разбиты, бѣгутъ, и потому, къ довершенію пораженія ихъ, должно вооружиться каждому. Тутъ-же было извѣстіе о пораженіи нашего 9-го Корпуса, и проч.... Въ негодованіи я содралъ со стѣны это объявленіе; проходившій мимо Французъ, замѣтивъ это, сказалъ усмѣхаясь: Misérable Napoléon!

Возвратившись къ вечеру домой, узналъ я, что Генералъ Пилларъ, предводительствовавшій вторую колонною, присылалъ за мною. Я почелъ обязанностію тотчасъ къ нему явиться. Онъ принялъ меня ласково, благодарилъ за удачное дѣйствіе моей батареи отъ мѣльницъ и сказалъ, что представилъ меня къ награжденію орденомъ Св. Анны 2-й степени. Я усердно откланялся ему и вышелъ съ лестною надеждою украситься орденомъ; но увы!...

Взявши городъ легкимъ штурмомъ и расположившись въ немъ на квартирахъ, мы не замѣчали злыхъ умысловъ, приготовляемыхъ Французами. Слѣдующій день показалъ развязку.

2 Марта мы очутились въ Фетье.

Стоимъ передъ мѣстечкомъ на влажной землѣ, въ боевомъ порядкѣ, ожидая съ часу на часъ непріятелей, въ разстояніи отъ Реймса 35 верстъ, отъ Лаона 10. Вотъ превратность воинскаго счастія!

Вчера, то есть на другой день взятія нами Реймса, Графу Сенъ-При пришла счастливая мысль собрать Русскія войски за городомъ, между Нёшательскою и Шарлевильскою дорогами, въ большое каре, для молебствія за одержанную побѣду. Послѣ этого парада и церемоніяльнаго марша, нѣкоторые полки разошлись въ предмѣстія города на квартиры; одинъ только Рязанскій полкъ, для караула, пошелъ на городскую площадь. Я, Капитанъ Жемчужниковъ и Піонерный Капитанъ Бѣлусовичъ пошли къ обѣднѣ въ каѳедральную церковь. Мы удивлялись ея узорчатой архитектурѣ, и огромности зданія, въ которое можно бы помѣстить цѣлую бригаду войска. Внутри, средняя часть храма была отдѣлена отъ стѣнъ высокими колоннами, между которыми, противъ алтаря, было возвышенное мѣсто для Королевскаго трона, во время коронацій. Вблизи алтаря сидѣли подъ колоннами важные, угрюмые монахи съ серебряными въ рукахъ трубами, которыми по временамъ производили они дикій, глухой звукъ. Алтарь самъ по себѣ былъ

простъ и открытъ. Разсматривая внутренность этого великолѣпнаго храма, я любовался большою картиною Распятія; выраженіе мускуловъ и отраженіе свѣта и тѣни были въ ней удивительны. Французы показывали еще за рѣдкость стоявшую въ углу мраморную гробницу, на которой выпуклости, искусно изсѣченныя, представляли правлю дикихъ львовъ; это гробница Іовина, урожденца Реймсскаго, который, бывши простымъ воиномъ, въ 366 году сдѣлался Римскимъ Императоромъ. По этому можно судить о древности города. Насъ увѣряли, что соборъ существуетъ болѣе тысячи лѣтъ. Во время Революціи онъ много пострадалъ во внутреннихъ украшеніяхъ. Противъ алтаря, большія круглыя оконницы, вверху составленныя изъ разноцвѣтныхъ стеколъ весьма красиво, на подобіе калейдоскопныхъ фигуръ, были очень привлекательны для зрѣнія. Удивляясь искусству произведенія рукъ человѣческихъ, мы были окружены нищими, изъ которыхъ милыя дѣвочки вызывали насъ къ состраданію.

Вскорѣ вошелъ Графъ Сенъ-При съ Свитскимъ Подполковникомъ Малиновскимъ, который, спустя минуту, вышелъ вонъ. Графъ разговаривалъ съ нѣкоторыми дамами, сидѣвшими противъ алтаря на стуль-

ихъ; нѣсколько минутъ спустя, онъ подозвалъ къ себѣ Жемчужникова, что-то шепнулъ ему, и тотъ вышелъ. Мы съ Піонеромъ подошли ближе къ алтарю, вокругъ котораго сидѣло множество дамъ, въ черныхъ платьяхъ и въ чепчикахъ, съ молитвенниками въ рукахъ. Служба продолжалась важно и благочинно. Я только что расположился наблюдать молящихся, и слушать унылое пѣніе монаховъ подъ гармонію скрыпокъ, органовъ и глухихъ серпановъ, какъ опять пришелъ Малиновскій и шепнулъ что-то Графу. Графъ опять послалъ его; потомъ, облокотясь на одинъ стулъ, продолжалъ разговаривать съ дамою; наконецъ подозвалъ меня и приказалъ, чтобы вывозили артиллерію. Я вышелъ, въ недоумѣніи что̀ это значило; однако догадывался, что тутъ скрывалась тайна, и кто-то кого хотѣлъ перехитрить.

На улицѣ увидѣлъ я суматоху: солдаты бѣгали взадъ и впередъ. Ого! видно Французы близко; такъ и есть: они подъ городомъ. Я, бывши дежурнымъ по ротѣ, поймалъ своего фельдфебеля, и приказалъ ему скорѣе гнать людей и лошадей въ паркъ, который стоялъ за городомъ, передъ Суассонскими воротами, подъ отлогостію возвышенія, такъ что Французы

могли видѣть пушки только подъѣхавши къ самому предмѣстію. Между тѣмъ надобно было забѣжать на квартиру, гдѣ я засталъ еще своего товарища, Барона Шлиппенбаха. Услужливая, молодая хозяйка уже приготовила намъ великолѣпный обѣдъ; на столѣ явились лакомыя блюда, привлекавшія вкусъ, зрѣніе, обоняніе, и бутылки съ шампанскимъ. Все это было обворожительно; но мы съ товарищемъ, думая о непріятеляхъ и подозрѣвая, не хотятъли насъ отравить, поспѣшили убраться изъ квартиры, приказавши деньщику набрать въ узелъ пирожнаго, взять нѣсколько бутылокъ вина, и все скорѣе нести въ паркъ. Я самъ поскакалъ туда-же. За воротами была страшная тревога: споявшіе передъ нашимъ паркомъ егери уже перестрѣливались съ непріятельскою кавалеріею, которая подступала къ предмѣстію. Генералъ Бистромъ приказывалъ тотчасъ выдвинуть четыре орудія впередъ, а у насъ артиллеристы, уподчиванные доброхотными жителями, едва только собирались и запрягали—изъ пятаго въ десятое. Должно было ожидать дурныхъ послѣдствій. Изъ офицеровъ нашихъ еще никого не было видно. Я поскакалъ опять назадъ, и, къ счастію, у воротъ встрѣтился съ Шлиппенбахомъ, который

шелъ съ своими двумя пушками, находившимися въ караулѣ на площади, во всей готовности. Только что успѣлъ онъ подняться на гору, передъ паркомъ, какъ встрѣченъ былъ колонною Французской кавалеріи, которую однако первыми выстрѣлами онъ остановилъ. Капитанъ Жемчужниковъ, съ 4-мя орудіями, пошелъ влѣво по Эпернеской дорогѣ, а я, съ 4-мя другими, прямо по средней дорогѣ, между двумя большими. Къ моимъ пушкамъ приспалъ самъ ротный командиръ, Подполковникъ Тимоѳеевъ. Французы, видя свою неудачу нападенія на насъ врасплохъ, начали отступать. Тогда открылась линія общаго дѣйствія: по Суассонской дорогѣ прогоняли Французовъ Прусскія гаубицы и Рязанскій полкъ; впереди разсыпаны были егери; два эскадрона лейбъ-гусаровъ и лейбъ-драгуновъ, съ эскадрономъ Пруссаковъ, составляя особый отрядъ, подъ начальствомъ Генерала Альбрехта, пошли сквозь мои орудія впередъ; влѣво, на возвышеніи, стали два батальона Прусской пѣхоты и Шлиппенбахъ съ двумя пушками. Французы продолжали отступать; наши войски не преслѣдовали ихъ сильно, и верстахъ въ трехъ отъ города остановились; только одни фланкёры забавлялись между собою. Тогда войски на-

шего Корпуса были раздѣлены по всѣмъ дорогамъ вокругъ города, и оставались въ какой-то безпечности. По сю сторону, прогнавъ непріятеля, насъ было очень не много. Говорили, что передъ нами находился Маршалъ Мармонъ съ 15,000 войска, имѣя строгое приказаніе отъ Наполеона, непремѣнно взять городъ; мы смѣялись этимъ слухамъ.

Уже было три часа пополудни и войски наши стояли спокойно на занятыхъ мѣстахъ передъ городомъ. У непріятелей много было кавалеріи. Далеко впереди, за непріятельскою линіею, увидѣли мы, въ горахъ дымъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ: это были несчастные два Прусскіе баталіона съ своими гаубицами, расположившіеся послѣ взятія города въ сел. Роне на квартирахъ, и теперь отстрѣливавшіеся отъ Французовъ, которые и взяли ихъ въ плѣнъ цѣликомъ. Кромѣ того они схватили еще три баталіона подъ самымъ городомъ, изъ которыхъ спасшійся полубаталіонъ присталъ къ моимъ пушкамъ для прикрытія. Теперь-то открылся замыселъ Французовъ. Счастье, что наши полки были собраны поутру для молебна, а не разошлись тотчасъ по квартирамъ въ окрестныя деревни. Говорили, что Меръ, или правитель города, послалъ

наше квартирное расписаніе къ Мармону, за что теперь и содержатъ его подъ строгимъ карауломъ—для аркебузированія. Если-бъ мы были оплошнѣе, то Французы могли-бы по одиначкѣ разбить всѣ полки наши по деревнямъ. Изъ этого видно, какъ опасно располагаться вблизи непріятеля по квартирамъ. Конечно это сдѣлано было для сбереженія войскъ въ дурное время года; но въ такомъ случаѣ излишняя бережливость вредна.

Французы дѣлали слабыя движенія: вся ихъ конница сдвинулась противъ нашего лѣваго фланга, оставляя Суассонскую дорогу почти пустою. Артиллерія молчала съ обѣихъ сторонъ. Пользуясь свободнымъ временемъ, я поѣхалъ осматривать положеніе войскъ. Судя по слабости нашей линіи по сю сторону города, надлежало заключать, что или мы не намѣрены были здѣсь держаться, или Французы не хотѣли ничего предпринимать рѣшительнаго; значительная часть нашихъ войскъ оставалась назади, по ту сторону города. На правомъ флангѣ линіи, близъ Прусской артиллеріи, находился Графъ со свитою. Подъѣхавши туда, я слышалъ, какъ одинъ гусаръ, присланный отъ Графа Витгенштейна, испрашивалъ приказанія у Графа Сенъ-При, который отвѣчалъ ему:

« Погоди, братецъ; когда кончится все, тогда я пошлю тебя. » — Между тѣмъ Графъ замѣтилъ движеніе непріятельской кавалеріи къ лѣвому флангу нашей линіи, и поѣхалъ самъ туда. Я полюбопытствовалъ подъѣхать то-же къ дѣйствію, и съ удовольствіемъ любовался, какъ Французскіе конные шассёры, въ медвѣжьихъ шапкахъ, увертывались отъ нашихъ Казаковъ, которые ихъ заманивали, обманывали и отхватывали. На возвратномъ пути я замѣтилъ на горизонтѣ, съ непріятельской стороны, по дорогѣ отъ Суассона, множество пянувшихся войскъ, и полагалъ, что какой-либо отрядъ отъ Блюхера, занимавшаго Лаонъ, идетъ къ намъ въ подкрѣпленіе. Французы зашевелились, наши то-же; я поспѣшилъ къ своему мѣсту.

Послѣ тишины всегда бываетъ буря. Мы, почти усыпленные, помышляли уже о квартирахъ, какъ вдругъ, въ 4 часа пополудни, внезапно насъ пробудили. По Суассонской дорогѣ явилась сперва колонна кавалеріи, которая тотчасъ ударила на Рязанскій полкъ, стоявшій на правомъ флангѣ, ближе всѣхъ къ нимъ; но Рязанцы, подъ начальствомъ храбраго командира своего, Полковника Скобелева, два раза весьма удачно отбивались баталнымъ огнемъ, при помощи нашихъ батарей. То-

гда эта масса кавалеріи бросилась по линіи къ лѣвому флангу, а ея мѣсто заступила батарея въ 8 орудій, которая, быстро подвигаясь впередъ, начала насъ подчивать ядрами и гранатами. Этого мало: непріятельская батарея, безпрестанно расширяясь, усилилась до 30 орудій, между тѣмъ какъ кавалерія обходила нашъ лѣвый флангъ. Къ моимъ 4-мъ орудіямъ, стоявшимъ въ центрѣ, присоединились еще 6 Прусскихъ гаубицъ; тогда съ обѣихъ сторонъ поднялась страшная жарня, изрыгавшая смерть и разрушеніе. Гранаты вокругъ насъ безпрестанно разрывались съ адскимъ визгомъ; одинъ черепокъ пропрещалъ мимо ушей моихъ, а другой ударилъ Подполковника Тимоѳеева въ ногу: его замертво понесли съ батареи. Канонеры оробѣли; я слѣзъ съ лошади, и, ободряя ихъ, самъ сталъ наводить орудія. Прусскія гаубицы не выдержали непріятельскаго огня, ушли, и вся линія наша стала отступать съ поспѣшностію: лѣвый флангъ былъ сбитъ. Полубатальонъ Прусаковъ, стоявшій влѣво при моихъ пушкахъ, хотѣлъ то-же уйдти; но я сказалъ офицеру: *куражъ, камрадъ! Французъ капутъ!*—Онъ покачалъ головою, а солдаты его, уклоняясь отъ ядеръ, повернулись на лѣво кругомъ и пошли безъ команды. Уже

гвардейскіе два эскадрона, отряда Генерала Альбрехта, прошли сквозь мою батарею назадъ, и оставались только ихъ фланкеры, тѣснимые непріятельскими. Уже Французская кавалерія перескочила ручей впереди моей батареи, и грозно приближалась ко мнѣ рысью: я все еще оставался на мѣстѣ, чтобы, подъ прикрытіемъ своихъ 4 орудій, дать время уходить заднимъ въ городъ. Наконецъ подъѣхалъ ко мнѣ Капитанъ Жемчужниковъ и сказалъ, что пора убираться. Я оглянулся и увидѣлъ, на лѣвомъ флангѣ у себя, бѣгущую къ Суассонскимъ воротамъ пѣхоту. Французская кавалерія была близко; опасаясь попасть къ ней въ руки, я тотчасъ взялъ на передки, и бросился скорѣй къ воротамъ, куда все стремилось. Слѣва, изъ улицы предмѣстія, бѣжали Прусскія гаубицы, на которыя Французы тотчасъ напали. Я, видя неминуемую бѣду, если позволю опередить себя Прусской артиллеріи, схватилъ за узду переднюю лошадь первой гаубицы, и, взмахнувши саблею на ѣздоваго, крикнулъ: Halt! der Teufel! Гаубицы остановились, а я прогналъ свои пушки къ мосту; но если-бы этого не сдѣлалъ, то самъ съ батареею попался-бы въ руки Французовъ, которые сзади врубились въ Пруссаковъ, и все, что не успѣло

за мною уйдти черезъ мостъ, попалось въ плѣнъ, въ томъ числѣ вся Прусская артиллерія, мой зарядный ящикъ, и одна пушка, находившаяся впереди со стрѣлками. Я самъ едва успѣлъ проскочить черезъ мостъ въ городъ: крикъ, давка, выстрѣлы, свистъ пуль и сабли красныхъ и зеленыхъ Французовъ — такой сумашохи, такого хаоса и такой опасности я еще не видывалъ: кто не успѣлъ попасть на мостъ, тотъ бродилъ, или тонулъ въ рѣчкѣ. Нашего Графа едва успѣли спасти черезъ воду: онъ былъ смертельно раненъ въ началѣ непріятельской атаки; ядро сорвало у него плечо: это было причиной безпорядочнаго отступленія. Но только Французы добрались до моста, какъ Генералъ Бистромъ велѣлъ запереть ворота, и, защищая доступъ своими егерями, не пустилъ непріятелей въ городъ.

Проѣзжая съ пушками черезъ большую улицу, я услышалъ позади себя опять тревогу: наши драгуны, поднявъ обнаженные палаши, кричали: «Это они! это они!» скакали по улицѣ, перегоняя другъ друга, и столько перепугали насъ, что всѣ мы бросились опрометью изъ города, черезъ поле, кто куда попалъ: тутъ артиллерія скакала съ маркитантскими повозками, тамъ деньщики со вьюками бѣжали

между драгунами; одни разсыпались по дорогѣ къ Лаону, другіе къ Ретелю, третьи къ Шалону. По этой дорогѣ пошелъ и я съ семью орудіями, замѣтивъ, что Полоцкій полкъ оставленъ былъ для защиты Шалонскихъ воротъ. Подлинно у страха глаза велики: тревога въ городѣ вышла изъ бездѣлицы. Одинъ Французскій кавалеристъ, проскочивши въ ворота, замѣшался между нашими драгунами, и спокойно ѣхалъ съ ними, прикрытый плащемъ, покуда не осмотрѣлись и не стали рубить его; но онъ защищался; передніе, видя это, думали, что уже Французы ворвались въ городъ, и подняли тревогу.

Въ сумракѣ вечера я замѣтилъ, что не такъ-то много разбитыхъ войскъ идетъ по Шалонской дорогѣ, а потому, раздумавъ, пошелъ назадъ, черезъ Шарлевильское предмѣстіе, куда большая часть войскъ обратилась для спасенія. Городскія ворота съ этой стороны были защищаемы егерями и 4 орудіями нашей роты. Изъ офицеровъ я былъ одинъ при семи орудіяхъ, съ которыми, вышедъ на Лаонскую дорогу, встрѣтилъ влѣво кавалерійскій пикетъ, а на право, въ лощинѣ, два баталіона отдыхающихъ Пруссаковъ. По лѣвую сторону, къ рѣчкѣ, оставалось открытое мѣсто и вдали непріятельскіе огни. Пу-

шечные выстрѣлы во мракѣ ночи умолкали, и только еще продолжались ружейные. Смотря на непріятельскіе огни влѣво, я опасался оттуда кавалерійскаго набѣга, и въ нерѣшимости подвигался впередъ съ своими пушками. Пруссаки сказали мнѣ, что много Рускихъ пошло по этой дорогѣ къ Беріобаку. Я тутъ-же нашелъ бригаду Князя Гуріалова, который послалъ за мною Рыльскій полкъ, для прикрытія. Не видя никого впереди себя, я опасался попасть въ руки Французамъ, и въ темнотѣ драгунскіе патрули почиталъ за непріятельскіе. Опасеніе мое было не безъ причины; только что я спалъ подходить къ дер. Сенъ-Тіери, какъ вдругъ услышалъ позади себя ружейный залпъ. Это заставило меня остановиться; но сзади стали кричать: Французы! Французы!—и все опять побѣжало. Дѣйствительно, Французская кавалерія, переправясь черезъ рѣчку, гдѣ я опасался ея, заняла нашу дорогу, напала на пѣхоту, и порубила безпечныхъ Пруссаковъ, отнявши у нихъ послѣднія три гаубицы; наши встрѣтили непріятелей залпомъ. Такимъ образомъ, въ другой разъ, я счастливо спасся съ пушками. Воображеніе представило мнѣ страшную суматоху въ городѣ. Когда Французы исправили мостъ въ д. Сенъ-

Брисъ, то Генер. Красницкій, переправясь съ уланами въ темноте ночной, стремительно атаковалъ наши войски, защищавшія Лаонскія ворота, и, порубивши многихъ, ворвался въ городъ, послѣ чего егери и Полоцкій полкъ отступили по Шалонской дорогѣ. Такимъ образомъ Французы заняли Реймсъ съ тылу и захватили тамъ всѣхъ, кто не успѣлъ убраться вонъ; въ томъ числѣ попались въ плѣнъ нашей роты Капитанъ Жемчужниковъ и Поручикъ Капоминъ. О раненомъ Подполковникѣ своемъ я ничего не зналъ. Между тѣмъ меня стали обгонять обозы, кавалерія и пѣхота, спасавшіеся отъ преслѣдованія Французовъ; тогда и я прибавилъ рыси. Крикъ и стукъ, среди мрака ночи, увеличивалъ ужасъ. Наконецъ, идя большую часть ночи, все тише и тише, и, отдохнувши около огонька, на привалѣ, куда собрались всѣ разсѣянныя войски, мы небольшимъ отрядомъ, подъ начальствомъ Генерала Панчулидзева, дошли до м. Беріобака, гдѣ рѣчка Эна была предѣломъ нашего отступленія, ибо тутъ уже стояли Прусскіе пикеты Корпуса Генерала Іорка.

Передъ свѣтомъ мы остановились, и проспали часа три, послѣ большой усталости. Ко мнѣ присталъ, съ 4-мя орудіями, Поручикъ Баронъ Шлиппенбахъ. Изъ

запаснаго парка я укомплектовался зарядами. На другой день, Генералъ Панчулидзевъ принялъ меня очень ласково, благодарилъ за спасеніе артиллеріи, пожалѣлъ объ уронѣ, и въ заключеніе предложилъ стаканъ добраго шампанскаго.

Такимъ образомъ кончилось несчастное дѣло подъ Реймсомъ. Графъ Сенъ-При отъ тяжелой раны умеръ. Мы потеряли до 3,000 взятыми въ плѣнъ; около тысячи было убитыхъ и вдвое раненыхъ; большею частію потерпѣли Пруссаки: у нихъ отнято 10 пушекъ съ гаубицами и наша одна. Остальныя войски разбитаго Корпуса разсѣялись по дорогамъ къ Шалону и Ретелю.

Такъ, 2 Марта, пришли мы въ полдень къ м. Фешье, и не доходя до него, расположились, по опушкѣ лѣса, въ боевомъ порядкѣ. Къ намъ безпрестанно присоединялись разсѣянныя войски: явилась батарейная рота съ Капитаномъ Вырубовымъ, и раненый Подполковникъ Тимоѳеевъ съ нею. Всѣ они, избѣгая отъ Французовъ, сдѣлали круговой обходъ къ Беріобаку, черезъ деревни Випри, Бургонь и м. Нёшашель. У Тимоѳеева открылась горячка; его отвезли въ Лаонъ. Капитанъ Жемчужниковъ былъ въ плѣну, а потому я остался о-

пять начальникомъ въ ротѣ, такъ-же какъ былъ въ Россіи, послѣ Фигнера.

По крайней мѣрѣ мы ночевали теперь въ сараѣ, который показался намъ великолѣпнымъ чертогомъ. Я успѣлъ сдѣлать запасъ 15-ти бутылокъ шампанскаго вина, и съ оставшимися товарищами, двумя Баронами, въ веселой бесѣдѣ забывалъ прошедшее горе. При этомъ не льзя было не вспомнить о зайцѣ, перебѣжавшемъ намъ дорогу при началѣ дѣла.

Разсказывая разныя встрѣчи и анекдоты о вчерашнемъ дѣлѣ, мы невольно пожимали плечами. Намъ-ли судить объ ошибкахъ Генераловъ и забираться въ стратегическія тонкости?.... Мы далѣе пушечнаго выстрѣла не видимъ. Съ кѣмъ не бываетъ грѣха? Монтекукули сказалъ, что тотъ изъ полководцевъ болѣе выиграетъ, кто сдѣлаетъ менѣе ошибокъ; Тюреннь и великій Конде также ошибались. Опытный Полководецъ, Фридрихъ Великій, говаривалъ, что успѣхъ сраженія зависитъ болѣе отъ обстоятельствъ, которыхъ ни кто предвидѣть не можетъ, но долженъ ими пользоваться при первой возможности. Дѣло хорошаго Генерала состоитъ въ томъ, чтобы все приготовить съ благоразумною предусмотрительностію, и ожидать—воинственной улыбки Фортu-

ны. Эта дама вездѣ мѣшается; даже хитрѣйшіе замыслы дипломатическіе рушатся отъ мановенія перста ея.—Мы очень сожалѣли о плачевной кончинѣ нашего Графа, потому что о достоинствахъ и заслугахъ его много слышали хорошаго. Конечно онъ былъ обманутъ обстоятельствами, и не ожидалъ, чтобы Французы, разбитые подъ Лаономъ, бросились тотчасъ на Реймсъ. Князь Блюхеръ, отразивши съ значительнымъ урономъ Наполеона отъ Лаона, оставался тамъ спокойно безъ дѣйствія, между тѣмъ какъ Графъ Сенъ-При, съ весьма слабымъ Корпусомъ войскъ, составлялъ всю связь между двумя союзными арміями. Кто-бы подумалъ однако, что взятіе Реймса Наполеономъ будетъ имѣть столь важныя послѣдствія? Прорвавшись черезъ Реймсъ къ Шалону и далѣе, онъ оставилъ Союзникамъ открытый путь къ Парижу! —Нѣтъ худа безъ добра!

ГЛАВА IV.

ОТЪ ЛАОНА ДО ПАРИЖА.

Лаонъ. — Слѣды сраженія. — Трогательная сцена. — Путь къ Берюбаку. — Фуражированіе. — Переходъ черезъ Реймсъ. — Истребленіе непріятельской колонны. — Путь къ Парижу. — Сраженіе. — Вступленіе въ Парижъ. — Монмартръ. — Площадь Вандомская. — Пале-Рояль. — Тюльери. — Музеумъ. — Сена. — Замѣчаніе о Парижѣ. — Переходъ за Парижъ. — Переворотъ во Франціи. — День Св. Пасхи. — Судьба Наполеона. — Обратный путь черезъ Парижъ. — Величина Парижа. — Встрѣча Графа д' Артуа. — Прощай Парижъ !

Вчера, 4-го Марша, объявили намъ, что мы присоединяемся къ Силезской арміи , что Князь Блюхеръ намѣренъ смотрѣть насъ, и потому велѣно приготовиться къ параду.

Лаонъ , расположенный на горѣ, далеко видѣнъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ нему, тѣмъ болѣе открывались слѣды бывшаго здѣсь жестокаго сраженія : трупы людей, лошадей, ядра, лоскутья , обломки фуръ, солома, наконецъ выжженныя деревни, безпрестанно представлялись глазамъ.

Передъ городомъ такъ долго стояли войски, что многіе успѣли выспаться, а я успѣлъ объѣздить и осмотрѣть городъ. Лаонъ стоитъ на крутой горѣ, возвышающейся надъ пространною равниною, усѣянною деревушками; онъ могъ-бы быть хорошею крѣпостью, но Французы оставили его безъ вниманія, а Блюхеръ воспользовался этимъ, овладѣлъ имъ, и утвердился, такъ что Наполеонъ, при всемъ стараніи своемъ не могъ сбить его съ мѣста. Городъ окруженъ каменною стѣною съ башенками, которыя почти развалились. Весною здѣсь должны быть картинные виды на горѣ: среди мрачныхъ зданій возвышается церковь, внизу разстилается предмѣстіе, а влѣво, по рѣчкѣ, мѣльницы. Теперь видъ ужасный: предмѣстіе такъ разрушено и разорено, что остались только однѣ каменныя стѣны: даже крыши выломаны; сверхъ того всякій соръ, нечистота, грязь, пожарный смрадъ, все напоминало о бывшемъ здѣсь жестокомъ сраженіи 25 и 26-го Февраля. Наполеонъ, пользуясь густымъ туманомъ, подошелъ къ городу съ южной стороны. Блюхеръ, опасаясь отсюда чрезвычайныхъ усилій, сосредоточилъ войски обоихъ Корпусовъ, Графа Ланжерона и Барона Остенъ-Сакена; Наполеонъ, желая имѣть болѣе простора, хотѣлъ ихъ выма-

нить вправо на долину, и для того приказалъ Мармону вести атаку съ восточной стороны, отъ м. Фешье. Мармонъ сбилъ Прусскій Корпусъ Іорка, до дер. Ашье, въ 3-хъ верстахъ отъ города, которою, при наступленіи вечера, и овладѣлъ. Блюхеръ, полагая, что самъ Наполеонъ устремляется съ этой стороны, послалъ, для поддержанія Іорка и Клейста, Корпуса Ланжерона и Сакена. Пруссаки собрали всю свою кавалерію и, среди ночнаго мрака, ударили на Французовъ, расположившихся безпечно за пылающею деревнею Ашье: тутъ произошла страшная сѣча; въ темнотѣ не узнавали другъ друга и взаимно поражали своихъ, какъ Французы, такъ и Пруссаки. Хотя такая атака была ни съ чѣмъ не сообразна, однако Пруссаки взяли 40 пушекъ и 1500 плѣнныхъ. Въ слѣдующій день сраженіе возобновилось съ западной стороны города, у д. Класи; но при повторительныхъ нападеніяхъ съ той и другой стороны, кромѣ значительной потери, не было иныхъ послѣдствій. Наполеонъ, не встрѣчая никогда препятствій, невозможныхъ для преодолѣнія, долженъ былъ отступить отъ Лаона и устремился къ Реймсу.

Лаонъ самъ по себѣ не великъ; строенія въ немъ вешхія, отъ древности почернѣли,

а церковь похожа болѣе на Китайскую бесѣдку, нежели на храмъ. Тѣснота въ улицахъ, отъ множества солдатъ, лошадей, повозокъ, колясокъ, показывала, что тутъ главная квартира Князя Блюхера. Изрѣдка являлись ободранные, истощенные, голодные жители, сбиравшіе лоскутья, обломки оружія, или едва движущихся клячь, брошенныхъ за негодностію. Иногда, посреди развалинъ, между курящихся стѣнъ, показывались, какъ привидѣнія, въ лоскутьяхъ, почти умирающія, обезображенныя бѣдствіями, пожилыя женщины. Сложивъ руки на груди, онѣ смотрѣли на мимо проходящихъ враговъ, какъ будто умоляя взорами о пощадѣ своего раззореннаго имущества, превращеннаго въ пепелъ и кучи камней. Однѣ только молодки-красавицы не унывали и всегда улыбались; состояніе ихъ теперь счастливѣйшее, если можно назвать это счастіемъ.....

Блюхеръ отказался отъ смотра за недосугомъ, и насъ повели, черезъ тѣснины, мимо города и мимо всѣхъ войскъ Корпуса Графа Ланжерона, стоявшихъ на бивакахъ около раззоренныхъ деревень; но вожатые, по ошибкѣ, завели насъ въ такія тѣсныя мѣста, закрытыя кустарникомъ, что мы насилу выпутались и стали за Лаономъ, у дороги къ д. Куси. По эту

сторону мѣстоположеніе гористое, покрытое отчасти лѣсомъ ; жители разселены малыми деревушками, которыхъ домишки вкапываются въ землю, или въ отлогости горъ; за то много здѣсь виноградниковъ. Лаонская гора выше всѣхъ окрестныхъ; съ ея высоты открывается пространная долина по дорогѣ къ Реймсу.

Едва подошли мы къ деревнѣ Куси, какъ вся она, въ нѣсколько минутъ, была растаскана на биваки: солдаты разобрали мигомъ заборы, крыши, спѣны, словомъ, все, что было деревянное, и съ тяжелыми ношами, какъ муравьи , потащились на биваки ; оставленныя жителями овцы всѣ были половлены—на кашицу.

Погода стала весенняя: жаворонки начинали пѣть, солнце согрѣвало. За то продовольствіе стало плохо: мы съ трудомъ находили мясо и сѣно ; сухарей было не много. На бивакахъ жизнь Цыганская , иногда веселая, иногда грустная ; но если есть что ѣсть, то жизнь на открытомъ воздухѣ, въ безпрестанномъ движеніи, здоровѣе городской, или комнатной.

Въ 6 часовъ утра, 6 Марта, войски Блюхеровой арміи, состоявшей изъ Корпусовъ Графа Ланжерона, Барона Остенъ-Сакена, Генерала Винценгероде и изъ Прусскихъ Іорка, Клейста, Бюлова , всего , говорили,

не болѣе 45,000 человѣкъ, пронулись въ походъ. Генералъ Винценгероде, съ 8000, находился въ авангардѣ. Войски, сходя съ мѣста, зажгли биваки. Клубящійся дымъ отъ шалашей по окресностн Лаона, поле, усѣянное трупами и всякими обломками, жители, собирающія среди развалинъ лоскутья, и войски, выходящія со всѣхъ сторонъ колоннами, представляли необыкновенную картину военныхъ ужасовъ, отъ которой мирный житель невольно содрогнулся-бы.

Проходя мимо однѣхъ развалинъ, я увидѣлъ въ стѣнахъ хижины прогательную сцену. Пожилая женщина, отъ изнуренія и горести лежала на кучѣ камней полуобвалившейся стѣны, при послѣднемъ издыханіи; молодая Француженка, блѣдная какъ смерть, въ глубокой горести, съ воплемъ заливалась слезами, обнимая и цѣлуя умирающую; пожилой, изнуренный, покрытый рубищемъ Французъ стоялъ тутъже, ломая надъ головою руки, съ дикимъ взоромъ отчаянія. Они не слыхали шума проходящихъ войскъ, и не видѣли любопытствующихъ, которые, заглядывая къ нимъ, тотчасъ уходили. Я невольно остановился и перешагнулъ за порогъ. Французъ, какъ пробужденный, вскричалъ мнѣ: Barbare! achève notre malheur!... c'en

est fait!... (*) Это страшное воззваніе отъ беззащитнаго не могло устрашить меня, но оно привело въ такое состраданіе мое сердце, что я, въ облегченіе его, не могъ ничего болѣе сдѣлать, какъ, вынувъ изъ кармана послѣдній червонецъ, сунуть въ руку несчастнаго.... Въ глазахъ его, неподвижно на меня устремленныхъ, блеснула слеза, и.... я ушелъ, преслѣдуемый надолго сильнымъ впечатлѣніемъ этой ужасной сцены!

Вмѣсто Графа Сенъ-При назначенъ командовать нашимъ Корпусомъ Генералъ Рудзевичъ. Мы пошли влѣво отъ большой дороги и остановились для ночлега при д. Ранкуршъ, въ разстояніи отъ Лаона 16, отъ Беріобака 8 верстъ.

Съ 8-ми часовъ утра слѣдующаго дня продолжали свой путь къ м. Корбени. При Беріобакѣ я въ первый разъ увидѣлъ всю армію Князя Блюхера: войски по всему пространству кипѣли, какъ въ котлѣ. Корпусъ Графа Ланжерона съ кавалеріею остановился у мѣстечка, а прочіе стали переходить р. Эну, черезъ понтоны и въ бродъ. Французы подорвали мостъ; наблюдательный отрядъ ихъ уходилъ отъ

(*) Варваръ! доверши наше бѣдствіе!... все кончено!...

насъ къ Реймсу. Корпусъ Бюлова еще отъ Корбени пошелъ къ Суассону; отъ Беріобака-же Корпусъ Іорка пошелъ къ Шато-Тіери, а Клейста къ Ферте-Су-Жуаръ.

Наполеонъ устремился на большую союзную армію. Въ Парижѣ роялисты завели бунтъ.

Погода прекрасная, вечеръ пріятный. Въ бивакахъ весело: все вокругъ шумитъ и движется; вездѣ слышны музыка, пѣсни— зоря съ пушкою.

Реймсъ опять занятъ Графомъ Чернышевымъ. Французы отчасти потянулись къ Суассону. Пруссаки идутъ впереди насъ; Корпусъ Графа Ланжерона остается въ резервѣ.

Переправясь черезъ р. Эну въ Беріобакѣ, мы повернули вправо и пошли по лѣвую сторону рѣки къ м. Фимъ; не доходя до него верстъ 6, остановились для ночлега у р. Вель, и послали фуражировъ въ ближайшія деревни .... Несчастные жители!

Фуражировка продолжалась цѣлыя сутки съ дѣятельностію. Фуражиры батарейной роты Полковника Магденки привели 40 лошадей; наши 10. Войскамъ, вмѣсто всякаго продовольствія, по распоряженію Блюхера, назначалось, каждому полку и артиллерійской бригадѣ, въ добычу по цѣ-

лой деревнѣ. Кто прежде поспѣвалъ, тотъ больше могъ набрать всякой всячины: успѣхъ фуражировки зависѣлъ отъ расторопности офицера. Пѣхотинцы не лѣнились идти подалѣе, отыскивать себѣ продовольствія въ чуланахъ, колодезяхъ, и въ кучахъ сора, куда поселяне прятали свое имущество. Бѣдствіе ужасное и безпорядокъ необходимый въ жестокой, національной войнѣ: ибо войски въ квартирахъ подвергались партизанскимъ набѣгамъ, при чемъ жители, терпя раззореніе, сами стали участвовать въ войнѣ всеобщимъ вооруженіемъ и злодѣйствами. Война доходила здѣсь почти до такой-же крайности, какъ въ Россіи.

Войски Корпуса Графа Ланжерона прошли, черезъ м. Фимъ, прямо къ Реймсу, по той дорогѣ, по которой шелъ Наполеонъ съ страшными силами поглотить Графа Сенъ-При. Дорога веселая отъ пріятнаго мѣстоположенія; она идетъ по лѣвую сторону рѣчки Вель, которой крутые берега усѣяны деревушками, а по сторонамъ обширныя, хлѣбородныя поля.

Не доходя верстъ семь, является Реймсъ, украшенный соборомъ и окруженный стѣною. Мы проходили черезъ ту позицію непріятельскихъ войскъ, которую занимали они при нападеніи на насъ, десять

дней назадъ: шутъ, влѣво при дорогѣ, курганъ, гдѣ Мармонъ ожидалъ Наполеона, а вправо деревня, у которой забавлялись фланкеры; по ту сторону ручья, передъ городомъ, открывалась наша позиція. Слѣды бѣдственнаго для насъ дня были изглажены. При воротахъ, у которыхъ была страшная давка, гдѣ Рязанскій полкъ пробивался сквозь непріятельскую кавалерію, спасая смертельно раненаго Графа Сенъ-При, гдѣ засѣла Прусская артиллерія, столпившись въ нѣсколько рядовъ, гдѣ наши солдаты бросались въ воду, отстрѣливаясь, а Пруссаки отъ кавалеріи разбѣгались — все чисто; только домы въ предмѣстіи разрушены до основанія, а вѣтреныя мѣльницы, по ту сторону города, на горѣ, сожжены; но Прусскія палубы и лошади еще валялись въ канавахъ. Отъ воротъ въ первой улицѣ города, защищаемой 33 егерскимъ полкомъ, всѣ домы испещрены пулями, и стекла въ окнахъ выбиты.

Мы проходили черезъ Реймсъ церемоніяльно. Всѣ улицы, площади и всѣ домы были полны зрителей, большею частію женщинъ; синіе кители съ калпаками рѣдко показывались. Въ лицахъ большое разнообразіе: старухи казались пугливыми, пожилыя плаксивыми, а молодыя веселы-

ми; мужчины прятались за бабъ, или смотрѣли изъ за угловъ строеній. Французы во фракахъ, съ угрюмыми лицами, заботливо перебѣгали взадъ и впередъ, а ребятишки, подъ музыку полковую, плясали. Нѣкоторые изъ жителей, узнавая своихъ постояльцевъ, кланялись имъ: мой хозяинъ и суровая красавица издали кивали головами. Въ городѣ тѣснота, шумъ и стукъ; Генералы со свитою и Казаки заняли всѣ домы. Большое различіе! Когда мы взяли городъ штурмомъ, въ улицахъ не было ни души Французской: всѣ домы и магазины были заперты; теперь-же всѣ жители на лицо: торгуютъ, суетятся. Городъ такъ великъ, что мы съ полчаса шли отъ Суассонскихъ до Шалонскихъ воротъ, версты на три пространства.

Кавалерія расположилась у д. Силлери, а мы съ пѣхотою при д. Сенъ-Леонардъ, надъ р. Вель, усаженною тополями. Биваки запылали и дымъ всклубился къ небесамъ.

12-го Марта пошли мы къ Шалону. Этотъ маршъ казался для всѣхъ непонятнымъ; одни говорили, что Наполеонъ со всѣми силами бросился, черезъ Витри къ Сенъ-Дизье, въ тылъ большой союзной арміи, и что мы спѣшимъ соединиться съ нею; другіе говорили, что Гене-

ралъ Вреде и Принцъ Виртембергскій разбили два Французскіе Корпуса, шедшіе отъ Шалона, и что мы преслѣдуемъ Наполеона, въ намѣреніи отрѣзать его отъ Парижа; наконецъ третьи говорили, что Австрійцы отъ насъ отходятъ, и Императоръ Францъ, помирившись съ Наполеономъ, уѣхалъ изъ арміи въ Вѣну. Но никто не могъ отыскать правды въ этихъ слухахъ, и всѣ ожидали дальнѣйшихъ событій.

Не доходя полторы версты до Шалона, войски нашего Корпуса стали на биваки у д. Реси, надъ р. Марною.

Въ слѣдующій день церемоніяльно прошли мы черезъ Шалонъ и черезъ мостъ р. Марны; потомъ повернули на Парижскую дорогу. Генералы Винценгероде и Графъ Чернышевъ продолжали слѣдовать за Наполеономъ. Между тѣмъ Императоръ нашъ предпринялъ рѣшительное намѣреніе идти къ Парижу, и главная союзная армія находилась на полномъ маршѣ въ то время, какъ Наполеонъ рыскалъ позади ея.

При д. Шантри кавалерія, подъ начальствомъ Барона Корфа, и 8-й Корпусъ, пошли влѣво черезъ поле; вскорѣ мы увидѣли вдали пушечный дымъ: тамъ Корфъ напалъ на Французовъ. Прочіе Корпусы продолжали идти по большой дорогѣ.

Такимъ образомъ мы сближались съ большою союзною арміею въ то время, какъ между нами попались два сильные непріятельскіе Корпуса, подъ начальствомъ Мармона и Моршье. Первый только что перешелъ городъ Вертю, какъ наткнулся на авангардъ большой арміи, отъ которой, потерпѣвъ пораженіе, отступилъ къ Сезану. Непріятельская колонна пѣхоты, въ 5,000 человѣкъ, съ большимъ запаснымъ паркомъ военныхъ снарядовъ, составившая изъ цѣлой дивизіи Генерала Пакто, старалась соединиться съ Наполеономъ; но атакованная Барономъ Корфомъ, она отступила къ Ферь-Шампенуазу, въ надеждѣ сойдтись съ Мармономъ; однако, попавшись между двумя нашими арміями, должна была погибнуть. Французы, построившись въ каре, защищались храбро. Государь нашъ послалъ къ нимъ одного Полковника, Француза, чтобы уговорить ихъ къ сдачѣ военноплѣнными; они его убили; но будучи истребляемы со всѣхъ сторонъ артилеріею и конницею, принуждены были сдаться. 7 Генераловъ и 4,000 храбрыхъ, съ большимъ паркомъ, были взяты Русскими передъ лицомъ своего Императора. Всего же оба непріятельскіе корпуса, съ истребленною дивизіею, потеряли 80 орудій и до

10,000 плѣнными и убитыми. Такъ велика была ошибка Наполеона!

Къ ночи мы остановились при Монмиралѣ, между Феръ-Шампенуазомъ и Эпожемъ, на обширной равнинѣ, близъ болота. На полѣ валялись убитыя лошади, какъ признакъ бывшей здѣсь драки.

14-го Марта повернули опять на большую дорогу, къ Эпожу; отсюда весь день и часть ночи шли по большой Парижской дорогѣ. Переходъ былъ около 35 верстъ; очевидно мы спѣшили, чтобы дойдти къ Парижу прежде Наполеона.

Идемъ въ Парижъ! говорили Генералы, и Москва будетъ отмщена! Мы свергнемъ завоевателя съ похищеннаго имъ престола; мы освободимъ Францію отъ самовластнаго деспота!—Радостная мысль, что мы идемъ въ Парижъ оживляла войски и придавала имъ быстроты въ шествіи: усталыхъ не было, потому что опасались сзади Наполеона.—Идемъ въ Парижъ! говорили офицеры; тамъ-то найдемъ радости и удовольствія. Пале-Рояль! держись. Есть-ли деньги, господа, чтобъ было чѣмъ повеселиться? Но мы соберемъ контрибуцію.... Идемъ въ Парижъ, ребята! говорили солдаты, размахивая руками. Тамъ кончится война; Государь дастъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ вина!

Станемъ на кварширы.—На право, на лѣво, раздайсь!— кричали задніе переднимъ, что обыкновенно дѣлывалось, если проѣзжалъ черезъ колонну по дорогѣ кто-либо изъ Генераловъ; солдаты поспѣшно отсторонялись, и видѣли по срединѣ — бѣгущаго козла, который привыкъ ходить съ войсками. Васька идетъ въ Парижъ! На право, на лѣво, раздайсь!—И общій хохотъ ускорялъ шествіе....

Большая Парижская дорога, по которой мы шли, хотя шоссе или мостовая, была весьма испорчена, и какъ будто нарочно большіе камни были выворочены ребромъ; величественные тополи, украшающіе по сторонамъ эту дорогу, во многихъ мѣстахъ вырубленные, валялись, какъ низверженные исполины. Иногда попадались трупы ободранныхъ лошадей, лоскутья отъ киверовъ и ранцевъ.

Пройдя черезъ м. Монмираль, войски остановились для ночлега. Въ мѣстечкѣ стала главная квартира Князя Блюхера; всѣ войски нашей арміи были расположены вокругъ; ночью, при бивачныхъ огняхъ, представилась картина обширной иллюминаціи.

15-го Марта дошли до города Ферте-су-Жуаръ, расположеннаго по обѣимъ сторонамъ р. Марны; путь-же, съ лѣвой сто-

роны, впадаетъ рѣчка Пети-Моренъ. Марна здѣсь не широка, но извилиста и быстра.

Отъ Шалона до сюда мы видѣли обширныя равнины, пересѣкаемыя только при Эпожѣ и Монмиралѣ возвышеніями; но отъ Ферте-су-Жуаръ начинается прелестное мѣстоположеніе: по правой сторонѣ Марны возвышенные берега усѣяны виноградникомъ. Строенія въ деревняхъ и мѣстечкахъ чище, обширнѣе; земля плодороднѣе. Фруктовыя деревья и зеленѣющая пшеница представляютъ хотя не существенныя, но скрытыя красоты природы, которыя готовы развернуться со всею прелестію, при первомъ появленіи весны. Шедши по лѣвому берегу Марны, мы любовались живописными видами праваго берега; Марна течетъ по долинѣ извилистою полосою. Однако впереди слышали канонаду: Маршалы Мармонъ и Моршье, съ 30,000 войска, оставлены были Наполеономъ для удержанія двухъ армій Союзниковъ, простиравшихся до 120,000. Они упорно защищались. Для ночлега остановились мы при д. Жуанъ. Ночью разбудилъ насъ громъ отъ взрыва пороховаго магазина въ Мо.

Въ слѣдующій день, по берегу Марны, приблизились къ переправѣ, устроенной на понтонахъ при д. Тримъ. Тутъ сошелся весь Корпусъ Графа Ланжерона, и мы долго

ожидали, покуда переправились войски 9-го и 10-го Корпусовъ; потомъ прошла и наша артиллерія. Каменный мостъ былъ взорванъ и перековерканъ.

Отъ переправы шли, по весьма хорошей мостовой, къ Мо. Городъ стоитъ въ долинѣ надъ Марною, и окруженъ высотами ея береговъ; онъ менѣе Шалона, но такъ великъ какъ Тулъ. Проходя мимо города, оставшагося у насъ вправо, видѣли много камней, разбросанныхъ взрывомъ пороховаго магазина въ прошедшую ночь. Отъ Мо своротили вправо и пошли проселочною дорогою, приближаясь къ Парижу. Въ знакъ этого всѣ офицеры и солдаты воткнули въ свои киверa зеленыя вѣтки, вмѣсто лавровъ, какъ будто уже побѣдители. Главная армія пошла прямо къ Парижу; въ Мо оставленъ съ Корпусомъ Баронъ Остенъ-Сакенъ, для прикрытія тыла.

Съ 9-ти часовъ утра 17-го Марта продолжали мы путь свой проселочными дорогами; при м. Митри сдѣлали привалъ. Здѣсь уже замѣтны были окрестности столицы Франціи: деревни чаще, земля плодороднѣе; лѣсочки и ручьи; домы каменные, обширные; во дворахъ стояли скирды съ хлѣбомъ; но жителей ни души. Фуражировать уже не позволялось и вездѣ для охраненія деревень ставили караулы.

Вышедъ на большую дорогу отъ Суассона къ Парижу, мы увидѣли на возвышенныхъ окрестностяхъ города пушечный дымъ. Тамъ Генералъ Раевскій, авангардомъ главной арміи, прошедши Бондійскій лѣсъ у Вильета, сбивалъ Французовъ, которые, слабо сопротивляясь, отступали къ Парижу.

Гора Монмартръ, составляющая возвышенное предмѣстіе Парижа по дорогѣ къ Сенъ-Дени, видна была съ своими мѣльницами за 15 верстъ. — «Вотъ Парижъ!» кричали солдаты. «Здравствуй, батюшко Парижъ! какъ-то ты раздѣлаешься съ нами за матушку Москву!»—и ускоряли маршъ. Мѣстоположеніе къ городу ровное, пересѣкаемое рощами. Не доходя м. Ле Буржетъ, остановились для ночлега.

18-е Марта. Важный день для славы Русскаго оружія и для Императора Александра! несчастный день для Франціи и бѣдственный для Наполеона.

Парижъ, защищаемый не болѣе какъ 30,000 войска и открытый со всѣхъ сторонъ, представлялъ слабое препятствіе для 100,000 арміи Союзниковъ. Если-бы только угодно было Государю нашему мстить огнемъ и мечемъ, то Рускіе подняли-бы столицу Франціи на Царя за матушку Москву; но онъ воевалъ только съ Наполео-

номъ, и потому побѣда не обѣщала большаго кровопролитія или ужасныхъ послѣдствій.

Парижъ, расположенный большею частію по правой сторонѣ р. Сены, окруженъ высотами, на которыхъ предмѣстія. Главнѣйшее изъ нихъ, начиная отъ рѣки по сю сторону, или отъ дороги противъ Сенъ-Дени, есть Монмартрское, на горѣ, потомъ Бельвиль, и такъ далѣе. Союзники устремились на эти главнѣйшіе пункты. Въ 6 часовъ утра, Генералъ Раевскій атаковалъ д. Пантенъ и Роменвиль, а Блюхеръ со своею арміею, состоявшею изъ Корпусовъ Графа Ланжерона, Іорка и Клейста, приближался къ Сенъ-Дени. Французы, не смотря на свою малочисленность, защищались мужественно. Братъ Наполеона, Іосифъ, бывшій Король Испаніи, находился на высотѣ Монмартра, и оттуда распоряжалъ молодымъ войскомъ, между тѣмъ какъ Мармонъ и Мортье защищали высоты Бельвиля. Они всѣ думали, что лишь небольшая часть союзныхъ войскъ подступаетъ къ Парижу; но когда Корпусъ Графа Ланжерона вышелъ на Обервильскія долины, потомъ показались Пруссаки, и канонада поднялась отъ одной стороны города до другой, тогда Король Іосифъ, опасаясь быть захваченнымъ въ Парижѣ, сдалъ начальство Мармону, а самъ улепетнулъ изъ горо-

да. Въ Паншенѣ и Роменвилѣ Французы упорно держались, такъ что Главнокомандующій, Барклай-де-Толли, послалъ въ подкрѣпленіе Раевскому два гренадерскіе полка и Прусскую гвардію; но и этого не было достаточно: послали еще гвардейскую дивизію. Кровопролитіе началось ужасное; потери съ обѣихъ сторонъ были значительныя, и Французы отступили къ Бельвилю и Мениль-Монтанъ. Рускіе тутъ остановились, ожидая совокупныхъ дѣйствій на правомъ флангѣ отъ Блюхера, а на лѣвомъ отъ Виртембергцевъ. Французы ободрились и выступили снова на отнятыя деревни Роменвиль и Паншенъ; но два полка Русскихъ кирасировъ ударили на нихъ и тѣмъ много содѣйствовали нашимъ и Прусскимъ гвардейцамъ удержаться на мѣстѣ. Это были послѣднія усилія истощеннаго непріятеля. Между тѣмъ Корпусъ Графа Ланжерона подвигался черезъ д. Клиши, а лѣвѣе его Клейстъ и Іоркъ съ Пруссаками шли на д. Вильешъ. Тутъ они довольно потерпѣли отъ Французскихъ батарей и стрѣлковъ; но, будучи подкрѣплены нашими батальонами, прогнали Французовъ и заняли ферму Рувруа.

Войски Графа Ланжерона, состоявшія изъ 8, 9, и 10-го Корпусовъ, шли въ боевомъ

порядкѣ колоннами. Въ то время какъ Пруссаки дрались при Вильетѣ, за егеря-ми 8-го Корпуса слѣдовала рота артилле-ріи, которою я командовалъ. Мы, оставивъ Пруссаковъ, повернули вправо и стали раз-вертываться. 9-й Корпусъ посланъ былъ противъ Сенъ-Дени, гдѣ засѣла небольшая часть непріятелей, а 8-й и 10-й присту-пали къ горѣ Монмартръ ; первый пошелъ по дорогѣ отъ Сенъ-Дени, а второй лѣвѣе. Егери, за которыми я шелъ, разсыпались въ линію стрѣлковъ; моя батарея выстро-илась за ними, и открыла канонаду по непріятельской кавалеріи и пѣхотѣ, сто-явшихъ съ нѣсколькими пушками у подош-вы Монмартра. Забросанныя ядрами и гранатами, онѣ въ разстройствѣ поднялись на середину горы, гдѣ, подъ защитою до-мовъ, могли держаться. Для стрѣлковъ не было работы. Лѣвѣе, противъ насъ, еще стояла батарея о 4-хъ орудіяхъ ; я обра-тилъ на нее большую часть выстрѣловъ, и заставилъ ее отодвинуться. Мы прибли-зились къ горѣ Монмартръ на триста саженъ, и въ такомъ положеніи стояли нѣ-сколько времени безъ дѣйствія, въ ожида-ніи покуда сзади насъ возьмутъ Сенъ-Де-ни, гдѣ еще продолжалась канонада и Французы упорно держались. Лѣвѣе меня построилась батарейная рота Полковни-

ка Магденки, а позади, для прикрытія, сталъ Рязанскій полкъ. Французы изрѣдка бросали въ насъ ядра, и то весьма неудачно; иногда подходили къ нашимъ батареямъ Французскіе стрѣлки, или подъѣзжали фланкеры безпокоить своими пульками, но брошенная изрѣдка картечь заставляла ихъ убираться. Я съ своими легкими орудіями выдался еще впередъ, въ цѣпь стрѣлковъ; но споявшія влѣво у фермы Прусскія гаубицы почли мою батарею за Французскую, и стали пускать поперегъ нея гранаты. Къ счастію онѣ не сдѣлали вреда; только я принужденъ былъ просить Полковника Скобелева, чтобы послалъ своего адъютанта разувѣрить ихъ (*). Послѣ этого я подвинулся вправо къ дорогѣ на Сенъ-Дени. Французская кавалерія густою колонною покусилась броситься на мою батарею, но я со всѣхъ одиннадцати орудій принялъ ее рикошетировать, не допустилъ до картечныхъ выстрѣловъ, смѣшалъ и заставилъ обратиться назадъ; тогда Французы выставили густую

(*) Подобный случай былъ со мною подъ Бауценомъ, въ прошедшемъ году. Прусскую артиллерію не льзя похвалить за искуство; она не рѣдко спаиовилась на большую дистанцію и, стрѣляя черезъ насъ, попадала въ наши батареи или прикрытія.

цѣпь стрѣлковъ, которые, придерживаясь аллеи, подвигались къ моей батареѣ; но и шупъ нѣсколько выстрѣловъ картечью ихъ остановили. Между тѣмъ, лѣвѣе насъ, продолжалось горячее дѣйствіе. Россійская и Прусская гвардія заняли высоты Бельвиля; Іоркъ и Клейстъ съ Пруссаками выступили изъ Вильетта къ предмѣстію города. Наконецъ двинули и насъ. Генералъ Рудзевичъ съ егерями, правѣе Сенъ-Дениской дороги, спалъ обходить гору Монмартръ; я съ батареею перешелъ туда-же, и, выстроившись, на отвозахъ пошелъ, наступая плутонгами, бить непріятельскую кавалерію, которая, оставляя убитыхъ, взъѣзжала на гору. Вдругъ, изъ крайняго дома отъ подошвы горы, выѣхалъ въ синемъ мундирѣ Французскій Полковникъ и, махая платкомъ, поскакалъ прямо на мою батарею. Я не велѣлъ стрѣлять, и, подъѣхавъ къ нему, спросилъ: Что вамъ угодно?—«Гдѣ Графъ Ланжеронъ, или Блюхеръ?» — Показавши ему влѣво назадъ, я повернулъ лошадь къ батареѣ; но онъ, уѣзжая, сказалъ мнѣ: «Остановитесь! мы сдаемся!».... Между тѣмъ канонада продолжалась. Французскія гранаты взорвали у Пруссаковъ, лѣвѣе насъ, двѣ зарядныя палубы: дымъ отъ нихъ съ ужаснымъ громомъ высоко всклубился къ небу. Это по-

служило намъ будто сигналомъ къ шпурму. Генералъ Рудзевичъ пустилъ егерей на гору, которые съ крикомъ ура! побѣжали въ Монмартрское предмѣстіе; Полковникъ Магденко съ батарейною ротою объѣхалъ рысью сзади мою батарею, и сталъ также съ егерями подниматься на гору, а я съ своими полѣзъ прямо. Ура! съ барабаннымъ боемъ раздавалось со всѣхъ сторонъ. Все спремилось на гору. Французы испугались, и, не отстрѣливаясь, бѣжали вверхъ; только еще кавалерія ихъ оставалась съ лѣвой стороны у подошвы горы. Я пустилъ въ нее нѣсколько выстрѣловъ на маршѣ, и, зарядивъ пушки картечью, подъѣзжалъ ближе. Старооскольскій полкъ шелъ вслѣдъ за моими орудіями, развернувшись въ линію, а потому я не опасался кавалерійской атаки и хотѣлъ дернуть по кавалеристамъ залпомъ; но вдругъ Генералъ Капцевичъ, прискакавъ на мою батарею, закричалъ: «Стой! не стрѣляй!»— Отъ Графа Ланжерона было приказано остановить военное дѣйствіе, по случаю перемирія. «Однако войски Генерала Рудзевича еще лѣзли на гору и стрѣляли. Генералъ Капцевичъ послалъ къ нему то-же извѣстіе, и вдругъ все стало и затихло. Такъ на высотахъ Бельвиля и Монмартра Русскіе утвердились побѣдителями силъ Наполеоновыхъ, поко-

рителями Парижа и возстановителями Бурбоновъ. Я подъѣхалъ къ Французскимъ кавалеристамъ, по которымъ недавно стрѣлялъ; они были красиво одѣты въ свѣтлосинихъ мундирахъ и въ высокихъ куньихъ шапкахъ. «Здравствуйте, господа!» сказалъ я имъ. «Война кончена!»— «По несчастію она кончилась, отвѣчалъ офицеръ; но будетъ-ли это къ лучшему для Французовъ?» — «Мы увидимъ это послѣ; скажите, гдѣ вашъ Императоръ Наполеонъ?» — Такой вопросъ имъ не понравился, и другой офицеръ спросилъ меня: «Что значитъ эта бѣлая перевязка у васъ на лѣвой рукѣ?» — «Это знакъ союза всѣхъ войскъ, воюющихъ противъ Наполеона, и также это цвѣтъ Французской лиліи; не правда-ли?».... Но Французы стали меня окружать, а потому я, опасаясь нечаяннаго плѣна, сказалъ имъ adieu, и ускакалъ къ своимъ. Наши войски уже стали занимать мѣста для биваковъ, тамъ гдѣ кто стоялъ. Я съ ротою отошелъ немного внизъ, подъ самую гору, и весьма досадовалъ, видя на горѣ батарейныя орудія Полковника Магденки. Это мѣсто было мое, потому что я былъ всегда впереди съ егерями; но онъ опередъ меня.

Французы, видя невозможность удержать-

ся противъ всей арміи Союзниковъ, и опасаясь, чтобы съ занятіемъ Бельвиля и Монмартра не стали мы кидать бомбы въ Парижъ, послали къ нашему Государю просить перемирія и условій; вслѣдствіе чего прекращены всѣ военныя дѣйствія; Маршаламъ Мортье и Мармону позволено было на другой день выступить съ войсками изъ Парижа, оставивъ его на произволъ побѣдителей.

Къ ночи мы зажгли въ бивакахъ огни, а какъ давно уже продовольствовались посредствомъ однѣхъ только фуражировокъ, то послали фуражировъ за хлѣбомъ и виномъ въ Монмартрское предмѣстіе, однако Прусскіе драгуны и наши егери давно прежде насъ обшарили тамъ всѣ углы. Изъ любопытства я вошелъ въ ближайшій домъ; не видя тамъ ни души, въ растворенной комнатѣ нашелъ только собаку и ружье. Собака, изъ рода большихъ Датскихъ болленъ-бейссеровъ, была такъ послушна и умна, что позволила себя погладить, потомъ обвязать около шеи поводъ, и такимъ образомъ повела за мной мою верховую лошадь; я вошелъ въ свои биваки по-охотничьи, съ ружьемъ на плечѣ и съ собакою позади—только безъ дичи.

19-го Марта, въ 7 часовъ утра, Союзные Монархи въѣхали въ Парижъ черезъ предмѣ-

сшіе Сенъ-Маршенъ. Гвардейскіе Казаки и вся кавалерія ошкрывали пушь, попомъ гвардейская пѣхопа , а за нею въѣхалъ освободишель Европы, побѣдишель Наполеона, Императоръ Александръ; при немъ Король Прусскій, Цесаревичъ Конспаншинъ, Князь Шварценбергъ, Англійскій Посланникъ и всѣ прочіе Генералы. Австрійскаго Имперашора не было, и Австрійскія войски не учасшвовали въ сраженіи подъ Парижемъ. Государь нашъ былъ предмешомъ удивленія для всѣхъ Парижанъ. Всѣ, знашные и проспые Французы, жишели Парижа, сшекались около него, желая видѣшь и слышашь эпого испинно *благословеннаго* Провидѣніемъ Государя. Въ первомъ воспоргѣ благодарносши къ нему за пощаду и спасеніе, Парижане забывали Наполеона и провозглашали имя нашего Императора, какъ освободишеля Франціи опъ всѣхъ бѣдспвій. Подлинно съ эпой минупы судьба ея измѣнилась. Государь былъ сполько шронупъ воспоргомъ Парижанъ , чпо сказалъ имъ самое лесшное выраженіе: «Мы не завоевашѐли, мы ваши союзники! Французы друзья наши!»—Со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанія: « Вивашъ Александръ ! Вивашъ Вильгельмъ! да здравспвуюшъ наши освободишели!»—Во всѣхъ улицахъ, гдѣ проѣзжалъ Государь съ войскомъ, окна и балко-

ны были усѣяны дамами и лучшею Парижскою публикою; дамы, въ изъявленіе своей радости, хлопали въ ладони, махали платками, а нѣкоторыя, на тротуарахъ находившіяся, были столько милы, что подходили къ офицерамъ, въ свитѣ Государя ѣхавшимъ, и просили ихъ уступить имъ своихъ лошадей, чтобы увидѣть великаго Александра!— Трогательное, единственное зрѣлище для славы Россіи и ея Монарха! Но только гвардія удостоилась этой чести торжественнаго вшествія въ Парижъ, и квартированія въ казармахъ, внутри города; прочія войски оставались на бивакахъ, въ окрестности.

Такъ отмщена Москва. Ея пепломъ искупленъ тронъ Бурбоновъ, свобода Европы; надъ ея пепломъ сокрушилось могущество Наполеона! Вѣчная слава Россіи!

Пополудни я рѣшился объѣздить гору Монмартръ; съ вершины ея увидѣлъ Парижъ, весь, какъ на ладони. Въ туманной долинѣ, верстъ на семь пространства, между возвышеніями представилась мнѣ масса зданій, которыхъ видны были только однѣ крыши. Замѣчательнѣе всего бросились въ глаза мнѣ большой позлащенный куполъ Инвалиднаго Дома, и огромныя двѣ колокольни собора Божіей Матери (Notre-Dame); вправо мелькала Сена; прочія зданія и двор-

цы поглощались дымнымъ туманомъ. Наша Москва, столь-же огромная, красивѣе Парижа, потому что въ ней не одинъ, а множество позлащенныхъ куполовъ или соборныхъ главъ; сверхъ того Кремлевскія стѣны и башни. На вершинѣ Монмартра, между обыкновенными зданіями, есть три или четыре вѣтреныя мѣльницы и телеграфъ. Вся вершина горы была уставлена нашими пушками, которыя могли-бы разгромить Парижъ въ нѣсколько минутъ. Около батарей бивакировали егери. Тутъ-же, недалеко, находилась квартира Графа Ланжерона; всѣ прочіе домы заняты были Генералами и Полковниками цѣлаго Корпуса. Французы прогуливались между нашими батареями, все разсматривали, слушали музыку и удивлялись Рускимъ; иные вывозили и выносили изъ домовъ уцѣлѣвшее имущество въ городъ.

20-го Марта, согласившись съ однимъ изъ товарищей, поѣхалъ я въ Парижъ.

Отъ воротъ de Clichy, по улицѣ Mont-blanc, проѣхавъ черезъ все Монмартрское предмѣстіе, мы увидѣли строенія весьма неважныя; только по бульвару, идущему поперегъ города и отдѣляющему его отъ предмѣстій, стали являться хорошіе домы, новѣйшей архитектуры. Прекрасная, небольшая улица, Rue Napoléon, привела насъ къ

Вандомской площади. Посреди нея стоитъ мѣдная колонна, вышиною саженъ 15, съ пустотою внутри и съ лѣстницею на верхъ; на самой вершинѣ колоссальная статуя Наполеона, въ мундирѣ и въ шляпѣ, имѣющая въ правой рукѣ державу міра. Вся эта колонна, говорили намъ, сдѣлана по подобію Траянова столпа въ Римѣ, и вылита изъ мѣди пушекъ, отнятыхъ прежними побѣдами у непріятелей Французовъ. Отъ пьедестала до самаго верха украшена она спиральною полосою съ барельефами. На пьедесталѣ воинская армашура новѣйшихъ временъ: мундиры съ эполетами, Павловскаго гренадерскаго полка каски, Русскія знамена, пушки, а по угламъ одноглавые Французскіе орлы. Колонна сооружена въ 1805 году; памятникъ рѣдкій и примѣчательный по своей работѣ! Мы застали на площади множество народа. Я спросилъ у близъ-стоящихъ Французовъ: «Не Наполеонъ-ли это на верху?»— «Да, онъ!»— «Высоко взошелъ; пора сойдти внизъ!» — «Тотчасъ!» отвѣчали усмѣхаясь Французы. Дѣйствительно они собрались для того, чтобы стащить истуканъ. Уже одинъ проказникъ вскочилъ на плечи мѣднаго Наполеона, и обматывалъ вокругъ его шеи толстый канатъ, котораго концы висѣли до низу; многіе Фран-

цузы изъ черни, въ томъ числѣ даже бабы, держались за канатъ, въ намѣреніи спащить преждебывшаго своего идола.—Вотъ превратность судьбы великихъ людей! Эта чернь, которую Наполеонъ едва-ли удостоивалъ когда либо косвеннымъ взглядомъ, бывши занятъ своими завоеваніями, судьбою Европы, эта чернь, теперь издѣваясь, тянетъ его съ высоты побѣдъ; но онъ стоялъ твердо, и я не знаю чѣмъ кончились ничтожныя усилія черни, потому что, въ негодованіи на вѣтреный характеръ Французовъ, поѣхалъ далѣе. Между толпами разъѣзжали верхомъ угрюмые люди въ черныхъ фракахъ, съ бѣлыми кокардами на круглыхъ шляпахъ: смѣлые роялисты, приверженцы Бурбоновъ. До этого времени конечно они скрывались въ неизвѣстности. Такъ появленіе Русскихъ измѣнило видъ Парижа и его обитателей! Если мы останавливались для какихъ нибудь распросовъ, то Французы другъ передъ другомъ предупреждали насъ своими отвѣтами, обступали, съ любопытствомъ разсматривали, и едва вѣрили, чтобы Русскіе могли говорить съ ними ихъ языкомъ. Милыя Француженки, выглядывая изъ оконъ, кивали намъ головками и улыбались. Парижане, воображая Русскихъ, по описанію своихъ патріотовъ, варварами, питающимися че-

ловѣческимъ мясомъ, а Казаковъ, брадашыми Циклопами, чрезвычайно удивились, увидѣвши Россійскую гвардію, и въ ней красавцевъ-офицеровъ, щеголей, не уступающихъ, какъ въ ловкости, такъ въ гибкости языка и степени образованія, первѣйшимъ Парижскимъ франтамъ.

Отъ Вандомской площади повернули мы влѣво, въ широкую и многолюдную улицу Сентъ-Оноре, гдѣ находятся высокіе трехъ- и четырехъ-этажные домы съ магазинами галантерейныхъ и модныхъ вещей, и остановились у огромнаго портика съ толстыми колоннами Пале-Рояля. Передъ входомъ, на лѣстницѣ, толпилось множество народа. Мы отдали своихъ лошадей мальчикамъ, которые съ большимъ усердіемъ взялись держать ихъ и другъ передъ другомъ хвастались тѣмъ, что водятъ лошадей Русскихъ офицеровъ. Черезъ нижнюю галлерею, за толпою народа, прошли мы до длиннаго двора, вокругъ котораго высокія сплошныя зданія въ нѣсколько этажей. Въ нижнемъ галлереи съ лавками, на подобіе Петербургскаго гостинаго двора. Тамъ расхаживало множество народа взадъ и впередъ, такъ что не льзя было разсмотрѣть въ лавкахъ ничего, кромѣ блеска и пестроты, при вѣчномъ шумѣ. Тутъ же, въ толпѣ мужчинъ не стыдились пѣс-

ниться разряженныя щегольски Француженки, которыя глазками приманивали къ себѣ нашу молодежь, а не понимающихъ этого больно щипали.... Намъ сказывали, что изъ всего Парижа въ галлереи Пале-Рояля собраны лучшіе и драгоцѣннѣйшіе товары; но какъ спекляныя въ лавкахъ двери всегда были заперты, а мы, не имѣя надобности ничего покупать, не входили въ нихъ, то сквозь спекла не могли ничего разсмотрѣть порядочно. Восковые бюсты съ париками, выставленные при нѣкоторыхъ лавкахъ, подъ спекломъ, показались намъ столько-же бѣлы и живы, какъ сами перюкмахеры. Въ среднемъ этажѣ этого огромнаго зданія, вмѣщающаго до 5000 народа, сплошь рестораціи, въ которыхъ соединено все, что только изобрѣла роскошь для приманки моповъ, для удовлетворенія ихъ прихотей и сладострастія. Славнѣйшая ресторація aux Mille Colonnes, гдѣ хозяйка, въ видѣ царицы, сидитъ съ утра до вечера на тронѣ, разсылая приходящимъ дары черезъ своихъ прислужниковъ, и собирая сама съ нихъ дань золотомъ и серебромъ. Но какъ у насъ карманы были пусты, то мы не покушались зайдти ни въ одну ресторацію; за то гвардейскіе офицеры наши, вкусивъ всю сладость жизни въ Пале-Роялѣ, оставили тамъ

знатную контрибуцію. Въ самомъ верхнемъ этажѣ живутъ жрицы сладострастія.... Въ самомъ нижнемъ или подземномъ, говорятъ, есть также обержи для нищихъ, гдѣ за нѣсколько су можно пообѣдать: супомъ изъ костей, соусомъ изъ мышей и жаренымъ изъ кошекъ. Обширный дворъ, усаженный деревьями, представляетъ прекрасное гулянье, гдѣ всегда множество народа. Этотъ Пале-Рояль самъ по себѣ казался городомъ. Онъ похожъ не на Королевскій прежде-бывшій дворецъ, а развѣ на толкучій рынокъ. До Революціи принадлежалъ онъ Герцогу Орлеанскому, который, для привлеченія къ себѣ черни, завелъ тамъ обержи, гулянья, и допускалъ всякую сволочь безденежно: съ того времени Парижане привыкли туда собираться для политическихъ совѣщаній, также для мошовства, роскоши и всякаго рода распутства.

Отъ Пале-Рояля, черезъ улицу, вышли мы на Императорскую площадь замка Тюльери. Этотъ дворецъ, всегдашнее мѣстопребываніе бывшихъ Королей и Наполеона, пространствомъ, кажется, гораздо менѣе Михайловскаго замка въ С. Петербургѣ. Фасадъ, обращенный къ площади, съ куполомъ, простирается въ длину саженъ на 70; строеніе, отъ древности по-

чернѣвшее и окруженное балюстрадою, не имѣетъ въ себѣ ничего величественнаго. Зимній дворецъ нашихъ Императоровъ въ сѣверной столицѣ есть передъ Тюльери превосходнѣйшее зданіе. За то тріумфальныя ворота, передъ этимъ замкомъ, лучшее его украшеніе. На лѣвой сторонѣ надписано золотыми буквами: *Побѣда Аустерлицкая*, а внизу, въ барельефахъ, одинъ гусаръ представляетъ Наполеону Русскихъ плѣнныхъ; на правой сторонѣ такая-же надпись: *Капитуляція Ульмская*, съ такими-же барельефами плѣнныхъ Австрійцевъ. На воротахъ стоятъ четыре фигуры, изображающія Наполеоновыхъ воиновъ въ гвардейскомъ нарядѣ разныхъ полковъ, отличной скульптуры. На самой вершинѣ воротъ поставлена пустая колесница съ четырьмя позлащенными конями, взятыми, говорятъ, изъ Венеціи. Если-бы Наполеону удалось въ 1812 году разгромить Россійскую Монархію, то онъ, конечно, посадилъ бы себя въ эту колесницу.

Отъ Императорской площади зашли мы въ Луврскую галлерею, или Наполеоновскій Музеумъ. Передъ входомъ также мальчики усердствовали одинъ передъ другимъ принять у насъ лошадей. Въ нижнемъ этажѣ, посвященномъ Скульптурѣ, расположены весьма просторно однѣ статуи,

лучшей работы. Передъ входомъ продаются книжечки, съ подробнымъ описаніемъ каждаго нумера спашуи. Крашкость времени не позволяла намъ разсмашривашь въ нихъ нѣмой изящносши , и мы пошли на верхъ, въ карпинную галлерею. Тупъ свѣшъ входилъ изъ оконъ сверху , опъ чего не льзя было разсмошрѣшь карпины, висѣвшей подъ окномъ. Лучшія карпины, кажется, были припряшаны, пошому чшо осшавалось много пусшыхъ рамъ. Въ первой залѣ поражаюшъ взоры большія карпины , предсшавляющія побѣды Александра Македонскаго: онѣ удивишельно живы, и краски въ нихъ ярки, какъ будшо недавно изъ-подъ кисши. Множесшво другихъ испорическихъ карпинъ были весьма занимашельны, но крашкосшь времени не позволяла намъ долго ими любоваться: чшобы разсмошрѣшь все съ надлежащимъ вниманіемъ, кажешся, недосшашочно было-бы цѣлой недѣли. Однако изъ всѣхъ карпинъ осшановила меня : Сняшіе Спасишеля со кресша. Она показалась мнѣ превосходнѣйшею : есшесшвенносшь, подробносши, живосшь красокъ удивишельны ; мершвое шѣло Іисуса Христа внушаешъ сшрахъ. Лицо Маріи исшощено печалью; слезы въ глазахъ ея изсякли. Лицо Магдалины возбуждаешъ жалосшь; одна слеза осшановилась на щекѣ, другая сшер-

ша и оставила слѣдъ. Іосифъ внушаетъ благоговѣніе.... Но можетъ-ли какое либо описаніе изобразить изящность этой картины! Я въ первый разъ видѣлъ такъ вѣрно изображенную на полотнѣ природу. Кромѣ историческихъ картинъ много было портретовъ, ландшафтовъ; много.... но я не обѣжалъ всего даже взоромъ и долженъ быть тѣмъ доволенъ, что имѣю понятіе объ этомъ славномъ Музеумѣ. Мы поспѣшили выйдти, безпокоясь о своихъ лошадяхъ; но мальчики имѣли терпѣніе держать ихъ; за десять су они были очень намъ благодарны, удивляя своею честностію. Не знаю, можно-ли у насъ гдѣ нибудь въ городахъ рискнуть отдать чужому мальчику подержать лошадь.

Отъ Луврской галлереи вышли мы на берегъ р. Сены. Ея набережная не стоитъ и въ половину Невской. Рѣка сама по себѣ немного шире Фонтанки, однако на ней пятнадцать мостовъ въ одномъ Парижѣ. По срединѣ рѣки, между мостиками Pont des arts, и Pont d'Austerlitz, есть три острова. Самый большой, la Cité, заключаетъ въ себѣ древнюю часть города, Лютецію, извѣстную во времена Юлія Цезаря. Къ этому острову ведутъ три моста: Pont Neuf, Pont au change, и Pont Notre-Dame. Островъ особенно замѣчателенъ древнимъ

огромнымъ соборомъ Божіей Матери, Готической архитектуры. Другой островъ, гораздо менѣе перваго, Св. Людовика; къ нему одинъ мостъ Св. Маріи. Третій островъ, близъ Аустерлицкаго моста, небольшой и незамѣчательный. Впрочемъ Pont Neuf (Новый мостъ), прежде-бывшій Pont-Royal, на пяти большихъ аркахъ, построенный при Людовикѣ XIV-мъ, кажется прочнѣе всѣхъ. Онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что передъ нимъ всегда множество народа, разныхъ торговокъ и фигляровъ, промышляющихъ хлѣбъ насущный. Мнѣ болѣе понравился, противъ Луврской галлереи, Императорскій мостъ, сдѣланный какъ будто изъ жердочекъ, для однихъ пѣшеходовъ. Вся набережная полна народомъ. По ту сторону Сены не видно никакихъ отличныхъ зданій; одинъ только позлащенный куполъ Инвалиднаго Дома возвышается величественно надъ всѣми строеніями.

Очень жаль, что на коротkое время, и то украдкою, безъ денегъ, удалось мнѣ побывать въ Парижѣ, въ этой столицѣ роскоши, въ этомъ средоточіи всѣхъ Наукъ, Искусствъ и удовольствій, въ этомъ Капитоліи немногихъ добродѣтелей, и въ лабиринтѣ величайшаго разврата, наконецъ въ этомъ гнѣздилищѣ 800,000 легкомысленныхъ, вѣтреныхъ, непостоянныхъ оби-

шапелей, изъ которыхъ, можетъ быть, только сотая часть порядочныхъ людей, и тысяча истинно умныхъ, ученыхъ, добродѣтельныхъ. — Счастливы гвардейцы! Они, бывши съ деньгами, изъ казармъ своихъ могли урываться на свободное разгулье по всему Парижу, видѣть всѣ рѣдкости и вкусить всѣ радости; просвѣтить умъ новыми о вещахъ понятіями, и усладить чувства новыми удовольствіями. Увы! никогда деньги не были такъ нужны мнѣ, какъ теперь! — Армейскимъ офицерамъ запрещено было ѣздить въ Парижъ; и счастье наше, что мы не попались на глаза никому изъ своихъ начальниковъ.

На возвратномъ пути я любовался простыми Француженками. Много изъ нихъ хорошенькихъ; всѣ одѣваются просто, красиво, опрятно и одинаково; почти всѣ онѣ круглолицы, блѣдны, темнорусы или брюнетки, съ живыми, быстрыми глазками, и со всегдашнею улыбкою; имѣютъ тонкія таліи, гибкій стройный станъ; носятъ коротенькія платья, чтобы ножки были видны, и ручки свои прячутъ въ фартучные карманы; волосы убираютъ подъ сѣточки или подъ чепчики; ходятъ проворно и заботливо. Погода для нихъ не страшна; онѣ не прячутся въ шубы отъ

холода. Между народомъ теперь свобода, какъ среди мира: торгуютъ кто чѣмъ хочетъ, даже касками и шапками Французской кавалеріи; какъ будто есть кому теперь въ нихъ надобность! Говорятъ, въ Пале-Роялѣ явились уже мундиры, кивера, шпаги, эполеты и шарфы всѣхъ полковъ Россійской, Прусской и Австрійской армій; столько Парижскіе ремесленники смѣтливы и искусны. Возовыя лошади здѣсь гигантскаго роста, вершковъ по пяти; возятъ огромныя двуколесныя фуры, нагруженныя шакъ, что наша тройка ямщичьихъ едва-ли стянетъ ихъ грузъ; колеса величиною аршина четыре, а шины на нихъ въ полъ-аршина шириной; хомуты такъ велики, что можно въ каждомъ сидѣть человѣку; копыта съ человѣчью голову величиною; грива и щетки на ногахъ не стригутся, отъ чего лошади мохнаты, какъ медвѣди, и неповоротливы, какъ буйволы. Эти ломовыя лошади какой-то особой породы. Здѣсь ѣздятъ также на ослахъ и на собакахъ.... Мало-ли чудесъ въ Парижѣ! Говорятъ, есть ученыя, пляшущія на веревочкахъ мыши, птицы, знающія грамотѣ, и блохи, возящія кареты, и проч....

Но гдѣ Наполеонъ?—Бросившись въ тылъ Союзникамъ, онъ думалъ обратить ихъ на

себя и оттянуть отъ Парижа, а между тѣмъ сблизиться съ 40,000 Корпусомъ Генерала Ожеро, находившимся въ Ліонѣ; но не такъ сдѣлалось, какъ онъ думалъ. Принявши кавалерію Генераловъ NN*** за авангардъ союзной арміи, онъ стремительно напалъ на нее. Разумѣется, та не могла устоять. Онъ взялъ надъ ней поверхность, но потерялъ Парижъ. 18 Марта, въ самый день приступа къ Труа, онъ полетѣлъ къ Парижу одинъ, но, видя его уже въ рукахъ Союзниковъ, принужденъ былъ остановиться въ Фонтенбло, куда вскорѣ пришла его 70,000-ная армія, и гдѣ послѣ того свершилась судьба завоевателя Европы.

21-го Марта Корпусъ Графа Ланжерона проходилъ церемоніяльно черезъ Парижъ на ту сторону р. Сены, потому что война съ Наполеономъ еще не была кончена. Передъ вступленіемъ насъ помочилъ дождь, и старые солдаты замѣтили это къ добру. Мы прошли черезъ Монмартрское предмѣстіе, потомъ по прекрасному бульвару, наподобіе Невскаго проспекта, до великолѣпной площади Конкордіи или Революціонной, на которой казнили Людовика XVI-го. По сторонамъ площади сады Тюльерійскій и Елисейскія поля, обѣщающія пріятное гулянье; на лѣво большая аллея идетъ къ Тюльерійскому дворцу, а на право она ше-

ряется, черезъ Елисейскія поля, къ Тріумфальнымъ воротамъ, въ полѣ. Съ площади пошли прямо черезъ Королевскій мостъ (Pont Neuf). По ту сторону, передъ мостомъ, явилось великолѣпное зданіе Законодательнаго Корпуса (Palais du Corps législatif). Портикъ его представлялъ прекрасную колоннаду, и впереди четыре сидящія статуи древнихъ мудрецовъ. Фронтонъ опять изображалъ въ барельефахъ Victoire d'Austerlitz (побѣду Аустерлицкую), гдѣ Наполеонъ представленъ на лошади, принимающимъ плѣнныхъ; въ одномъ углу Нептунъ печально склонилъ голову, а въ другомъ Миръ, въ видѣ женщины, съ рогомъ изобилія, смотря на побѣдителя улыбается. Мысль прекрасная, достойная піцеславія Наполеона. Подъ фронтономъ надпись: À Napoléon le grand. — Такъ всѣ памятники, которые Наполеонъ строилъ самъ себѣ при жизни, обнаруживали его чрезвычайное славолюбіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывали свою непрочность. Онъ хотѣлъ, чтобъ при жизни поклонялись его идолу, какъ древніе Римляне поклонялись истуканамъ своихъ Императоровъ; онъ будто предчувствовалъ, что скоро изгладятся всѣ черты этого величія на землѣ; одно только имя его будетъ вѣчно гремѣть въ Исторіи. — Отъ Законода-

тельнаго Корпуса прошли мы, улицею Rue de Bourgogne, на бульваръ къ Инвалидному Дому. Зданіе обширное, отдѣльное; за нимъ, въ сторонѣ, видно было другое: Ecole Militaire, или Кадетскій Корпусъ, и передъ нимъ обширное Марсово Поле. Къ намъ выходило на встрѣчу множество безногихъ или безрукихъ калекъ, старыхъ инвалидовъ, въ синихъ мундирахъ, заслужившихъ по успокоеніе, которымъ благодѣтельное отечество ихъ наградило. Весьма кстати, близъ Инвалиднаго Дома былъ помѣщенъ Кадетскій Корпусъ. Здѣсь юношество приготовляло себя къ заслугамъ, а тамъ заслуги награждались призрѣніемъ. Смотря на это, какой Французъ не воспламенится патріотизмомъ? Кто изъ нихъ пощадитъ себя противъ непріятеля, будучи увѣренъ, что благодарное отечество, награждая при жизни заслуги, пріуготовило ему спокойствіе, когда непріятель изувѣчитъ, или защитникъ будетъ неспособенъ ни къ какой службѣ?—Генриху IV-му пришла первая мысль устроить прибѣжище для старыхъ солдатъ. На первый разъ въ больницѣ Урсинскаго монастыря (l'Hôpital d'Oursine) были помѣщены изувѣченные. При Людовикѣ XIII-мъ, когда число инвалидовъ умножилось, перевели ихъ въ обширнѣйшее зданіе, замокъ Бисетръ.

Но уже при Лудовикѣ XIV, въ 1670 году, заложенъ Инвалидный Домъ, подъ названіемъ Hôtel royal des Invalides; черезъ пять лѣтъ построили въ немъ церковь съ огромнымъ куполомъ, который составляетъ нынѣ украшеніе не только этого зданія, но и всего Парижа. Корпусъ дома четырехъ-этажный; отъ средины передняго фаса ворота подъ сводомъ ведутъ на обширный дворъ, окруженный цѣлымъ зданіемъ отличной архитектуры; въ двухъ первыхъ этажахъ открытыя снутри двора арки освѣщаютъ галлереи, въ которыхъ инвалиды пользуются воздухомъ въ ненастные дни. Ихъ помѣщается здѣсь до 7,000. Открытая эспланада передъ домомъ, до самой рѣки, показываетъ весь фасадъ этого замѣчательнаго зданія, которое дѣлаетъ честь и славу цѣлой Франціи.

Здѣсь опять насъ сталъ мочить дождь, и мы, остановясь противъ Инвалиднаго Дома, часа три выжидали, покуда прошли мимо насъ запачканные Пруссаки, тысячь до десяти. Въ продолженіе этого времени подходили къ намъ толпою торговки съ коньякомъ, повторяя безпрестанно: Messieurs! la goutte! la goutte! (Господа! водки! водки!) (*). Между ними были пригожія,

(*) У Нѣмцевъ глотокъ водки называется *шнапсъ*, а у Французовъ la goutte.

которыя умильными глазками и улыбкою сколько придавали вкуса своему нектару, что наши солдатушки, у кого была копѣйка, порядкомъ понатянулись.

Отъ Инвалиднаго Дома, по бульвару, вышли мы за городъ, на Орлеанскую дорогу. По этому пути встрѣчали много наемныхъ, нумерованныхъ каретъ, колясокъ и шарашаекъ; нагруженныя всякимъ имуществомъ, онѣ возвращались въ Парижъ. Лица ѣхавшихъ Французовъ были веселы и дружелюбны; спала съ нихъ кручина! Они также повязали себѣ руки платками, въ знакъ союза съ нами, и ласково здоровались. Пріятно было изъ этого видѣть нѣчто похожее на миръ. Ввечеру полученъ былъ отъ Главнокомандующаго приказъ, чтобы въ нашемъ Корпусѣ не имѣть ословъ; ихъ дѣйствительно много завелось въ полкахъ для вьюковъ, и они, во время марша, увеличивали только густоту колоннъ. На бивуаки расположились у м. Лонжюмо, на чистомъ полѣ. Строго подтверждено было, чтобъ безъ офицера никакой команды не посылать за соломою или за дровами; все это должны были выставлять сами Меры, отъ нераспорядительности которыхъ въ продовольствіи войскъ былъ большой недостатокъ. Кто удачно прежде фуражировалъ, у того еще держался за-

пасъ муки и мяса; у кого были деньги, тотъ покупалъ хлѣбъ у жителей; а кто ничего не имѣлъ, тотъ сидѣлъ въ бивачномъ шалашѣ; да посвистывалъ.—Тогда и коммисіонеры всѣ были заняты политикою.

На другой день приказомъ объявлено намъ, что съ Французами заключенъ миръ, но что война продолжается съ Наполеономъ и его войскомъ. Приверженцы Бурбоновъ воспользовались обстоятельствами. По совѣту главнѣйшаго изъ нихъ, Талейрана, Министра Иностранныхъ дѣлъ, который, своимъ гибкимъ умомъ, могъ быть полезнымъ Франціи во время Революціи, и Наполеону во время его владычества, и Бурбонамъ, Союзники рѣшили опвергнуть всякое сношеніе съ Наполеономъ, или съ его семействомъ, и объявили, что признаютъ всякое правленіе, какое Французы изберутъ для себя, утверждая съ тѣмъ вмѣстѣ границы Франціи, какія она имѣла при Корояхъ. Вслѣдствіе этого собравшійся Сенатъ опредѣлилъ, что Наполеонъ и наслѣдники его лишены Престола, а народъ и войско разрѣшаются отъ данной ему присяги. Наполеона обвиняли въ томъ, что онъ не однократно нарушилъ постановленія Конституціи, увеличивалъ налоги, велъ безконечную войну, опвергнулъ

выгодный миръ, раззорялъ города.... Но Сенаторы прежде не смѣли сказать этого ему въ глаза: видно они заплвердили басню о состарѣвшемся львѣ. Не воюющіе Французы повѣрили Сенаторамъ, но войски не хотѣли нарушать присяги, данной Наполеону, который окрылилъ побѣдами всю Европу, и только сжегся въ Москвѣ. Онъ въ глазахъ ихъ былъ еще великимъ Императоромъ, и они съ нимъ готовились идти къ Парижу. 70,000 войска и 100,000 вооруженныхъ Парижанъ, при геніи Наполеона, при искуствѣ его Генераловъ и при отчаяніи въ послѣдней крайности, могли-бы еще нанести ударъ врагамъ Французской Имперіи, ударъ, который превратилъ-бы въ пепелъ Парижъ, такъ-же какъ Москву; только Парижане не имѣли духа, или, лучше, не любили Наполеона. Они, какъ обыкновенные люди, предпочли собственное спокойствіе лестной славѣ въ будущемъ, и не захотѣли пожертвовать жизнію для спасенія своего Императора, за славу котораго уже дорого поплатились. Великодушіе нашего Александра обезоружило Наполеона: ближайшіе друзья его, вскормленные и возведенные имъ на высшую степень благосостоянія, товарищи славы многолѣтней, Маршалы и Генералы, обольщенные лестными надеждами спокойствія

Франціи, или собственнаго блага, измѣнили ему: Мармонъ сдался Союзникамъ съ цѣлымъ Корпусомъ войскъ, а Ней и Лефевръ могли въ глаза своему Императору сказать, что они повинуются опредѣленію Сената, а не ему.... Въ этомъ случаѣ Наполеонъ, хотя врагъ нашъ, но великій человѣкъ, достоинъ сострадания!

И такъ Королемъ Франціи сдѣлали Людовика XVIII. Пруссаки съ Блюхеромъ пошли въ Берлинъ, Австрійцы во свояси, а насъ обѣщали на нѣкоторое время развести по кантониръ-квартирамъ.

Главнокомандующій Барклай-де-Толли осматривалъ Корпусъ Графа Ланжерона. Этотъ парадъ стоилъ намъ многихъ приготовленій.

Между тѣмъ мы бивакируемъ на одномъ мѣстѣ, оглядываемся къ Парижу, и—хлебаемъ Русскую кашицу. Время весеннее; поля зеленѣютъ, воздухъ благораствоpяется. Съ окончаніемъ кровопролитной трагедіи, природа оживилась.

Сегодня (25 Марта) заключено перемиріе на 48 часовъ, и фуражирамъ позволено ѣздить далѣе, только съ офицеромъ, и брать подъ росписки отъ деревенскихъ Меровъ самое необходимое: хлѣбъ, овесъ, а прочее покупать, у кого есть деньги. Мы радовались этому и готовы были пер-

нѣтъ болѣе нужды, только-бы скорѣе заключили миръ. Наполеонъ засѣлъ въ Фонтенбло, окруженный густыми лѣсами, и переговаривался съ Союзниками, какъ котъ въ западнѣ. Между тѣмъ всѣ храбрые товарищи его разбѣжались ; только старые солдаты гвардіи поклялись умереть съ нимъ.

Мимо насъ провезли послѣдніе трофеи: 22 пушки и 400 канонеровъ, отбитыхъ Графомъ Чернышевымъ за Фонтенбло; они шли изъ Орлеанскаго Депо.

Всѣхъ плѣнныхъ Французовъ распускали по домамъ. Я видѣлъ премилую сцену. На длинной фурѣ, ѣхавшей изъ Парижа, сидѣло трое Французскихъ солдатъ ; подлѣ одного изъ нихъ была женщина съ мальчикомъ, а другаго ребенка онъ держалъ на колѣнахъ. Этотъ малюшка, развалившись, не спускалъ глазъ съ отца, такъ-же какъ и мать его. Самъ отецъ взглядывалъ то на дѣтей, то на жену, то на товарищей.... Французскіе солдаты неохотно вступали въ бесѣду съ нашими, какъ будто стыдясь того, что были непріятелями столь великодушныхъ побѣдителей, которые, подходя къ нимъ, подчивали табакомъ и заводили разговоръ по пальцамъ. Между распускаемыми солдатами были мальчики, лѣтъ 18; они, кажется, изне-

могали подъ тяжестію ружья и ранца, и были безполезною цѣлью для нашихъ пушекъ (chair à canon). Пріятно было также смотрѣть въ мѣстечкѣ на жителей, которые спокойно сидѣли въ улицахъ, за воротами своихъ домовъ, и глазѣли на нашихъ солдатъ, какъ среди глубокаго мира, забывая о Наполеонѣ. Несчастный характеръ Французовъ! Сколько ни говорятъ о ихъ любезности, но не льзя не осуждать ихъ за непостоянство. Это дѣти, съ одною чувствительностію: крахмальные пѣтушки. Ни къ какому народу не льзя лучше примѣнить басни о лягушкахъ, просящихъ царя.

29-го Марта. — Христосъ воскресъ! — Кстати случилось, что мы Святую недѣлю Пасхи подъ Парижемъ: врагъ человѣчества сокрушенъ, милосердіе воскресло, кровопролитіе кончилось—вѣютъ лавры мира. Императоръ нашъ говѣлъ, и съ Нимъ—*говѣло* все войско. На праздникъ было строго подтверждено, никому не уѣзжать съ биваковъ въ Парижъ, и смотрѣть за солдатами, чтобы они не отлучались. Мѣсто и обстоятельства не позволяли намъ встрѣтить праздникъ какъ слѣдуетъ. Однако заутреня была совершена въ церкви Католической м. Лонжюмо, гдѣ находился только Графъ Ланжеронъ съ Генералите-

томъ; сверхъ того во всѣхъ полкахъ производилась служба въ походныхъ церквахъ, которыя уцѣлѣли. Для разговѣнія выдали нижнимъ чинамъ мясную порцію. Я также выписалъ изъ Парижа окорокъ ветчины и пирогъ. Яичекъ красныхъ нигдѣ не было, а потому и не христосовались. Качелей также не было, и солдаты, въ первый день праздника Св. Пасхи, провалялись въ своихъ балаганахъ, воспоминая о машушкѣ Россіи, которая въ этотъ день ликовала съ красными яичками.

Между тѣмъ въ Парижѣ дѣлались чудеса. Имя Наполеона вездѣ истреблялось; Французы признали Королемъ своимъ Людовика XVIII-го и присягнули ему; они сочинили новую конституцію. Наполеонъ по неволѣ отказался отъ Престола и распустилъ свое вѣрное войско. Побѣдители предоставили ему и супругѣ его только титулъ Императорскій, безъ владѣній, и лишили его всѣхъ завоеваній. Для пристанища подарили ему островъ Эльбу, и назначили изъ доходовъ Франціи, какъ заслуженному инвалиду, пенсію два милліона франковъ въ годъ, съ тѣмъ чтобы половину удѣлялъ онъ своей супругѣ; ей подарили въ полное владѣніе три маленькія Герцогства въ Италіи, а брашьямъ и сестрамъ его предоставили право пользоваться пріобрѣтен-

ною собственностію. При томъ заставили Наполеона оставить во Франціи всѣ драгоцѣнныя вещи, и возвратить ей взятыя имъ изъ государственной казны суммы; а какъ по начету ихъ оказалось не мало, то врядъ-ли онъ могъ воспользоваться опредѣленною ему пенсіею. Для препровожденія его изъ Франціи нарядили 1500 челов. гвардіи; ему позволили выбрать для себя на Эльбу только 400 челов., и онъ взялъ Поляковъ. Вотъ превратность судьбы великаго человѣка! Императоръ Франціи, завоеватель полу-Европы, трепетъ многихъ Монарховъ, бичъ рода человѣческаго, низверженъ съ высоты величія, обезоруженъ, лишенъ силы дѣйствовать, сталъ простымъ человѣкомъ, и только слава имени его начертается въ Исторіи и перейдетъ въ дальнѣйшее потомство.

Наши войски стали разводить въ кантониръ-квартиры. Французскіе солдаты изъ арміи Наполеона толпами шли мимо насъ въ Парижъ, за паспортами въ домовые отпуски.

Съ разсвѣтомъ дня 31-го Марша, войски Графа Ланжерона, состоявшія изъ 8-го, 9-го и 10-го Корпусовъ и кавалеріи Генерала Корфа, всего тысячь двадцать, тронулись съ бивуковъ отъ Лонжюмо къ Парижу. Мы ожидали смотра отъ Государя, а

потому шли парадно, въ строгой чистотѣ. Торговки узнали о нашемъ выступленіи, и отъ биваковъ до Парижа провожали солдатъ съ своимъ коньякомъ, которымъ усердно подчивали, какъ будто даромъ. Мы вступили въ Парижъ черезъ бульваръ de l'hôpital. По лѣвую сторону были незначишельные домы предмѣстія Сенъ-Марсель, а по правую стѣна. Подходя къ Аустерлицкому мосту, оставили вправо огромное зданіе: Hôpital de la Salpetrière. Противъ самаго моста, влѣво отъ бульвара, находится Ботаническій садъ (Jardin des plantes). Покуда артиллерія вытягивалась къ мосту, я рѣшился заѣхать въ садъ. Передъ воротами желѣзной рѣшетки сидѣли торговки съ конфектами, лимонадомъ и апельсинами. Погода была весенняя, теплая. При входѣ въ садъ, на правой сторонѣ, показывали въ желѣзныхъ клѣткахъ разныхъ звѣрей: льва, львицу, львенковъ, леопарда, гіенну, черныхъ волковъ, дикобраза, бобра, и другихъ. Болѣе всѣхъ понравился мнѣ старый левъ; его угрюмое, умное и важное лицо выражало силу и могущество; я съ уваженіемъ разсматривалъ царя звѣрей въ клѣткѣ. Львица вмѣстѣ съ собакою меня удивила; говорятъ, онѣ были вскормлены вмѣстѣ и такъ привыкли одна къ другой, что не могутъ разстаться; когда

дадутъ имъ кусокъ мяса, то собака первая бросается и ѣстъ, осмѣливаясь даже ворчать на свою великодушную повелительницу, если та придвинетъ лапу къ обѣду; но за то вѣрный товарищъ этотъ ищетъ послѣ обѣда блохъ въ гладкой и золотистой шерсти львицы. Два львенка очень мило лежали, положивъ лапки другъ на друга. Гіенна, съ подняшою дыбомъ шерстью и склонивъ голову, ходила взадъ и впередъ въ своемъ тѣсномъ заключеніи, и ни кто не смѣлъ подходить близко къ ея клѣткѣ. Дикобразъ, какъ ёжъ, только въ семь разъ больше его, сидѣлъ неподвижно, поднявши свои длинныя и колючія иглы, которыми, говорятъ, онъ бросаетъ въ враговъ своихъ какъ стрѣлами. Далѣе въ саду находились бѣлый слонъ и обезьяны; но я дорожилъ временемъ, страшась отстать отъ войскъ и попасться на глаза строгому начальству, а потому довольствовался тѣмъ, что видѣлъ. Я взглянулъ на длинную аллею, ведущую къ павильону, гдѣ заключался кабинетъ Естественной Исторіи. Жаль, что не настоящее время было для развитія красотъ природы. Весною, когда зацвѣтутъ здѣсь всѣ собранныя изъ разныхъ странъ свѣта растенія, можно усладить зрѣніе; теперь еще все черно, выключая вѣчнозеленѣю-

щихъ кипарисовъ. Берега Сены довольно красивы: по лѣвую сторону, выше моста, отлогость, и на водѣ много судовъ, а по правую, крутой берегъ, одѣтъ камнемъ. Аустерлицкій Мостъ есть мастерское произведеніе; онъ составленъ весь изъ желѣзныхъ полосъ; только перилы худы.

Отъ моста пошли мы по бульвару Св. Антонія; предмѣстіе этого имени оставалось у насъ вправо. Такимъ образомъ настоящій городъ отдѣляется отъ предмѣстій бульварами. По правую сторону р. Сены шесть предмѣстій: Св. Антонія самое большое; предмѣстія Храма (du Temple), Сенъ-Маршенъ и Сенъ-Дени, небольшія; предмѣстіе Монмартрское порядочное, а Сентъ-Оноре, прилежащее къ Сенѣ, довольно большое. Пространство между Аустерлицкимъ и Короля Людовика XVI-го мостами, не болѣе 4-хъ верстъ, заключаетъ въ себѣ лучшую часть города; пройдши-же бульварами отъ одного моста къ другому надобно, кажется, не болѣе шести верстъ. Главнѣйшая улица съ запада есть Сентъ-Оноре, кончающаяся противъ Новаго Моста (Pont-Neuf), на три съ половиною версты. Прямо къ этому-же мосту идетъ, поперегъ города, другая улица, Сенъ-Дени, почти на три версты; подобная этой улица отъ предмѣстія Сенъ Маршенъ идетъ къ Мосту Богородицы,

или Notre-Dame. Наполеонъ прожектировалъ провести новую улицу еще на 4 версты отъ замка Тюльери, черезъ предмѣстіе Св. Антонія; онъ конечно не пожалѣлъ бы многихъ домовъ, которые надлежало для этого сломать. И такъ Парижъ, по правую сторону р. Сены, въ длину будетъ около $7\frac{1}{2}$ версть, а въ ширину до 4-хъ версть. По лѣвую сторону рѣки есть три предмѣстія: Св. Марцела, Св. Іакова и Сенъ-Жерменъ, изъ которыхъ два крайнія весьма большія. Эта половина города почти вся окружена бульварами, на пространствѣ около 8 версть отъ Аустерлицкаго Моста до Моста Людовика XVI. Внѣ этого пространства остаются огромныя зданія: Инвалиднаго Дома, Университета, Кадетскаго Корпуса. Сверхъ того, въ предмѣстіи Св. Іакова находится древній Люксанбургскій Дворецъ, въ предмѣстіи Сенъ-Жерменъ Монетный Дворъ, и на концѣ предмѣстія Св. Марцела Астрономическая Обсерваторія. Главнѣйшая улица въ этой половинѣ города есть Св. Іакова, идущая поперегъ, отъ Обсерваторіи до Моста Св. Богородицы, почти на 3 версты. Изъ этого видно, что если войдти въ Парижъ отъ предмѣстія Сенъ-Мартенъ, то улицею этого имени можно пройдти до Моста Св. Богородицы, а потомъ улицею Св. Іакова до

Обсерваторіи, черезъ весь городъ поперегъ, верстъ на 7 пространства. Рѣка Сена протекаетъ черезъ Парижъ на 8 верстъ, начиная за версту отъ Аустерлицкаго Моста, и на версту за послѣдній, Іенскій Мостъ, передъ которымъ, на правой сторонѣ рѣки, стоитъ дворецъ Короля Римскаго. Рѣка у Аустерлицкаго Моста не болѣе 60 саж., не весьма быстра, и не очень глубока. Парижъ открытъ со всѣхъ сторонъ, и имѣетъ 40 заставъ; на правой сторонѣ командуютъ имъ возвышенія Монмартра и Бельвиля; по этому, не имѣя крѣпости или цитадели, онъ можетъ быть всегда завоеванъ небольшимъ Корпусомъ войскъ, если сила народа и средства Королевства недостаточны будутъ выставить хорошей арміи, чтобы не допустить непріятелей къ городу.

Отъ бульвара Св. Антонія вступили мы на другой, du Temple. Взоры наши не знали на чемъ остановиться: такъ много было предметовъ! Красивыя зданія, магазины съ товарами, пестрѣющія толпы народа всякаго званія, по обѣимъ сторонамъ прекрасной аллеи, представляли разнообразныя картины. Мы прошли мимо двухъ театровъ, Турецкаго сада и великолѣпнаго фонтана. Вывѣски на ресторацiяхъ были очень привлекательно разрисованы, и зама-

нивали къ себѣ, но время и обстоятельства не позволяли намъ лакомишься. Изъ толпы зрителей останавливались и смотрѣли на насъ большею частію дамы; пригожія Француженки у фонтаннаго бассейна, приходящія за водою, весьма усердно поили нашихъ солдатъ. Приближаясь къ предмѣстію Сенъ-Маршенъ, толпы народа сгущались, и наконецъ мы увидѣли рядъ парадныхъ каретъ съ бѣлою и синею ливреею, выѣзжающихъ съ театральнымъ великолѣпіемъ изъ улицы du Temple въ предмѣстіе этого имени, къ Бельвильской заставѣ. Войски остановились. Сидящіе въ золотыхъ каретахъ пожилые Перы, подъ пудрою и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, видно, отъ утомленія—сладко дремали. Со всѣхъ этажей изъ оконъ выглядывали мужескія и женскія, дурныя и прекрасныя лица. Уборъ дамскій былъ простъ. Я замѣтилъ много черныхъ, бархатныхъ касокъ, наподобіе гренадерскихъ, украшенныхъ тремя лиліями: на лиліи тогда вышла мода, и онѣ-же были шрауромъ по Наполеонѣ. Проѣхавшій Башкирецъ, въ красномъ кафтанѣ и въ желтой ушастой лисьей шапкѣ, съ колчаномъ и стрѣлами за спиною, среди этого парада надѣлалъ много смѣха. Французы кричали за нимъ: Voilà un amour de Sibérie! (Вотъ Сибирскій Амуръ)!—Національная гвардія стоя-

ла по сторонамъ улицы; Французскіе солдаты, изъ купцовъ и ремесленниковъ, были щегольски одѣты, въ синихъ мундирахъ и треугольныхъ шляпахъ съ бѣлыми кокардами, въ бѣлыхъ коротких панталонахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. Многіе изъ простыхъ солдатъ были прекрасные юноши, съ очками на глазахъ, и съ пуклями, державшіе на правомъ плечѣ ружья. Съ однимъ изъ такихъ щеголей прекрасная дама, въ бѣломъ платьѣ, дружески разговаривала. Мы остановились и процессія придворныхъ экипажей остановилась; тогда намъ велѣно было скорѣе сворачивать влѣво, въ предмѣстіе Сенъ-Мартенъ, а процессія Перовъ, Герцоговъ, Сенаторовъ и всѣхъ важныхъ особъ продолжала свое медленное шествіе. для встрѣчи Королевскаго брата, Графа д'Артуа.

Наконецъ, перешедъ черезъ предмѣстіе Сенъ-Мартына, по улицѣ, мимо больницы Св. Людовика, мы отошли за городъ 8 верстъ, и стали для ночлега у дер. Бонди.

Здѣсь уже не стало многолюдства, и рѣдко были видны люди; только мальчишки, съ мѣшками на шеѣ, ходили по канавамъ, по поясъ въ водѣ, и ловили зеленыхъ лягушекъ для роскошныхъ блюдъ въ ресторацiяхъ. Я хотѣлъ было рискнуть съѣздить въ Парижъ, чтобы побывать въ

театрѣ le Grand Opéra, въ дополненіе своихъ понятій объ этой славной столицѣ; но замѣшкался въ своемъ разсужденіи. Не имѣя денегъ ни полъ-франка, стыдился занимать ихъ у кого-нибудь, и утѣшался пословицею Доктора Панглоса, что *все къ лучшему*. Можетъ быть, думалъ я, тамъ случилась-бы со мною непріятность. Потомъ, валяясь на соломѣ, съ досадою продолжалъ свое разсужденіе такимъ образомъ: Многіе восхищаются Парижемъ, а по мнѣ, можно-ли Петербургъ съ окрестностями промѣнять на него! нашъ Питеръ красивѣе и великолѣпнѣе. О нравственности Парижанъ и говорить нечего. Роскошь и утонченность всѣхъ наслажденій жизни здѣсь на высочайшей степени. Каждый ремесленникъ совершенъ въ своемъ художествѣ: кузнецъ, сапожникъ, портной, конфетчикъ и булочникъ выставляютъ свои chefs-d'oeuvre подъ превосходными вывѣсками. Но всѣ удовольствія здѣсь плѣняютъ болѣе одною наружностію; зрѣніе, вкусъ и обоняніе здѣсь порабощены искуствомъ. Тѣмъ болѣе должно повреждаться здоровье, чѣмъ утонченнѣе чувственныя наслажденія. — Прощай Парижъ! теперь я знакомъ съ тобою, и, возвратившись въ Россію, перечеркну многое въ книгахъ, гдѣ пристрастные путешественники превознесли тебя свыше мѣры. Мы

видѣли товаръ на лицо. Правда, много есть въ Парижѣ вещей достойныхъ любопытства и удивленія; но мудрено-ли было счастливому завоевателю, овладѣвшему престоломъ революціонной Франціи, обобравшему столицы Государствъ Европейскихъ, собрать все лучшее въ гнѣздо свое! Если у насъ въ Россіи есть что хорошее, то это наше и родилось у насъ; мы можемъ тѣмъ хвастать смѣло. Если-же Парижъ украшенъ многими отличными зданіями, если Франція обезпечена въ путяхъ сообщенія устройствомъ прекрасныхъ дорогъ, каналовъ, и обогащена, то это все на счетъ завоеванныхъ Наполеономъ странъ, на счетъ собранныхъ имъ контрибуцій. Въ Парижѣ, можно сказать, заключается эссенція всего изящнаго, что Наполеонъ могъ выжать изъ плодовъ трудолюбія, искуства и знаній цѣлаго міра. Но что касается до нравственности, то здѣсь истинная школа разврата. Пусть наши молодые путешественники удивляются изящности свободныхъ Искуствъ въ Музеумѣ, или естественнымъ произведеніямъ въ Ботаническомъ саду; пусть посѣщая Академію и Университетъ изъ тщеславія, научаются нравственности въ театрахъ и Пале-Роялѣ; наконецъ, пресытясь всѣми наслажденіями утонченной роскоши, пусть возвращаются въ свое оте-

чество, гдѣ на каждомъ шагу имъ будетъ казаться невѣжество, гдѣ они будутъ въ вѣчномъ *горѣ отъ* своего *ума*, и гдѣ, наскуча всѣмъ, сами будутъ безполезными существами для себя, и вредными для Государства. Таковъ Парижъ!—Но полно: я далеко пустился въ гнѣвное сужденіе о немъ, потому что самъ не могъ ни чѣмъ воспользоваться изъ даровъ его. Надобно умѣть всѣмъ наслаждаться съ благоразумiемъ, и среди развраша другихъ находить добро безъ повреждения сердца. Въ рукѣ мудраго, свѣтильникъ жизни и ядъ могутъ приносить ему пользу.—Прощай славный, сладкій, милый Парижъ! я больше не увижу тебя!

ГЛАВА V.

ОТЪ ПАРИЖА ДО СЕНЪ-МЕНУ.

Путь въ кантониръ-квартиры.— Городъ Сенъ-Мену.— Церковное служеніе.— Неудачная охота.—Театръ.— Городской балъ. — Серенады. — Мнѣніе Французовъ о Рускихъ. — Русскій балъ. — Состояніе лѣсовъ во Франціи. — Проповѣдникъ.—Нѣчто о Французахъ. — Движеніе войскъ. — Кончина Тимоѳеева. — Походъ.

4-го Апрѣля остановились мы на бивакахъ, не доходя города Мо. Погода прекрасная; на землѣ свѣжая зелень и деревья начинаютъ распускаться. Съ прекращеніемъ войны оживилась природа. Рускіе, путеводимые великодушнымъ Монархомъ, даруя общій миръ Европѣ, и снявъ съ ея народовъ чужеземное иго, дали новую жизнь Франціи. Вселенная съ нами радуется, и мы возвращаемся изъ Парижа не такъ какъ Французы изъ Москвы: не съ заразою смерти, сопутствуемые всѣми бѣдствіями, а съ лаврами чести и побѣды, сопровождаемые благословеніямм народовъ.

Прошедши черезъ Мо и м. Лизисъ, мы стали для ночлега при д. Дюизе. Въ полѣ теперь гораздо пріятнѣе, нежели въ душныхъ, раззоренныхъ Французскихъ избахъ, похожихъ на тюрьмы. Природа развиваетъ свои весеннія прелести; соловьи поютъ, бѣлки прыгаютъ на деревьяхъ: это прогулка, для насъ пріятная.

Я думалъ, что Шато-Тьери городъ какъ городъ, по близости Парижа; но это небольшое мѣстечко, у рѣчки Марны, черезъ которую каменный мостъ взорванъ. Одна улица, по берегу рѣки, съ бульваромъ, составляетъ всю красоту городка: тутъ лучшіе трехъ-этажные домы. На горѣ вблизи есть развалины древняго замка: стѣны и башни. Городъ потерпѣлъ большое разореніе отъ Пруссаковъ, подъ начальствомъ Іорка. За городомъ мы остановились у м. Дорманъ. Моей артиллеріи досталось прекрасное мѣсто на лѣвомъ берегу Марны. Я самъ расположился надъ рѣкою, въ отдаленномъ, уединенномъ домикѣ, и, будучи скрытъ отъ бивачнаго шума, наслаждался весною: любовался свѣтлыми струями рѣки, зеленью береговъ, и воображалъ себя удаленнымъ отъ цѣлаго міра. Только въ такія минуты, среди сладкихъ мечтаній, я чувствую себя счастливымъ.

Потомъ прошли мы черезъ Эперне, ле-

жащій на лѣвомъ берегу Марны. Этотъ городъ болѣе и важнѣе Шато-Тьери; онъ составляетъ границу Шампани, или виннаго царства. Городокъ веселый, окруженный садами.

Отъ Эперне прошли мы черезъ Шалонъ безъ всякихъ приключеній. Французы, съ которыхъ свалилось бремя войны, стали принимать насъ съ удовольствіемъ; однако все еще видна въ нихъ скрытая боязнь. Въ каждой деревнѣ, какъ и въ Шалонѣ, они выходили толпами смотрѣть насъ.

Вотъ уже мы на кантониръ-квартирахъ въ городѣ Сенъ-Мену или Сенъ-Менегульдѣ. Онъ стоитъ на половинѣ пути отъ Шалона къ Вердёну, при началѣ большаго лѣса, называемаго Аргонскимъ (Bois d'Argonne), и принадлежитъ къ Марнскому округу, въ Шампани. При немъ кончаются Шампанскія известковыя степи, и начинается хорошая черная земля, по направленію къ Вердёну. Жители ведутъ торговлю лѣсомъ и скотомъ. Городъ замѣчателенъ въ Исторіи тѣмъ, что въ немъ несчастный Король Людовикъ XVI, въ своемъ бѣгствѣ изъ Франціи, во время Революціи, былъ остановленъ почтмейстеромъ и возвращенъ въ Парижъ.

Квартиры у насъ хорошія. Я стою въ домѣ Оберъ-Форстмейстера (Forestier), го-

сподина Фортеня, скромнаго, почтеннаго Француза-натуралиста, имѣющаго библіотеку лучшихъ авторовъ, и шкафъ съ чучелами разныхъ птицъ. Я расположился жить съ Музами: у меня есть книги, гитара, пудель и рыжій Вестфалецъ-жокей — чего желать болѣе на походѣ?

Здѣсь отдыхъ намъ послѣ многихъ трудовъ; только не надолго; говорятъ, скоро пошлютъ въ Молдавію. Турки, обольщенные Наполеономъ, полагаютъ, что мы здѣсь пропали, и лѣзутъ смѣло къ Каменецъ-Подольску. По газетамъ, Людовикъ XVIII-й скоро долженъ пріѣхать въ Парижъ. Наполеонъ, сложивъ съ себя корону Франціи, сталъ философомъ, и на 160 повозкахъ вывозитъ свою библіотеку на островъ Эльбу. Генералъ-Полицмейстеръ нашъ Эртель конвоируетъ его.

По привычкѣ въ воскресные дни посѣщать церковь, я согласился съ нѣкоторыми офицерами идти въ костелъ, находящійся на горѣ, за городомъ; для приглашенія приходилъ къ намъ заранѣе церковный староста. Онъ проводилъ насъ до храма и боковымъ входомъ ввелъ почти къ самому престолу; намъ предложили сѣсть, за балюстрадою, въ тѣсное мѣсто, на узкую скамейку. Служба началась съ великою церемоніею, какой только можно

ожидать отъ бѣдной церкви. Два каноника были одѣты въ пестрыя ризы, имѣя на головахъ черныя, пирамидальныя шапки въ родѣ шишаковъ; они безпрестанно ходили взадъ и впередъ передъ престоломъ и пѣли или ревѣли каншаты. Пріоръ, въ кожаной ермолкѣ, исполнялъ свои обряды со многими гримасами; голосъ у него былъ отмѣнно хорошъ. При этомъ находился цѣлый хоръ мальчиковъ, которые изрядно пѣли, но много шалили. Наполеонъ и въ церквахъ завелъ строгую полицію. Хотя въ числѣ зрителей были все почти женщины, которыя сидѣли на скамеечкахъ въ лучшемъ порядкѣ, безъ шума, однако жандармъ, въ шляпѣ, съ аллебардою и при шпагѣ, предводительствовалъ всею церемоніею, для внушенія всѣмъ духовной дисциплины. Мнѣ нравилось, что напослѣдокъ онъ повелъ за собою женщину съ пригожею дѣвушкою, которыя пріятными взорами и улыбками выпрашивали у зрителей мѣдные гроши (по два су) на серебряныя тарелки; мы положили по полу-франку и онѣ обѣ намъ низко присѣли. Вмѣсто проповѣди, Пріоръ разсказывалъ похожденія Св. Маршина, и исторію моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Римѣ во время введенія Христіанской религіи. Въ продолженіе этого разсказа дамы, составлявшія об-

щество зрителей, дремали подъ чепчиками, или разгуливали глазками. Набожности ни въ комъ не было видно. Кромѣ нѣсколькихъ стариковъ съ очками на носу, въ сальныхъ парикахъ, ни кто не вздыхалъ и не поднималъ глазъ къ потолку. Видно, для нравственности Французовъ и въ церкви нужна полиція. Духовные служатъ для того чтобы собирать деньги, а зрителницы являются съ цѣлъ, чтобы повидаться съ знакомыми, если можно перемигнуться, усмѣхнуться надъ цѣлодвиженіями канониковъ, и затыкать уши отъ ихъ рева или пѣнія.

Ввечеру на бульварѣ было много гуляющихъ, большею частію женщинъ и ребятъ, или стариковъ. Музыка 7-го егерскаго полка забавляла ихъ. Встрѣчалось довольно хорошенькихъ лицъ, особенно между служанками, которыя были прекраснѣе своихъ барынь, что не рѣдко случается и въ Россіи.

Городъ обнаружилъ въ себѣ не мало хорошаго: лавки съ изрядными товарами, всякаго рода мастерскія, двѣ площади, бульваръ; есть порядочные домы: между ними отличается ратуша.

Я съ своимъ хозяиномъ свелъ большую пріязнь, особенно когда подарилъ ему исторію Донъ-Кихота; за это онъ отда-

рилъ меня двумя пистолетами, изъ которыхъ одинъ служилъ для узнанія доброты пороха, а другой для зажженія свѣчи въ ночное время, безъ огнива.

13-го Апрѣля собрались мы на охоту въ Аргонскій лѣсъ, находившійся въ вѣдѣніи моего хозяина. Всѣхъ насъ охотниковъ было человѣкъ 30, и, казалось, мы за одинъ разъ перебьемъ всю дичь въ лѣсу. Отъѣхавши версты три, мы слѣзли съ лошадей, и пошли по лѣсу, каждый съ ружьемъ. Лѣсъ еще не былъ одѣтъ листьями; передъ входомъ находились озера и болота. Первая облава была неудачна. Въ одну сторону лѣса послали гончихъ собакъ, а напротивъ, въ срединѣ, разставили насъ, другъ отъ друга на 30 шаговъ. Мой толстенькій хозяинъ одѣлся въ свѣтлозеленое платье, какъ кусточекъ, а ноги его въ рыжихъ сапогахъ были похожи на корешки; въ такомъ видѣ онъ могъ приманить къ себѣ всякихъ птичекъ и звѣрковъ Аргонскаго лѣса. Главнокомандующимъ у насъ былъ Мосьё Шамиссо, старикъ-ролялистъ, на сѣрой лошади, въ шапкѣ, съ козырькомъ на затылкѣ; онъ болѣе всѣхъ шумѣлъ и распоряжался, и мой хозяинъ, какъ дѣйствительный начальникъ всѣхъ лѣсничихъ, называлъ его tête exaltée (горячая голова). Не управляя давно ружьемъ

и не занимаясь охотою, я, оставленный теперь на стражѣ въ лѣсу, одинъ, для встрѣчи дикаго вепря, немножко струсилъ, воображая опасность, которой подвергаюсь; также не надѣясь на вѣрность своего выстрѣла, однако имѣя доброе, двуствольное ружье, примѣрно сталъ прицѣливаться для разныхъ случаевъ, и, прислонясь къ толстому дереву, думалъ найдти на немъ спасеніе, потому что изъ насъ, которые пошли безъ ружей, сѣли на деревья.... Вдругъ начали гнать звѣря: лай собакъ и крикъ ловчихъ приближались къ намъ. Сердце во мнѣ забилось; я направилъ ружье и ожидалъ въ готовности непріятеля. Но правѣе меня сдѣлали два выстрѣла; немного погодя, засвистали въ свистокъ и мы собрались. Наша *горячая голова*, Мосьё Шамиссо, первый промахнулся въ оленя, и увѣрялъ, что онъ ранилъ его, ссылаясь въ томъ на свидѣтелей — собакъ, преслѣдовавшихъ звѣря. Мы пошли въ другое мѣсто. Здѣсь поставили меня на косогорѣ, на самомъ кабаньемъ слѣду, по тропинкѣ. Тутъ уже я былъ въ непремѣнномъ ожиданіи встрѣтить клыкастаго непріятеля и приготовился лучшимъ образомъ. Густой лѣсъ скрывалъ отъ меня все пространство. Начался лай гончихъ впереди, и сталъ приближаться. Я устремилъ вни-

маніе. Вдругъ вижу, что-то черное летитъ на меня низомъ, между деревьями—бацъ!... Мнѣ показался кабанъ, но это былъ дроздъ, за которымъ однако бѣжала дикая коза; птица отъ моего выстрѣла завертѣлась на мѣстѣ, а коза бросилась влѣво. Стоявшій близъ меня, въ 60 шагахъ, офицеръ хлопнулъ въ нее—и мимо. Коза побѣжала опять влѣво, по всей линіи, и выдержала нѣсколько промаховъ отъ искусныхъ стрѣлковъ; наконецъ, когда мы по свистку сошлись, она скрылась въ прежнее логовище. Не желая возвратиться домой безъ дичи, мы пошли въ третье мѣсто, и въ четвертое, гдѣ по примѣтамъ должно было находиться около десяти кабановъ. Тутъ поставили меня въ средину лѣса, въ такую чащу, что развѣ только въ десяти шагахъ можно было увидѣть звѣря. Кабаны побѣжали на одного стрѣлка, который, испугавшись ихъ, вскочилъ на дерево; а другой выстрѣлилъ въ дикую козу и промахнулся. Такимъ образомъ всѣ наши поиски и труды были тщетны. Притомъ безпокоили насъ сырая погода, иногда дождь. Хотя послѣ первыхъ двухъ гонокъ мы завтракали по охотничьи, однако у многихъ изъ насъ пропала охота къ охотѣ. Мы пустились, преслѣдуемые дождемъ, въ городъ, по домамъ.

Ввечеру, пріѣхавшій изъ Вишри актеръ съ женою вздумалъ позабавить публику представленіемъ на театрѣ. Въ афишкѣ обѣщалъ онъ двѣ оперы и комедію. Мы собрались въ театръ изъ человѣколюбія. Сцена и амфитеатръ при первомъ взглядѣ показались намъ подобны ярмарочнымъ, лубочнымъ театрамъ въ Россіи. Зрителей собралось до 30, въ томъ числѣ 6 дамъ и 4 служанки. Музыки не было никакой, хотя по афишкѣ оперы должны быть не иначе какъ съ музыкою. Черная занавѣсъ открылась, и что-же? — Прескаредная, запачканная старуха начала коверкать рожу и представлять скупую; она обнимала свой коробъ съ богатствомъ, разсуждала сама съ собою о деньгахъ, и дѣлала разныя гримасы съ припѣвомъ. Этимъ кончилась первая опера: *l'Avare*. Мы хохотали, хлопали, стучали, свистали; но скупая продолжала свое дурачество безъ всякаго замѣшательства. Другая опера была *Défiance et Malice*, которую видѣли мы въ Шалонѣ; тамъ она дурно была сыграна, а здѣсь еще хуже. Третья пьеса была комедія *Матильда*. Содержаніе ея простое: одинъ сочинитель хотѣлъ писать драму, и его любовница представляла ему разныя роли для пробы. Такимъ образомъ двѣ оперы и комедія сыграны были безъ музыки, однимъ акте-

ромъ съ женою. Съ этимъ чрезвычайнымъ таланmомъ они могутъ теперь путешествовать по всей Франціи, гдѣ квартируютъ чужеземныя войски, и, не смотря на стукъ и свистъ зрителей, въ первые вечера собрать по крайней мѣрѣ по 30 франковъ, что̀ составитъ въ одинъ мѣсяцъ изрядный капиталъ, особенно если они будутъ путешествовать на ослахъ. — Какъ Французы оборотливы!

Члены Municipalité, или Городскаго Правленія, и прочіе почетные обыватели сложились между собою, не знаю по какому случаю, сдѣлать обѣдъ и ужинъ для нашего Генерала Веселицкаго и для всѣхъ Русскихъ офицеровъ. Меня поздно пригласили. Я очень сердился на портнаго, который не успѣлъ мнѣ сдѣлать новаго платья ни къ обѣду, ни къ вечеру, и заставилъ идти на балъ въ старомъ мундирѣ. Многіе Французы были на меня въ претензіи, что я не пришелъ къ обѣду, который былъ весьма обиленъ, но безъ всякаго порядка: какое кушанье передъ кѣмъ стояло, тотъ то и бралъ, по обычаю Французовъ. Надобно хорошо знать свой темпераментъ, чтобы умѣть выбрать кушанье по вкусу и по здоровью. Ввечеру офицеры танцовали часу до третьяго ночи, и съ такимъ усердіемъ, что наконецъ всѣ сѣли по уг-

ламъ залы и дышали, какъ борзыя послѣ доброй гонки зайца. Дамъ задерживали, не выпуская ихъ въ двери; нѣкоторыя изъ нихъ, опасаясь чтобъ не было хуже того, уходили черезъ окна. Пунша, или оржада, конфетовъ и варенья не разносили, а кто хотѣлъ освѣжиться, тотъ могъ въ буфетѣ ѣсть слоеные пирожки и пить простое вино. Музыка была наша 7-го егерскаго полка. Танцёрокъ явилось очень довольно. Нѣкоторыя изъ нихъ были пріятны лицомъ, но прекрасной я не замѣтилъ ни одной. Уборъ ихъ очень скроменъ: отъ шеи до ногъ одна кисея; даже руки не было обнаженной: все подъ флеромъ, а груди трепетали подъ кисеею въ тѣсныхъ шнуровкахъ и вырывались на свободу. Платья были просторныя, не обнаруживающія никакихъ привлекательныхъ формъ, но за то коротшія, для открытія прекрасныхъ ножекъ. Кажется, здѣшнія Француженки одѣвались вовсе не по модному журналу. Головки ихъ были убраны цвѣтами, лентами и перламутовыми гребешками; иныя имѣли пояса съ цвѣтными каменьями, древней моды. Всѣ дамы были веселы и живы. Прекраснѣйшею изъ нихъ, по нашему приговору, была Мамзель Эмилія, милая кокетшочка: ея прекрасные глаза, живость въ лицѣ, улыбка, ловкость, были при-

влекательны; нѣкоторые сантиментальные офицеры уже вздыхали по ней.

На первый разъ Француженки оказывались хорошо расположенными къ Русскимъ офицерамъ, и были признательны къ ихъ вѣжливости и ловкости, что обнаруживало довольно образованія, чего онѣ вовсе отъ насъ не ожидали. Не смотря на посредственныя лица находившихся на балѣ мамзелей, я замѣтилъ вообще, что женщины, часто очень не пригожія, кажутся намъ прекрасными, именно потому что онѣ женщины, а не мужчины и иначе противъ насъ одѣты. Напримѣръ, на послѣднемъ балѣ было гораздо больше пригожихъ офицеровъ, и если-бы нарядить ихъ въ женское платье, то всѣ эти Француженки, за которыми волочится съ такимъ жаромъ наша братья, никуда-бы не годились передъ ними. Одно лицо женскаго пола и платье ихъ дѣлаютъ въ насъ, при помощи воображенія, болѣе впечатлѣній, нежели существенная красота ихъ. Пылкія чувства юноши ищутъ пищи для пламеннаго сердца; онъ часто думаетъ находить прелести въ предметѣ, гораздо нисшемъ противъ его достоинствъ. Но гдѣ страсти господствуютъ, тамъ гордый разсудокъ нѣмѣетъ. Красавица, которая сегодня столько прельщала молодаго прапорщика,

будучи одѣта въ его платье и на его мѣстѣ конечно не обратила-бы на себя пламенныхъ взоровъ юноши, между тѣмъ какъ въ своемъ видѣ она дѣлается предметомъ обожанія. Вотъ Эмилія: взгляните на нее послѣ бала по утру, на кухнѣ, когда она, въ деревянныхъ башмакахъ, возится съ говядиною и, вмѣсто служанки, готовитъ себѣ супъ, который показался-бы вамъ вкуснѣе манны, если-бы вы узнали, чьи ручки его приготовляли, только не видавши этого собственными глазами. — Вотъ прелесть мечты! Китайскія тѣни! Говорятъ, счастливъ человѣкъ, ежели не узнаетъ своего заблужденія; но, кажется, мы-бы счастливѣе были, если-бы никогда не заблуждались!

Главные зачинщики бала и обѣда были: Мосьё Шамиссо, *горячая голова*, и мой хозяинъ, Мосьё Фортень: оба ультра-роялисты. Первый, давнишній приверженецъ Бурбоновъ, во время Революціи всегда былъ преслѣдованъ господствующею партіею, почему, принужденный продать все свое имѣніе, жилъ уединенно, процентами съ капитала. Второй, такой-же приверженецъ старой династіи, умѣлъ избрать средній путь, не задѣвая ни той, ни другой партіи, и потому пользовался довѣренностію Наполео-

новскаго Правительства. Во время вторженія Союзниковъ во Францію, онъ получилъ повелѣніе отъ своего Генералъ-Форстмейстера изъ Труа, съ ротою своей лѣсничей стражи, всего 60 челов., присоединиться къ арміи Наполеона; но Мосьё Фортень, подъ разными предлогами, не сдѣлалъ этого, и получилъ благодарность отъ новаго Правительства за сохраненіе Аргонскаго лѣса (простирающагося на десять миль) и за сбереженіе людей. Они оба теперь, на зло Наполеонистамъ, первые обнаружили явно свою приверженность къ Бурбонамъ изъявленіемъ радости на цѣлый день: по подпискѣ сдѣлали обѣдъ и балъ, и пригласили на нихъ всѣхъ Русскихъ офицеровъ, какъ первыхъ участниковъ перемѣны Правительства во Франціи.

19-е Апрѣля, воскресный день и первое Мая у Французовъ. Въ полночь Французская молодежь, по введенному обычаю, ходила съ музыкою по городу, и передъ дверями дома, гдѣ жили одна или нѣсколько дѣвицъ, играла серенады, поздравляя красавицъ съ наступающею весною. Для молодыхъ дѣвушекъ, которыя сами уподоблялись веснѣ, такое привѣтствіе было пріятно; но для тѣхъ, которыя, перескочивъ черезъ лѣто, были близки къ своей осени, всякое поздравленіе такого рода прибавляло

на лбу морщинку. Для перваго Мая у Французовъ не было никакого гулянья, ни бала, ни даже музыки на бульварѣ. Нѣкоторыя дѣвушки, нарядившись, прогуливались по пустымъ аллеямъ, а другія, противъ своихъ домовъ, играли на улицѣ въ воланы, и, часто, слѣдуя глазами полету перистаго шарика, наскакивали на проходящихъ кавалеровъ.... У насъ въ Россіи, напротивъ того, въ 1-е Мая и среди дождя веселье, пляска.

Мой Оберъ-Форстмейстеръ, чѣмъ болѣе вникалъ въ поведеніе и образованіе Русскихъ офицеровъ (Артиллерійскихъ), тѣмъ болѣе удивлялся. По словамъ его супруги, почтенной дамы, Французы, не видавши еще плѣнныхъ Рускихъ, были увѣрены, что они ходятъ на четверенькахъ. Мосьё Форшень спрашивалъ у меня: «Существуютъ-ли еще въ Россіи серали, и по скольку женъ имѣютъ Рускіе?»—Я отвѣчалъ, что женщины у насъ въ большемъ уваженіи, нежели у нихъ, что мы отнюдь не придерживаемся Азіятскихъ обычаевъ; но ежели есть нѣкоторое поврежденіе нравовъ между Россійскимъ дворянствомъ, то именно отъ гувернёровъ и мадамъ, ушедшихъ изъ Франціи во время Революціи, которые съ Французскимъ языкомъ привезли въ Россію много пороковъ. Почтенный мой Мосьё

ужаснулся и вскричалъ: «Est-il possible! Революціонная зараза, развратившая и погубившая столько Французовъ, и къ вамъ хотѣла запустить свои когти!»—Онъ еще болѣе удивлялся, когда я сталъ говорить ему, что изъ самыхъ послѣднихъ Французовъ (la lie du peuple): кучеровъ, сапожниковъ и другихъ, нѣкоторые дворяне брали для дѣтей воспитателей, потому только что они— могли говорить по-Французски, и что до сего времени есть еще въ городкахъ Россіи, изъ числа рыночныхъ Француженокъ мадамы, превратившіяся въ законодательницъ вкуса, изъ модныхъ торговокъ въ воспитательницъ дѣвицъ. — Мосьё Фортень качалъ головою и говорилъ: «Ваши отцы семействъ очень просподушны; однако при всемъ томъ у васъ еще много природныхъ добродѣтелей; у насъ-же, увы! теперь все не то, что было до Революціи, и напрасно думаютъ поставить всѣхъ на прежній ладъ. Но мы, признаться, думали видѣть васъ вовсе дикими: намъ говорили, что Казаки питаются человѣчьимъ мясомъ; теперь мы узнали противное. Вы принесли съ собою къ намъ такую нравственность и образованіе, которымъ не льзя не удивляться. Ясно, что одна только политика Наполеона дѣлала васъ дикими варварами, между тѣмъ какъ

вы побѣдили хитрѣйшаго изъ просвѣщенныхъ завоевателей, умѣли обратить всѣхъ своихъ непріятелей въ друзей себѣ, истребить общаго врага всѣхъ націй, снять иго съ Европы, дать намъ добрыхъ Бурбоновъ и возстановить миръ въ цѣломъ мірѣ.»— Это дѣло нашего Императора; мы ни что болѣе, какъ исполнители его воли. — «Но слава дѣлъ этихъ относится ко всей націи Русской!» — Такъ это нашъ тріумфъ!

По газетамъ, въ Парижъ безпрестанно съѣзжаются Принцы, Герцоги, Князья великіе и малые, и всякія знатныя особы. Рускіе проложили къ нему дорогу для всѣхъ націй.

24-го Апрѣля, нашъ Генералъ Веселицкій сдѣлалъ городу балъ Русскій, въ залѣ ратуши, на которомъ присутствовали Генералъ Рудзевичъ, Гуріаловъ и другіе; всего было до 150 особъ. Всѣ дамы не преминули явиться въ лучшемъ нарядѣ; но въ одеждѣ ихъ не было ни богатства, ни отличнаго вкуса и щегольства. Дѣвушки украшались наиболѣе цвѣтами; танцовали посредственно, много жеманились и были неловки. Въ извиненіе этого Французы говорили, что при Наполеонѣ они рѣдко веселились, а потому дамы пренебрегли танцами. Мужчины, все еще какъ грубые республиканцы, Наполеоновскіе забіяки, бы-

ли невѣжливы въ обращеніи съ дамами и между собою. Кажется, Наполеонъ, желая преобразить Францію въ воинственную державу, старался истреблять хорошій тонъ. Теперь Французы вовсе не тѣ, какими были при Людовикѣ XIV: изъ нѣжныхъ вздыхателей и обожателей милыхъ плѣнительницъ, они стали размашистыми забіяками, и никогда не цѣлуютъ дамскихъ ручекъ; а дамы, какъ амазонки, пьютъ пуншъ, вино, и ѣдятъ на балу съ большимъ аппетитомъ. Почтительности между ними нѣтъ никакой; служанки ихъ тутъ-же садятся около дверей въ залѣ, хотя не участвуютъ въ танцахъ, и сидятъ даже тогда, когда госпожи ихъ говорятъ съ ними стоя. Мужчины только въ танцовальной залѣ, передъ нашими Генералами, снимаютъ свои шляпы съ головы, а впрочемъ вездѣ въ нихъ, какъ будто онѣ приросли къ головамъ. Кромѣ Французскаго кадриля и вальса, они не умѣютъ ничего танцовать.

Изобиліе на Русскомъ балѣ явилось Русское: пуншемъ, лимонадомъ, оржадомъ, хоть обливайся. Но ужинъ, по обычаю Французовъ, былъ самый безтолковый, хотя впрочемъ вкусный и изобильный. Огромный, длинный столъ обременили всякаго рода кушаньемъ; кто гдѣ сѣлъ, тотъ то и ѣлъ, что у него дымилось передъ

носомъ. Офицеры наши, желая сколько нибудь показать порядка, разносили кушанье только дамамъ, и, увертываясь съ блюдами между головными уборами, по неловкости своей, забрасывали иныхъ спаржею или соусомъ. Француженки, кажется, не любятъ лакомиться; онѣ охотнѣе кушали ветчину, раки, мясо, нежели торты, пудинги и бланманже. Мосьё Меръ, глава города, съ своимъ причетомъ, безпрестанно тянулъ шампанское за здоровье нашего Императора, крича: Vive Alexandre le grand! за здоровье своего Короля, за здоровье Русскихъ Генераловъ и проч. При окончаніи ужина, двѣ дамы спѣли по куплету изъ національной пѣсни: Vive Alexandre! vive ce roi vaillant.... Двое молодыхъ Французовъ запѣли другую пѣсню, а дамы подхватили цѣлымъ хоромъ. Мы рукоплескали съ крикомъ ура! и заливали нашихъ друзей шампанскимъ. Послѣ ужина долго еще танцовали. Во время послѣдняго мапрадура такъ разсвѣло, что свѣчи были не нужны, и дамы приняли вовсе иной видъ: однѣ блѣднѣли, въ другихъ открылись веснушки, рябины, морщины, что все при свѣчахъ было скрыто; цвѣтки на грудяхъ опустились, платья измялись, головные уборы растрепались; томные глазки дремали, ручки и ножки лѣниво двигались:

все означало сонъ и утомленіе. Фебъ, коснувшись лучемъ своимъ очаровательныхъ прелестей ночи, опалилъ всѣ обманчивыя прикрасы и лишилъ красавицъ ихъ блеска. Въ пять часовъ утра слѣдующаго дня кончился этотъ веселый, утомительный балъ, который останется памятнымъ въ лѣтописяхъ города Сенъ-Мену. Мы вышли на улицу: свѣтлый день насъ встрѣтилъ; ремесленники давно уже принялись за дѣло, а мы, какъ будто съ казенной работы, утомленные, только еще шли спать.

По газетамъ, Людовикъ XVIII въѣхалъ въ Парижъ 21-го Апрѣля со всею пышностію, встрѣчаемый радостными восклицаніями народа. Съ нимъ въѣхали Герцогиня Ангулемская, Принцъ Конде и Герцогъ Беррійскій. На рыночной площади одинъ мальчикъ поднесъ Герцогинѣ корзину съ цвѣтами, изъ которой, съ ея прикосновеніемъ, вылетѣли два голубя. Вступая въ замокъ Тюльери, она столько была тронута воспоминаніями прошедшаго, что упала въ обморокъ. Вездѣ говорили имъ рѣчи, вездѣ привѣтствовали; иные Французы, наиболѣе старики, плакали отъ радости, а другіе скрывали злобу свою подъ обманчивою искренностію. Виновниковъ же столь счастливаго переворота отсыла-

ли во своясн. Да здравствуетъ Императоръ Александръ! Пусть соплетаются ему вѣнки изъ лавровъ, которыхъ мы нажали.

26 Апрѣля сѣлъ я на лошадь, и пустился съ своимъ Оберъ-Форстмейстеромъ, часовъ на пять, въ густой лѣсъ. Званіе смотрителя лѣсовъ не маловажно во Франціи. Въ вѣдѣніи Г-на Форшеня состоитъ лѣсъ на 40 верстъ въ длину, заключающій въ себѣ много деревъ, годныхъ для строенія, не считая молодыхъ. Ежегодно онъ продаетъ въ пользу Правительства на 40,000 франковъ; черезъ 40 лѣтъ всѣ деревья идутъ въ срубку. Хорошій дубъ стоитъ 300 франковъ, букъ 150 франковъ. Цѣна ужасная! Г-нъ Форшень имѣетъ у себя въ командѣ 60 человѣкъ лѣсничихъ стражей, и самъ зависитъ отъ Генералъ-Форстмейстера, живущаго въ Труа. Эта стража всегда живетъ въ лѣсу и безпрестанно ходитъ по своимъ участкамъ, при чемъ постороннимъ позволяется брать только мертвыя деревья или валежникъ; въ противномъ случаѣ виновные платятъ большой штрафъ. У Г-на Форшеня каждое дерево замѣчено, и бѣда, ежели попадется ему кто съ клейменымъ деревомъ. Мы застали въ лѣсу скотъ, который обрывалъ листья на кустарникѣ; Г-нъ Форшень хотѣлъ непремѣнно войдши въ про-

цессъ съ владѣльцемъ этого скота, что̀ будетъ стоить несчастному, за съѣденные коровами листья, болѣе 800 франковъ, такъ что, по словамъ самого смотрителя, имѣнія его не достанетъ на уплату. «Но для того законы должны быть строги,» прибавилъ онъ, «чтобъ ихъ исполняли.»—Вотъ какъ просвѣщенные люди обираютъ другъ друга, думалъ я.— У Г-на Форштеня есть нѣсколько поселянъ, похитителей лѣса, подъ арестомъ. Сверхъ того, никакой Французъ въ своемъ саду не смѣетъ срубить дерева безъ позволенія Г-на Оберъ-Форстмейстера. Онъ за деревьями такъ присматриваетъ, какъ за животными; это одна изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго дохода во Франціи. Въ лѣсу подѣланы нарочно дороги, которыя во многихъ мѣстахъ были завалены засѣками, для воспрепятствованія нашимъ войскамъ. При началѣ этого лѣса посаженъ въ оградѣ высокій тонкій илимъ, въ память рожденія Наполеонова сына, Короля Римскаго. Наполеонъ и въ лѣсахъ оставлялъ памятники своего владычества. — Полевая охота также въ зависимости Оберъ-Форстмейстера. Безъ его позволенія никто не смѣетъ стрѣлять дичи, хотя-бы она сидѣла у него подъ носомъ. Когда-же въ опредѣленное время, то есть осенью,

по билету, убьетъ кто козу, оленя или кабана, то лучшія части долженъ послать въ Парижъ ко Двору, какъ-то кабанью голову, которая цѣнится въ 40 франковъ; весь-же кабанъ стоитъ 80, а дикая коза 50 франковъ. Въ одной деревенькѣ, версты за двѣ отъ города, мы отдыхали и пили яблочное вино, называемое *сидръ*. Оно шумитъ какъ шампанское, и вкусомъ очень пріятно. Эта деревня окружена на нѣсколько верстъ яблонями и вишнями; она продаетъ съ нихъ фруктовъ ежегодно на 100,000 франковъ; сверхъ того дѣлаетъ яблочнаго вина по 40,000 бочекъ. Г-нъ Фортень показалъ мнѣ одну обширную яблонь, которая приноситъ въ годъ до 100 франковъ; отъ одного дерева этого выходитъ по двѣ и по три бочки сидра; а чтобъ имѣть одну бочку этого напитка, на то надобно собрать три бочки яблоковъ. При такой дороговизнѣ произведеній фруктовыхъ деревъ, они, по необходимости, сдѣлались предметомъ особеннаго попеченія, ибо дерево, не требующее ничего кромѣ хорошаго присмотра за нимъ, гораздо выгоднѣе содержанія какого либо скота. Въ лѣсу я видѣлъ воздвигнутый на примосткахъ телеграфъ, который, когда надобно, перемигивается съ такими-же двумя, верстахъ въ 6 разстоянія.

На другой день по утру я посѣтилъ церковь. Молодой проповѣдникъ отличался своими жестами и голосомъ. Онъ говорилъ проповѣдь о духѣ истины и часто твердилъ: « Мои братія ! » но къ сестрицамъ не обращался, не смотря на то, что изъ братій, кромѣ немногихъ 60-ти-лѣтнихъ стариковъ, съ очками, и мальчиковъ, не было порядочныхъ мужчинъ никого; все-же пространство внутри церкви, на лавкахъ, наполнялось сестрицами, которыя изъ подъ высокихъ шляпокъ усмѣхались, бросая къ намъ взгляды, а старики, разнѣженные голосомъ и духомъ истины, спали. Самъ духовникъ, читавшій проповѣдь, видно не своего сочиненія, худо разбиралъ рукопись, часто спотыкался на ней, хотя впрочемъ красиво взглядывалъ въ потолокъ, и живописно клалъ руку на грудь. « Мои братія ! терпите горе, и утѣшайтесь истиною, которая въ самихъ васъ обитаетъ! » — Если-бы Наполеонъ увидѣлъ его, то конечно взялъ-бы въ гренадеры, или въ трубачи, столько онъ былъ взраченъ и неспособенъ для проповѣдничьяго званія.

Ввечеру нѣсколько женщинъ прогуливалось по бульвару и около артиллерійскаго парка, а большая часть служанокъ играли на улицахъ, до ночи, въ воланъ. Въ

лучшихъ домахъ здѣсь, какъ и у насъ въ Россіи, знакомые собираются играть въ карты и толковать о политикѣ, безъ всякаго угощенія со стороны хозяина.

Читавши когда-то воспоминанія Коцебу о Парижѣ и Французахъ во времена Консуловъ, я думалъ, что онъ пристрастно судилъ Францію, но теперь вижу во всемъ еще худшее, чего-бы не ожидалъ. Ознакомившись ближе съ Французами, видишь народъ безхарактерный, своевольный, безпорядочный, даже грубый; чего-бы вовсе не льзя ожидать по описаніямъ путешественниковъ, которые по одному Парижу судили о цѣлой Франціи такъ-же невѣрно, какъ если-бы иностранцы стали судить о Россіи по одному Петербургу, или по Москвѣ. Мой масштабъ также, можетъ быть, слишкомъ малъ, и по одному обществу людей въ городѣ Сенъ-Мену не льзя заключать о цѣлой націи. Всякій можетъ однако судить, не выдавая своего сужденія за истину, потому что всякій можетъ ошибаться.

Наконецъ все пришло въ движеніе. Артиллерія 9-го Корпуса на маршѣ расположилась въ нашемъ городѣ. Завтра придетъ сюда главная квартира Графа Ланжерона. Мы идемъ въ Россію. Французы подговариваютъ нашихъ солдатъ остаться у нихъ,

обѣщая золотыя горы, и уже изъ 9-го Корпуса въ двѣ ночи бѣжало 32 человѣка ; но хорошій солдатъ не убѣжитъ, а дурныхъ жалѣть нечего.

Изъ Лаона пріѣхалъ, остававшійся тамъ за болѣзнію, нашей роты Подпоручикъ Баронъ Унгернштернбергъ, который привезъ извѣстіе о смерти ротнаго командира нашего, Подполковника Тимоѳеева. Мы вовсе не ожидали этого. Рана у него была излечимая, но флегматическое сложеніе тѣла, перемѣнные лекаря, безпокойство въ переѣздахъ и другія обстоятельства произвели въ немъ горячку, въ ранѣ антоновъ огонь, и наконецъ довели до смерти. Теперь покуда еще я остаюсь начальникомъ въ ротѣ, или Калифомъ на часъ.

Кто былъ влюбленъ, тому дорого стоило прощаніе. Сегодня (30 Апрѣля) надобно было намъ разстаться со всѣми красавицами города Сенъ-Мену. Генералъ заставилъ насъ выйдти до разсвѣта , чтобы пощадить жителей отъ прощаній и провожаній, пощадить нѣсколько пухленькихъ щечекъ , которыя , можетъ быть, омочились-бы слезками ; но мамзель Эмилія уже во всемъ блескѣ утреннихъ прелестей своихъ стояла, какъ перло , у окна, и провожала насъ томными глазками. Пропивъ ея дома криворотая красавица , также

смотря на насъ, упирала глаза или отъ слезъ, или съ просонья. Въ городѣ только начинало брезжиться; многія ставни оконъ были еще заперты, въ улицахъ безлюдіе, и глубокая тишина прерывалась только глухимъ стукомъ колесъ по мостовой и бряцаніемъ цѣпей нашей артиллеріи. Несчастная Эмилія конечно надѣялась увидѣть одного изъ ротныхъ командировъ, который по уши былъ влюбленъ въ нее. Жестокій! онъ даже не пришелъ проститься съ нею; онъ какъ будто не зналъ, что она не спала всю ночь, помышляя о немъ, и нарочно стала у открытаго окна, раньше всѣхъ, чтобы позволить увезти себя, подъ какимъ-бы ни было предлогомъ. Что скажутъ послѣ соперницы? Онѣ будутъ злобно улыбаться, радоваться несчастію Эмиліи, которая затмѣвала ихъ своею красотою, и наконецъ ожидать, чтобы красота ея увяла отъ грусти....

Отъ Сенъ-Мену прошли мы черезъ городъ Клермонъ, который, по замку Массильона на горѣ, обѣщалъ что-нибудь; но это нечто болѣе, какъ деревня въ горахъ, окруженная лѣсомъ. Для ночлега остановились мы въ маленькой д. Вренкуръ.

ГЛАВА VI.

ОТЪ СЕНЪ-МЕНУ ДО НИРЕНБЕРГА.

Вердёнъ. — Театръ въ Этенѣ. — Безпокойные Французы въ Мецѣ. — Гористый путь къ Рейну. — Мангеймъ. — Театръ. — Гейдельбергъ. — Удивительная бочка. — Герцогскій садъ при Швенценѣ. — Дорога по р. Неккару. — Мосбахъ. Путь по Герцогству Баденскому. — Путь по Королевству Виртембергскому. — Путь по Баваріи. Отечество Эртеля.

1-го Мая войски 10-го Корпуса подошли къ крѣпости Вердёну, и расположились на квартирахъ въ окрестныхъ деревняхъ, составляющихъ предмѣстія города. Въ самую крѣпость и городъ Французскій Комендантъ не хотѣлъ впустить ни одного Русскаго, и содержалъ свой караулъ. Городъ стоитъ у р. Мааса, на равнинѣ, и окруженъ высотами на дальній пушечный выстрѣлъ. Онъ не болѣе Випри, но крѣпость и зданія внутри города несравненно лучше. Вердёнъ городъ древній и богатый: въ магазинахъ много серебра и галантерейныхъ вещей. Онъ особенно славится своими конфетами, продающимися

въ коробочкахъ; впрочемъ, Кіевскіе фруктовые конфеты засахариваются не хуже здѣшнихъ. Прогуливаясь по городу, я мало видѣлъ жителей; большіе каменные домы были большею частію заперты. Все тихо, какъ среди глубокаго мира.

Квартира у меня была въ старомъ замкѣ, въ предмѣстіи города, и въ ней вся мебель очень обветшалая: кресла изъ краснаго дерева, обитыя малиновымъ бархатомъ, ломались отъ малѣйшаго прикосновенія. По мебели и по древности замка можно было судить о хозяйкѣ. Казалось, скупость основала здѣсь престолъ свой, на развалинахъ обветшалой роскоши. Въ замкѣ всего пять душъ: старая Графиня-хозяйка, старая дѣвка-кухарка, старый дворникъ, старая лошадь и старый шпицъ. Старой кошки я не видалъ, конечно потому что мышей тутъ не заводилось, отъ недостатка хлѣбныхъ крошекъ.

На другой день прошли мы церемоніяльно черезъ Вердёнъ. Комендантъ не хотѣлъ пропускать черезъ крѣпость наши войски, и долго спорилъ съ Генералами. Но когда его постращали посылкою курьера въ Парижъ, то онъ позволилъ пройдти, почитая это за насиліе. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ выговоръ отъ новаго Правительства, и всѣ слѣдовавшія за нами войски,

въ досаду ему, проходили черезъ крѣпость безпрепятственно и торжественно. Жители города весьма худо были расположены къ намъ, и вездѣ оказывали грубость.

Къ вечеру пришли въ мѣст. Эпёнъ, гдѣ имѣли хорошія квартиры и фуражъ. Я стоялъ у роялиста, стараго Королевскаго слуги, который, будучи преисполненъ ненависти къ Наполеону, принялъ меня какъ не льзя лучше, провозглашая Рускихъ избавителями Франціи; при чемъ иногда, въ порывахъ своего энтузіазма, говорилъ экспромты стихами, которые сочинялъ сидя у камина. Дочь его и молодая сосѣдка, очень любезныя дѣвушки, составляли для меня весьма пріятную компанію.

Здѣшніе акперы, желая услужить тремъ Русскимъ Генераламъ, дали спектакль, но такъ несчастливо и дурно, что все ихъ представленіе было не лучше кукольной комедіи. Въ первой пьесѣ какой-то Принцъ влюбляется въ трактирщикову дочь и дѣлаетъ разныя глупости; во второй, на праздникѣ невинныхъ, три брата съ сестрицами отличались своимъ талантомъ дурачиться; въ третьей пьесѣ представился отвратительный балетъ, съ гнуснымъ коверканьемъ и шалостями полуобнаженныхъ, безстыдныхъ актрисъ. Зрители

имѣли терпѣніе высидѣть до конца все представленіе, между тѣмъ какъ одни свистали, а другіе хлопали въ ладоши, съ громкимъ смѣхомъ.

Остригли мы зубы на Мецъ, обширный, богатый, многолюдный городъ и крѣпость, надѣясь въ немъ повеселиться; но не тутъ-то было. Комендантъ рѣшительно не пустилъ насъ, и заставилъ пройдти ниже крѣпости, черезъ р. Мозель, по понтонному мосту. Тутъ часовой Французъ не хотѣлъ пропускать даже верховыхъ, чтобы не повредили моста; но я сказалъ ему: «Если мои пушки могутъ пройдти, то мнѣ должно показать путь имъ!» и, не смотря на его упорство, обнаживъ саблю, первый пробился верхомъ; за мною поѣхали всѣ прочіе, которыхъ онъ прежде задерживалъ. Во время прохожденія нашихъ войскъ мимо крѣпости, къ рѣкѣ, множество Французскихъ офицеровъ, въ коротkихъ синихъ сюртукахъ, и солдатовъ въ мундирахъ, безъ оружія, вышли, и съ любопытствомъ насъ разсматривали. По лицамъ ихъ видно было, что они Наполеонисты, враги наши. Въ городѣ многолюдство: кромѣ 40,000 непремѣнныхъ жителей, въ половину противъ этого собралось съ имуществомъ изъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень, наиболѣе приверженныхъ къ Наполеону, а потому они такъ

смѣло оказывали ненависть къ намъ; и пренебреженіе къ новому своему Правительству.

Между тѣмъ, по газетамъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи заставляли Наполеона, во время проѣзда его, кричать: Vive le Roi! и бросали въ карету его каменьями.—Чудный народъ Французскій!

Крѣпость, окружающая городъ Мецъ, столько-же обширна, какъ и Майнцская; много-бы стоило труда взять ее. Пруссаки не смѣли подступить къ ней. Городъ, весьма древній и богатый, стоитъ при впаденіи р. Сейля въ Мозель. Онъ былъ нѣкогда столицею Королевства Австразіи, а нынѣ главный городъ Мозельскаго Департамента; въ немъ значительныя мануфактуры. Здѣсь мѣстопребываніе Епископа. Мосты были подняты, когда я подъѣхалъ къ крѣпости; за что, не удостоивъ города внимательнымъ взглядомъ, я ускакалъ отъ него.

Для ночлега пришли въ д. Фланвиль. Я спалъ въ раззоренной мызѣ Графа Фукета. Самъ онъ живетъ въ Мецѣ, а здѣсь все вверхъ дномъ, такъ-же какъ и въ цѣлой деревнѣ. Въ комнатахъ все переломано, разбито, запачкано; видно, онѣ служили квартирою для многихъ забіякъ. Только по стѣнамъ осталось еще довольно старыхъ

портретовъ династіи Графской, и одна весьма хорошая картина, представляющая четырехъ музыкантовъ: Accord.

Потомъ прошли мы черезъ порядочныя мѣстечки Фолиньи и Сентъ-Авольдъ, и расположились на горѣ биваками всѣ, выключая офицеровъ, занявшихъ хижины въ раззоренной деревушкѣ. Здѣсь опять недостатокъ въ продовольствіи. Жители говорятъ смѣшаннымъ языкомъ, подходящимъ болѣе къ Нѣмецкому. Близъ мѣстечка находится свинцовая руда.

Прошли еще черезъ городъ и крѣпость Саарбрикъ. Весна въ полномъ цвѣтѣ; во весь переходъ надобно было любоваться прекрасными видами; однако отъ сухой погоды пыль проходила въ горло.

Мы остановились въ м. Сентъ-Имберъ. Увидѣвъ опять Нѣмцевъ, мы замѣтили у нихъ явное различіе отъ всего Французскаго. Трудолюбіе обнаруживалось на каждомъ шагу, хотя земля, по причинѣ горъ, не должна быть плодородна. На каждомъ ручейкѣ желѣзные и сталльные заводы. Каждый изъ жителей занимается какимъ нибудь дѣломъ, между тѣмъ какъ во Франціи, множество праздношатающихся зѣваютъ только на проѣзжающихъ, или занимаются мошенничествомъ. Правду сказать, что состояніе Франціи, въ какомъ мы ее видѣ-

ли, разочаровало наше высокое о ней мнѣніе. Французы невыгодно намъ себя отрекомендовали въ собственномъ своемъ отечествѣ. Нѣмцы превосходнѣе ихъ во многихъ отношеніяхъ, какъ нравственностію, такъ трудолюбіемъ и порядкомъ. Мы весьма довольны, что идемъ опять въ Германію. Послѣ Франціи въ первый разъ встрѣтили насъ въ Сентъ-Имберѣ Нѣмки.

Въ мѣст. Гомбургѣ расположился корпусный штабъ. Отсюда начинаются Монтоннерскія горы, и провинція этого имени. Жители бѣдны.

Въ нашу рощу возвратился изъ плѣна Поручикъ Капоминъ. Онъ разсказывалъ, что всѣ Русскіе военноплѣнные выпущены изъ Франціи въ армію; что онъ, вмѣстѣ съ прочими, взятыми въ Реймсѣ, много потерпѣлъ; что во Франціи содержали ихъ въ Лиможѣ, странѣ гористой, гдѣ жители, во время грязи, ходятъ на ходуляхъ.

Въ предшествующіе дни прошли мы еще черезъ города Ландштуль и Кайзерслаутернъ, по горамъ. Сегодня-же (15 Мая) мы ночуемъ въ небольшомъ городкѣ Тюркгеймѣ, у подошвы Монтоннерскихъ горъ. Отсюда простирается гладкая равнина до самаго Рейна.

Пользуясь дневкою, трое насъ (17 Мая) поѣхали изъ Тюркгейма верхомъ, искать

удовольствій въ Мангеймѣ, лежащемъ на правой сторонѣ Рейна. Для обѣда остановились мы въ одномъ трактирѣ, гдѣ намъ подали тридцатилѣтняго рейнвейна (1783 года), Ниренштейнскаго, и за обѣдъ, съ пятью бутылками вина, взяли шесть червонцевъ. Ввечеру видѣли мы въ театрѣ волшебную оперу: *Чортовъ камень.* Здѣшніе акперы несравненно лучше Франкфуртскихъ. Красный гусаръ, Г. Кайбель, и маленькая Пипи, мамзель Миллеръ, столько понравились зрителямъ, что ихъ выкликнули для выслушанія торжественнаго рукоплесканія.

Сегодня войски вошли въ городъ церемоніяльно, черезъ мостъ по Рейну, который не имѣетъ того величія, какъ при Майнцѣ. Множество опрятныхъ Нѣмцевъ стеклось смотрѣть насъ. Кварширы были хорошія.

Мангеймъ городъ небольшой, но пріятный; построенъ въ 1700 году, и потому кажется очень новымъ; улицы въ немъ прямыя, широкія и съ бульварами по срединѣ. Здѣсь была резиденція Герцога Баденскаго. Замокъ, въ которомъ онъ жилъ, теперь опустѣлъ, потому что все лучшее изъ него перевезли въ Карлсруэ, куда переселился самъ Герцогъ, и гдѣ теперь пребываетъ наша Императрица. Строенія въ городѣ

чистоты, новѣйшей архитектуры. Каѳедральная церковь и двѣ площади служатъ не малымъ украшеніемъ городу.

Въ театрѣ представляли оперу Донъ Жуанъ; она была сыграна какъ не льзя лучше. Особенно Г-нъ Кайбель привлекателенъ былъ въ роли Донъ Жуана: его благородная фигура, приличныя жесты, искусная игра обнаруживали прекраснаго мужчину и хорошаго актера. Не думаю, чтобы сантиментальныя Нѣмочки были равнодушны любуясь Кайбелемъ, и чтобы онъ многимъ изъ нихъ не приснился въ пріятнѣйшемъ видѣ. Декораціи, костюмы и музыка были превосходнѣе Франкфуртскихъ. Прекраснѣйшею изъ актрисъ явилась Г-жа Вернетъ, съ чистымъ, звонкимъ голосомъ; главное достоинство въ ея пѣніи было то, что въ высокихъ тонахъ и руладахъ она не измѣняла положенія лица. Никогда я не забуду ея очаровательной фигуры, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, подъ черною мантіею, съ распущенными по плечамъ каштановыми волосами, поднявшую глазки къ небу и сложившую руки на груди, когда она распѣвала, какъ райская птичка!.. Адъ представленъ былъ весьма натурально, хотя еще ни кто его не видывалъ на яву. Такъ много было вездѣ огня и чертей, что, казалось, вся сцена горѣла; шевермеры вылетали

изъ ада даже на грѣшныхъ зрителей въ партерѣ. Очень жаль было видѣть въ когтяхъ у чертей и въ пламени такого прекраснаго мужчину, милаго повѣсу, каковъ былъ Донъ Жуанъ, или Кайбель!

Въ слѣдующій день, кто хотѣлъ, тотъ оспавался еще въ Мангеймѣ, гдѣ жители для нашихъ Генераловъ дали балъ.

Гейдельбергъ стоитъ на р. Неккарѣ, у подошвы горъ, и надъ равниною, простирающеюся до Мангейма, или до Рейна. На горѣ есть старинный, полуразвалившійся замокъ прежняго Курфирста. Первая рѣдкость въ этомъ замкѣ, привлекающая къ себѣ всѣхъ путешественниковъ, огромная, удивительная бочка, саженъ 5 вышины и 3 сажени ширины; верхнее дно бочки окружено перильцами; на него всходятъ по лѣстницѣ, имѣющей 50 ступеней. На этомъ днѣ означенъ гербъ Курфирста, и Бахусъ, съ своимъ причетомъ; также въ рельефахъ виноградныя грозды и листья составляютъ приличное украшеніе бочки, въ которую входитъ 236,000 бутылокъ вина. Когда жилъ Курфирстъ въ замкѣ, на этой бочкѣ не рѣдко бывали танцы. Въ ней хранилось самое старое вино, которое до Революціи Французской никогда не убывало, потому что выпитое тотчасъ дополняли свѣжимъ лучшимъ виномъ. Вся эта страна

часто была раззоряема враждующими силами, отъ чего жители очень бѣдны; за то окрестности живописны. Смотря на замокъ, съ оленьими въ стѣнахъ рогами и высокими башнями; смотря на развалины всѣхъ замковъ въ горахъ, среди лѣсовъ, въ мрачномъ уединеніи, должно заключить, что нравы прежнихъ Германцевъ были грубы, столько-же какъ окружающая ихъ дикая природа. Но какъ все перемѣнилось съ распространеніемъ наукъ и просвѣщенія! Можетъ быть, потомство наше дождется этого золотаго времени и въ нашемъ любезномъ отечествѣ, въ нашей воинственной Россіи!

Въ 15 верстахъ отъ Гейдельберга есть мѣст. Швенценъ, и при немъ увеселительный замокъ Гроссъ-Герцога Баденскаго, брата нашей Императрицы. Замокъ самъ по себѣ не великъ и обветшалъ, но лучшее украшеніе его есть садъ, въ окружности верстъ на пять.

Первый плѣнительный видъ передъ замкомъ сада представляетъ бассейнъ съ фонтанами, и вокругъ него парперъ съ цвѣтами. Мы взяли изъ стараго театра въ проводники самого садовника, который водилъ насъ по лучшимъ мѣстамъ сада. Кромѣ аллей, перспективы оранжерей, прудовъ, каналовъ и бесѣдокъ, расположенныхъ

по всему саду въ пріятномъ разнообразіи, мы видѣли въ мрачной густотѣ деревъ скалу, и на ней мраморнаго бога Пана съ дудочками. Въ этой скалѣ скрывался источникъ воды, отъ котораго скала была какъ будто безпрестанно обливаема водою, стекавшею въ каналъ; прозрачность воды и дерновый лужекъ привлекали къ себѣ многихъ птичекъ, которыя тутъ-же, передъ нами, купались. Потомъ пришли мы къ храму Аполлона, надъ гротомъ, откуда изъ кувшина Наяды вода спруилась по ступенькамъ внизъ; по сторонамъ храма рѣшетчатыя бесѣдки, и при входѣ гриффоны. Только самъ Аполлонъ, стоящій внутри храма, довольно неуклюжъ. Далѣе видѣнъ простенькій, однако красивый храмъ, посвященный Ботаникѣ, или богинѣ цвѣтовъ. Искуснѣе всего сдѣланы развалины изъ желтаго, ноздреватаго камня: полуразвалившіяся стѣны, арки, ступени заросли мохомъ и дерномъ; бассейнъ и плачущая ива, надъ водою, между развалинами, представляли живую картину какого нибудь древняго храма, сокрушеннаго рукою времени. Здѣсь на нѣкоторое время можно забышься, углубившись въ историческія воспоминанія о минувшемъ. Потомъ пришли мы къ обширному бассейну, окруженному высокою

стѣною, или къ ваннѣ, въ которой Герцогъ купывался. Тутъ встрѣтила насъ царская роскошь. Три переднія комнаты украшены Китайскими, Французскими, Итальянскими обоями; сверхъ того по стѣнамъ много ландшафтовъ и картинъ отличной работы. Въ бассейной комнатѣ по стѣнамъ, въ барельефахъ, во весь ростъ представлены нагія Нимфы весьма живо и плѣнительно, особенно для купающагося. Въ ванну спускъ по ступенямъ изъ сѣраго мрамора; надъ ванною золотые змѣи пускаютъ, когда нужно, благовонную, холодную и теплую воду; въ простѣнкахъ, вокругъ ванны, зеркала; на потолкѣ Аврора съ причетомъ изображена превосходно. Мѣсто очаровательное! Тутъ-же, въ одной комнатѣ, есть шнуровая книга, въ которую посѣтители вносятъ свои имена, съ приложеніемъ крейцера (монеты). Отсюда пришли мы къ бассейну, посреди котораго большой филинъ держитъ въ когтяхъ индѣйку, а вокругъ него разныя птицы. Когда пустятъ фонтанъ, то изъ индѣйки вода бьетъ вверхъ, а изъ птицъ на филина. Потомъ вошли мы въ одну аллею, которая, теряясь вдали, ограничивалась водою; это насъ удивило: неужели садъ безконеченъ? Мы подошли— къ стѣнѣ. Хотя, по словамъ садовника, этой рисовкѣ прошло двадцать лѣтъ, но

картина еще обманывала зрѣніе; свѣжесть красокъ не измѣнилась противъ натуральнаго цвѣта деревъ, земли и воздуха. На другой сторонѣ сада привлекаетъ къ себѣ Турецкая мечеть, по своей странной архитектурѣ и по узорчатымъ украшеніямъ снаружи и внутри, въ Азіятскомъ вкусѣ: пестрота красокъ, голубаго и малиноваго съ золотомъ, въ арабескахъ, очень пріятна для глазъ. Отсюда видны вдали развалины Меркуріева храма; потомъ аллеи, съ безрукими и безносыми статуями Юноны, Аполлона и другихъ, ведутъ къ храму Минервы. Передъ нимъ прекрасный бассейнъ окруженъ четырьмя статуями, представляющими пойманныхъ оленей. Фигуры этихъ животныхъ, изъ бѣлаго гипса, между зеленью дѣлаютъ плѣнительный видъ. Это мѣсто сада для всѣхъ наиболѣе нравилось, потому что тутъ много прогуливалось нарядныхъ дамъ.

Когда мы вышли изъ сада, какъ изъ очаровательнаго лабиринта, въ которомъ столько чудесъ изящнаго искуства на небольшомъ пространствѣ, наше воображеніе было обольщено пріятными впечатлѣніями. Отъ усталости зашли мы въ трактиръ, гдѣ прислуживала намъ миловидная дѣвушка. Тутъ за здоровье Герцога, брата нашей Государыни, выпили мы шампанска-

го, и за 7 франковъ наняли до Гейдельберга почтовую коляску.

Отъ Швенцена до города дорога идетъ по равнинѣ, и вытянута какъ струна. Горы, у подошвы которыхъ стоитъ Гейдельбергъ, сперва синѣются, потомъ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, дѣлаются лиловыми, наконецъ, съ городомъ, представляютъ живописный ландшафтъ. Видно Герцогъ любилъ жить по-царски. Садъ его существуетъ 400 лѣтъ. Сколько нужно было трудовъ, искуства, издержекъ, чтобы произвести всѣ украшенія въ немъ, которыя дѣйствительно достойны вниманія путешественниковъ, какъ достопамятная рѣдкость!

20-го Мая, походъ. Отъ Гейдельберга дорога идетъ по берегу р. Неккара. Такихъ прелестныхъ мѣстоположеній, какъ здѣсь, я еще нигдѣ не замѣтилъ: съ правой стороны, надъ дорогою, возвышаются крутыя фіолетовыя скалы, украшенныя мѣстами зеленью, или позлащенныя лучами солнца, а черезъ рѣку, на лѣво, синія вдали горы и, по зелени берега, разбросанныя хижины; между тѣмъ плывущія лодки, по мрачной и тихой водѣ, довершаютъ прелесть видовъ, которые на каждомъ шагу измѣняются. Я не могъ налюбоваться ими, и всегда живо о нихъ вспоминаю.

Переходъ былъ около 30 верстъ до д. Амбахъ. Горы здѣсь не очень крупы. Погода была прекрасная, дорога мостовая, или шоссе.

На половинѣ перехода слѣдующаго дня перешли мы р. Неккаръ. Мосбахъ не завидный городишко. Я съ товарищемъ сталъ у выѣзда въ шрактирѣ, гдѣ также квартировали Генералъ Удомъ, армейскій Маіоръ, и Адъютантъ; сверхъ того множество людей и лошадей; однако хозяинъ очень проворно успѣвалъ вездѣ, съ верхняго этажа въ нижній, отсюда на чердакъ, съ чердака въ погребъ, изъ погреба на кухню, изъ кухни въ чуланъ; успѣвалъ пошумѣть съ хозяйкою, побранить слугу, поговорить съ нами о новостяхъ, и насказать вѣжливостей въ верхнемъ этажѣ Генералу. Этотъ человѣкъ, какъ на винтахъ, весь двигался руками, ногами, головою и языкомъ; это былъ сущій perpetuum mobile. За то мы имѣли Русскій обѣдъ: щи съ пирожками и добрый кусокъ жаренаго съ огурцами, чего никакъ не ожидали отъ Нѣмца. При всемъ томъ онъ признался намъ, что желаетъ имѣть въ постой лучше десять офицеровъ, нежели шесть деньщиковъ, потому что офицеры почти не ужинаютъ, или мало кушаютъ, а деньщики или фурмана безпрестанно требуютъ ѣсть и пить, имѣя желудокъ утиный.

Войски наши проходятъ черезъ города и мѣстечки церемоніяльно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличиваются, подбирая команды изъ госпиталей, или изъ плѣна; только эти несчастные являются въ жалкомъ видѣ: покрытые рубищами, истощенные нуждою и болѣзнями, потерявши вовсе воинственную наружность. Но ихъ тотчасъ снабжали приличною одеждою и становили въ ряды, или отсылали въ обозъ.

Уже нѣсколько дней ходимъ мы по горамъ Герцогства Баденскаго; дождь и каменистая дорога дѣлаютъ наше путешествіе непріятнымъ. Мы перемѣнили суточный порядокъ: встаемъ въ 2 часа утра, выходимъ съ мѣста въ 4 часа, на привалѣ въ 7 часовъ завтракаемъ, и спимъ до полудня; потомъ приходимъ на новое мѣсто довольно рано. Жители дер. Швейгенъ, въ которой сегодня квартируемъ, бѣдны; эту бѣдность видѣли мы отъ самаго Мосбаха, хотя деревни здѣсь большія. Нѣкоторыя изъ нихъ называются городами, но въ нихъ не только вина, и пива нѣтъ. Кормили насъ очень худо. Россъ-Герцогство Баденское принадлежитъ къ Германскому Союзу; въ немъ не болѣе милліона жителей, и тѣ весьма раззорены пожертвованіями для Герцога и военныхъ контрибуцій.

Переходъ 10 верстъ, до д. Игерсгеймъ, и все съ горы на гору, въ пасмурную погоду. Версты за 4 до м. Мергентгейма, начинается граница Королевства Виртембергскаго. Съ послѣдней горы все Королевство передо нами было какъ на ладони: такъ далеко простирался видъ. Солнце, сквозь дождливыя облака, мѣстами освѣщая горы, представляло пріятныя картины. Эти горы, покрытыя соснами и елями, получили названіе *Чернолѣсскихъ* (Schwarzwald, Forêt-Noire). Мы шли все по горѣ внизъ, и вдругъ, на лѣво, увидали городокъ Мергентгеймъ, а за нимъ множество деревень въ прекрасной перспективѣ. Я долго любовался этимъ видомъ, не сходя съ мѣста, и невольно воскликнулъ: «Какъ богата природа земли разнообразными картинами! Счастливые обитатели!» — Страна здѣсь плодороднѣе пройденной нами, и земля весьма обработана: всѣ клочки дерна на горахъ засѣяны или вспаханы, и вездѣ разводится виноградъ. Здѣсь кончилось все худое; скрылись скудость, бѣдность и раззореніе, которыя встрѣчали насъ въ Герцогствѣ Баденскомъ. Виртембергцы живутъ несравненно лучше; видно они были пощажены разрушительнымъ мечемъ Марса. Нарядъ ихъ стародавній, такой-же почти какъ у Альтенбургцевъ.

Мергентгеймъ стоитъ у р. Таубера; нѣкогда въ немъ была резиденція Великаго Магистра Тевтоническаго Ордена.

Деревня Игерсгеймъ, въ которой мы квартируемъ, большая, но жителей не видно. Даже, когда проходили мы городъ, то немного было народу: или они отъ насъ прятались, или заняты были домашними и полевыми работами.

День хорошій и переходъ пріятный; путь по горамъ сносный. Вездѣ видно трудолюбіе, ни одного уголка земли не оставлено въ запустѣніи. Не смотря на то, что страна каменистая, земля очищена: камни собраны въ кучи, и самыя вершины горъ обработаны.

Мы прошли два мѣстечка: Вакгеймъ и Репингеймъ. Въ первомъ есть древній, необитаемый замокъ Принца Гогенлоге; по разрушеннымъ статуямъ и памятникамъ можно было заключить о прежнемъ великолѣпіи этого замка.

Остановились въ богатой деревнѣ Риденгеймъ, которая лучше многихъ Баденскихъ городовъ; она окружена хлѣбородными полями на большое пространство: сердце радуется при видѣ такого изобилія. Жители богаты, и такъ-же шучны какъ ихъ волы; особенно женщины, какъ Русскія харчевницы, и ни одной красавицы.

Нарядъ ихъ безобразенъ: на головахъ платки, которые расширяются на затылкѣ ; надъ ушами наушники; толстыя пестрыя юпки до колѣнъ, какъ будто на фижмахъ, со множествомъ складокъ ; груди сжаты корсетомъ; въ поясѣ перехватъ ; обнаженныя ноги ихъ, съ толстыми икрами, красны, какъ у гусей. Мужчины носятъ ермолки и кожаные до колѣнъ шаравары , какъ у нашихъ чумаковъ. Домы расписаны красными узорами по бѣлому полю; на нѣкоторыхъ есть изображенія Святыхъ, намалеванныя красками.

28-го Мая прошли верстъ двадцать прекрасною равниною съ хлѣбными полями. Высокая рожь колебалась передъ нами , и колосья волновались по всему полю. Какъ пріятно видѣть долины и холмы послѣ высокихъ горъ ! Взоръ какъ будто отдыхаетъ. На половинѣ пути прошли мѣст. Аубъ, расположенное на горѣ ; оно было нѣкогда крѣпостью. Въ сторонѣ, передъ мѣстечкомъ, открылись въ густотѣ лѣса развалины древняго замка съ башнями.

Путешествіе наше отъ Рейна было живописное ; время года много тому содѣйствовало , выключая нѣсколько дождливыхъ и пасмурныхъ дней , затмѣвавшихъ красоты земной природы.

Версты за 4 до Баварскаго мѣст. О-

фенгсйма, кончилась граница Виртемберга. Это Королевство, хотя небольшое, равняющееся нѣкоторымъ изъ Великороссійскихъ губерній, обнаруживаетъ вездѣ труды добраго хозяина. Оно заключаетъ въ себѣ до 1,400,000 жителей, и даетъ Королю 20 милл. дохода, которыми онъ можетъ содержать 10-ти тысячную армію. При составленіи Рейнскаго Союза, Наполеонъ возвелъ Герцога въ Короли.

Какъ ни хорошо казалось намъ въ Виртембергѣ, но вступая въ Королевство Баварское, въ дер. Рудольфсгофъ, мы увидѣли Нѣмцевъ здоровѣе, маслянѣе, толще, краснѣе, вовсе не похожихъ на тощихъ Пруссаковъ, Саксонцевъ, Баденцевъ, Вестфальцевъ; женщины-же похожи были на Татарокъ или Калмычекъ: такъ онѣ смуглы и не красивы. Въ этой сторонѣ, видно, не знаютъ моды: какъ одежда такъ и обычаи древніе. Въ странномъ нарядѣ всѣ мужчины и женщины безобразны; между первыми нѣтъ порядочнаго лица; пузырные шаравары, напитанные саломъ, кожаныя скуфьи на головахъ, коротkіе кафтаны съ мѣдными пуговицами, величиною въ нашъ пятакъ: такова отличительная форма ихъ одежды. Впрочемъ, домы чисты, хозяйство обширно, во всемъ изобиліе. Такъ живутъ простые поселяне. Но, кажется, они не знаютъ вкуса

въ пищѣ. Вассеръ-супъ и вареная говядина, съ разными приправами, единственныя блюда, которыми они насъ угощали. По ночамъ спорожа на перекресткахъ улицъ трубятъ часы и поютъ гимны.

Баварія опличная страна: долины, холмики, обширныя деревни, луга хлѣбныя поля, изобиліе всякаго рода плѣняютъ взоръ и услаждаютъ чувства миролюбиваго наблюдателя. Природа здѣсь щедрою рукою изливаетъ свои дары. Земля плодородная, черная; только мало рѣчекъ и лѣсовъ.

Потомъ прошли мы небольшое мѣстечко Виндсгеймъ, и остановились въ мѣстечкѣ Ланкерсгеймѣ, у цеховаго мастера-сапожника. Эти мѣста принадлежатъ къ Анспахскому округу, которымъ владѣли Пруссаки.

Ланкерсгеймскій пасторъ назывался Эртелемъ; онъ родственникъ нашего Генералъ-Полицмейстера. Въ домѣ, гдѣ родился нашъ Эртель, квартировалъ Артиллеріи Капитанъ Павловъ. Мы отъ пастора узнали обстоятельно исторію его племянника....

31-го Мая, не доходя 15 верстъ до Нюренберга, мы должны были остановиться и дневать въ дурномъ мѣст. Ланкгезенъ. Погода прекрасная, мѣстоположеніе картинное; но виноградника давно не видно, и нѣтъ хорошаго вина: вмѣсто него подаютъ намъ

прегорькое пиво. На горахъ, вмѣсто винограда, растетъ много хмѣлю, который обманываетъ зрѣніе подобіемъ своихъ листьевъ съ первымъ.

ГЛАВА VII.

ОТЪ НИРЕНБЕРГА ДО ДРЕЗДЕНА.

Ниренбергъ. — Скупой Нѣмецъ. — Образъ великана. — Состояніе торговли. — Натуральный кабинетъ. — Ученая канарейка. — Театръ. — Фейерверкъ. — Гористый путь. — Биндлохъ. — Гофъ. — Путь по Саксоніи. — Рейхенбахъ. — Цвикау. — Хемницъ. — Фрейбергъ. — Дрезденъ. — Взрывъ пороховаго погреба. — Театръ. — Картинная галлерея. — Нѣчто о Фигнерѣ.

Ниренбергъ лежитъ на равнинѣ у рѣчки Пегница, близъ горы, на которой стоитъ древній замокъ. Не доходя 7 верстъ до Ниренберга, прошли мы (1-го Іюня) черезъ многолюдный городъ Фюртъ, многолюдный потому, что, кажется, всѣ жители, сколько ихъ было, стеклись смотрѣть насъ. Войски вступили въ Ниренбергъ церемоніяльно, шѣснимыя со всѣхъ сторонъ зѣвающимъ народомъ. Домы въ городѣ очень вешхи, древней архитектуры, и, будучи разноцвѣтны, представляютъ

чрезвычайную нестроту. Примѣчательныя зданія, по своей огромности и ветхости, суть ратуша и церковь Св. Лавренпія. Улицы неровныя, мѣстами узкія; черезъ рѣчку Пегницъ множество мостовъ. Лавки, на подобіе гостинаго двора въ Петербургѣ, стоятъ по срединѣ города отдѣльно; но только съ мѣлочными товарами. По славѣ, какую имѣютъ у насъ въ Россіи Ниренбергскіе товары, я думалъ найдти здѣсь богатѣйшія лавки; напротивъ того, онѣ очень бѣдны. Также, судя по тому что Ниренбергъ считается въ числѣ торговыхъ городовъ, и наполненъ почти одними купцами, я полагалъ найдти его подобнымъ Дрездену или Франкфурту; напротивъ того, торговля здѣсь чрезвычайно упала; въ немногихъ домахъ существуютъ еще магазины съ галантерейными вещами. Однѣ дѣтскія игрушки здѣсь столько славны, что ихъ развозятъ въ Петербургъ и въ Америку. Театръ здѣшній, говорятъ, немного лучше Шалонскаго, а потому я, замѣшкавшись въ лавкѣ съ каррикатурами, прозѣвалъ представленіе: *Казаки на Дону*. Всѣ вещи здѣсь чрезвычайно дороги, потому что Ниренбергцы думаютъ, будто мы, взявши съ Парижанъ страшную контрибуцію, весьма обогатились, и запрашиваютъ съ насъ въ три-дорога.

Квартиру отвели мнѣ у богатаго, но чрезвычайно скупаго купца. Онъ подалъ мнѣ вассеръ-супу, котораго не только я, но и мой пудель не хотѣлъ ѣсть. Вмѣсто вина далъ мнѣ уксусу. Сначала я совѣстился объявить объ этомъ хозяину, и обѣщалъ ему деньги, чтобы только получше накормилъ меня; но видя черезъ своихъ посланныхъ нечувствительность его, я потребовалъ самого на лицо, и взялъ обратно билетъ, который тотчасъ перемѣнилъ въ рапушѣ. Самолюбивый скряга чрезвычайно разгнѣвался на меня за эту смѣлость, говорилъ, что онъ двадцать лѣтъ выдерживаетъ военные постои, и всѣ постояльцы были имъ довольны; наконецъ видя, что я не прогаюсь его убѣжденіями и приказываю деньщику убираться съ чемоданомъ на другую квартиру, онъ тотчасъ призвалъ полицейскаго чиновника, которому жаловался на мое неудовольствіе, говоря, что прекрасный супъ, подправленный корицею, я отдалъ пуделю. Но чиновникъ видѣлъ съ какимъ пренебреженіемъ мой пудель смотрѣлъ на этотъ супъ. Хозяинъ просилъ полицейскаго сдѣлать на это свое замѣчаніе, повторяя, что онъ не позволитъ такимъ образомъ иностранцамъ обижать себя. Онъ билъ себя въ грудь кулакомъ, клянясь честію Поручика Національной Гвар-

дѣи. Такая горячность его разсмѣшила меня, и я началъ хохотать, пудель залаялъ, полицейскій разсмѣялся, а злой Нѣмецъ заплакалъ съ досады. Другая квартира была хотя бѣднѣе, но добрый хозяинъ угостилъ меня, чѣмъ могъ, попросту.

Въ домѣ моего новаго хозяина, на стѣнѣ дома намалеванъ былъ красками великанъ, подъ именемъ дикаго человѣка Якуба Домана, изъ Люнебурга. Онъ родился въ 1612 году, имѣлъ отъ роду 21 годъ и 6 мѣсяцевъ, былъ ростомъ въ 96 дюймовъ или 8 футовъ, и жилъ въ этомъ домѣ. Лицо у него было оливковое. Онъ любилъ жить въ лѣсу, былъ отличный стрѣлокъ, и потому изображенъ, въ кафтанѣ, съ ружьемъ.

Ниренбергъ особенно примѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ не видно нимфъ радости. Городская полиція строго смотритъ за нравственностію въ этомъ отношеніи, и если попадется какая либо сирена, то взыскиваютъ съ нея 25 гульденовъ штрафа, или садятъ въ тюрьму, до выкупа ея родственниками или благодѣтелями. Такимъ образомъ въ древнемъ замкѣ, на горѣ, содержится до сорока такихъ очаровательницъ.

Карманные часы получили въ Ниренбергѣ свое происхожденіе. Въ первый разъ они названы были: Nürenbergische Eier-

lein (Ниренбергскія яички), потому что имѣли шарообразный видъ: уже послѣ стали дѣлать ихъ площе. Ниренбергцы большіе искусники въ мѣлочныхъ вещахъ, особенно въ дѣтскихъ игрушкахъ.

Городъ потерялъ свой блескъ со времени Французской Революціи: то Французскія, то Австрійскія войски, нападая на купеческій городъ, собирали съ него непомѣрныя контрибуціи, которыя многихъ купцовъ обанкрутили и истощили богатство жителей. Нынѣ торговля его вовсе прекратилась, а безъ торговли купеческіе города, такъ-же какъ цѣлыя націи, не могутъ существовать. Мнѣ кажется, что шесть лавокъ Ниренбергскихъ въ Петербургѣ чуть-ли не богаче всего здѣшняго города. Даже я не могъ найдти смычка для скрыпки, и книгъ, а камеръ-обскуры, красокъ и математическихъ инструментовъ вовсе не нашлось. Купецъ Бестельмейеръ почитается здѣсь богатѣйшимъ, и имѣетъ довольно обширный магазинъ всякихъ блестящихъ вещей мишурной работы.

По полудни слѣдующаго дня пошелъ я съ товарищами въ трактиръ Розы, гдѣ остановился нѣкто Г-нъ Бруннеръ, путешествующій съ кабинетомъ натуральныхъ рѣдкостей. Кабинетъ его не великъ, но заклю-

чаетъ въ себѣ много любопытныхъ и достойныхъ вниманія вещей. Кромѣ Китайскаго колокола, Китайскихъ шуфлей и зонтика, есть у него крокодилъ, всѣ виды ящерицъ, драконы, саламандры, всѣ виды раковъ морскихъ, всѣ роды коралловъ, полиповъ, черепахинъ щитъ, почти въ аршинъ длины и три четверти ширины; всѣ виды раковинъ, изъ которыхъ Перламутовая и Венерина особенно занимательны; многіе роды птицъ, попугаи, райскія птички; скелеты птичьи и рыбьи; чучелки мѣлкихъ звѣрей; летучая и колючая рыбки; куски отъ всѣхъ родовъ деревъ и сѣмена; всѣ роды металлическихъ рудъ, минераловъ и камней, сверхъ того, прекрасная мозаикъ: собака съ кошкою выложены точно какъ нарисованные, и разноцвѣтные камни въ ней можно было разсмотрѣть только черезъ микроскопъ. Корзинка изъ вишневой косточки съ ручкою есть верхъ искуства тонкаго рѣзца. Все это было помѣщено въ одной комнатѣ. Въ другой находились всѣ роды бабочекъ, расположенныхъ въ прекрасной симметріи; шелковичные черви въ мѣшечкахъ. Тончайшій и серебристый шелкъ изъ паутины удивилъ насъ, и Г-нъ Бруннеръ увѣрялъ, что вещи, сотканныя изъ такого шелка, несравненно прочнѣе, легче и дешевле, нежели изъ обык-

новеннаго шелка, ибо стоитъ только развести пауковъ по угламъ комнаты, вымазанной медомъ для приманки мухъ. Скорпіоны, тараншулы, сороконожки, чрезвычайной величины жуки, и морская вошь, также не послѣднія рѣдкости. Въ третьей комнатѣ показалъ онъ зарожденіе младенца отъ одного мѣсяца до девяти; внутренность женщины, сдѣланная изъ воска, въ которой положеніе сердца, легкаго, печени, кишокъ и положеніе младенца были столь естественно представлены, что даже производили отвращеніе. Въ другой восковой женщинѣ, по-же съ открытою внутренностію, показалъ онъ гермафродита, весьма невѣроятнаго, хотя увѣрялъ притомъ, что это слепокъ съ натуральнаго, хранящагося въ спиртѣ у одного Профессора въ Галлѣ.

Болѣе всего заняла насъ ученая канарейка, по словамъ Бруннера 10 лѣтъ отъ роду, съ переломленною ножкою, очень умная и понятливая. Мы сѣли вокругъ стола, на которомъ разложены были билетики, дюйма въ два величиною, съ изображеніемъ на каждомъ большой Французской буквы изъ цѣлой азбуки. Билетики съ буквами лежали въ алфавитномъ порядкѣ, канарейка прыгала на столѣ, и Г-нъ Бруннеръ просилъ насъ, чтобъ мы задали его

питомицѣ сложить, какое угодно, имя. Мы предложили ему: *Александръ*. Искусникъ, повторяя это имя, протяжно спрашивалъ канарейку, съ какой буквы оно начинается? Птичка тотчасъ подскочила къ первому билетику, и, взявъ его носикомъ, подала своему учителю. Gut! сказалъ онъ, и, повторяя опять то-же имя, спрашивалъ канарейку о слѣдующихъ буквахъ; она принесла ему l и e. Но когда дѣло дошло до двусложнаго *кс*, птичка была въ затрудненіи, подашь-ли ему букву q или x, подскакивала въ нерѣшимости то къ той, то къ другой, какъ будто разсуждала, и наконецъ, признаваясь въ своемъ незнаніи, возвращалась къ нему. Жестокій учитель наказалъ ее щипкомъ въ голову, такъ что она пискнула, и, повторяя ей имя *Алекс-андръ*, приказывалъ принести слѣдующую букву, не называя какую; но видно щипкомъ своимъ онъ повторилъ ей прежній урокъ такъ искусно, что она принесла ему билетикъ съ буквою x; тогда онъ ее погладилъ, и канарейка рѣзво продолжала бѣгать за остальными буквами. Наконецъ, когда принесла послѣдній r, то онъ, похваливши ее, велѣлъ объявить гостямъ, что она исполнила свою обязанность. Милая птичка, съ этимъ билетикомъ въ носу, стала прыгать вокругъ

стола, чирикать и, ворочая головкою, показывать намъ послѣднюю букву. Этого не довольно. Изъ разложенныхъ на такихъ-же билетикахъ цифръ она составляла таблицу умноженія, по словамъ своего учителя. Напримѣръ, онъ спроситъ у нея: Сколько дважды два? — она принесетъ ему цифру 4.—Сколько трижды шесть?— она принесетъ два билетика, сперва съ единицею, а потомъ съ цифрою 8. — Потомъ Г. Бруннеръ просилъ насъ вынуть часы и показать ихъ канарейкѣ, у которой спросилъ: Который часъ? — Тогда было пять часовъ и 12 минутъ. — Умная птичка, посмотрѣвши внимательно на часы, принесла сперва Римскую цифру V, потомъ, еще посмотрѣвши пристально на часы, принесла два билетика съ Арабскими цифрами 12. Это насъ чрезвычайно удивило: какимъ образомъ Бруннеръ могъ маленькую птичку выучить тому, чего многимъ изъ такъ называемыхъ разумныхъ существъ не льзя обухомъ вбить въ голову? Птичка не была искуственная: когда ее посадили въ клѣтку, она тамъ съ аппетитомъ кушала сѣмя. Подъ тѣмъ-же столомъ стояли двѣ клѣтки, одна съ щегломъ, а другая съ чижикомъ. Г. Бруннеръ этихъ птичекъ называлъ учениками, и увѣрялъ, что щегленокъ по-

няпливѣе и умнѣе чижика. Мы съ удовольствіемъ заплатили по шалеру.

Сколько труда и терпѣнія долженъ былъ имѣть Г. Бруннеръ, для пріученія своей канарейки къ такому дѣйствію, по одному звуку его словъ! Не доказываетъ-ли это, что во всякомъ животномъ есть своя степень понятія, разумѣнія, сужденія, какъ неотъемлемыхъ качествъ органическаго существа?

Отъ ученой канарейки пошли мы въ театръ. Снаружи и внутри онъ бѣденъ, но, по видимому, когда нибудь былъ хорошъ, и приведенный однажды въ запустѣніе, не возобновляется: краски съ декорацій стерлись, костюмы обветшали, акторы разучились. Самый лучшій изъ нихъ, Г. Гнаутъ, представлявшій Рохуса Помперникеля, похожъ былъ игрою и ухватками на Шалонскаго Дюмаса. Впрочемъ онъ болѣе всѣхъ забавлялъ зрителей своимъ дурачествомъ. Эта пьеса, глупаго содержанія, представлялась ко вреду нравственности своими соблазнительными сценами и нескромными аріями. Однако Гнаута выкликнули съ большимъ шумомъ, и онъ крикунамъ сдѣлалъ благодарственное привѣтствіе. Оркестръ, судя по городу, долженъ-бы быть лучше; за то капельмейстеръ, со всѣми гримасами ломанаго ар-

писпа, управлялъ гармоніею, означая кадансъ обѣими руками, головою и ногами.

Послѣ театра пошли мы за городъ смотрѣть фейерверкъ, въ досчатой оградѣ. Публики столпилось такъ много, что, по увѣренію жителей, они не запомнятъ этого и въ проѣздъ самого Короля Баварскаго. Лучшія фигуры въ фейерверкѣ были каскадъ, большое солнце, букетъ, Китайскія колеса, и наконецъ бомбардированіе города. На щитѣ свѣчами означены были стѣны и башни, изъ которыхъ безпрерывная велась стрѣльба марсовымъ огнемъ, а напротивъ, изъ поставленныхъ мортирокъ, метались въ крѣпость люцкугели. Зрѣлище великолѣпное! Прошедшая война научила художниковъ новому искусству: безвредно подражать тому, чего они бывали не разъ свидѣтелями.

Жаль, что краткость времени не позволила намъ побывать въ древнемъ Королевскомъ замкѣ на горѣ, гдѣ есть картинная галлерея, и колодезь, глубиною 33 секунды.

Въ городѣ ежедневно для нашихъ Генераловъ жители даютъ балы; при постоянномъ квартированіи можно-бы здѣсь завести пріятное знакомство, потому что часто изъ оконъ выглядываютъ прекрасныя личики съ томными глазками.

Вотъ сколько удовольствій, въ продол-

женіе двухъ дней, нашли мы въ Ниренбергѣ, еще въ самомъ худомъ его положеніи! Что-же было прежде, когда здѣсь торговля процвѣтала, и всякаго рода художники составляли славу города? Но война все истребляетъ!

Въ городѣ есть шракширъ, подъ обманчивымъ названіемъ Музеума, гдѣ сборное мѣсто всѣхъ моповъ, которые проигрываютъ лишнія деньги, или пропиваютъ ихъ.

Не безъ сожалѣнія вышли мы 3-го Іюня изъ Ниренберга. Путь нашъ былъ гористый; мы коснулись отрасли Богемскихъ горъ, и остановились въ бѣдной деревушкѣ Капель. Здѣсь природа опять стала являть угрюмые виды: дикія скалы, камни, песокъ, сосны, ели и курганы.

Въ слѣдующій день пришли въ д. Гильпельдштейнъ, которая вся стоитъ на камняхъ, а кирха ея на высочайшей скалѣ, откуда далеко видно во всѣ стороны. У Пастора видѣли мы шесть дочерей, одна другой милѣе, которыя весьма много насъ занимали своею бесѣдою.

Потомъ сдѣлали переходъ болѣе 30 верстъ по горамъ, и остановились въ д. Крейссенъ, въ дикихъ, пустынныхъ мѣстахъ. Сколько иногда бываетъ красиво гористое мѣстоположеніе, столько, напротивъ, ни-

что̀жно состоянiе жителей! На картинѣ можно любоваться дикими скалами, но самому жить на нихъ очень непрiятно. Это испытали мы здѣсь на дневкѣ. Передъ каждою деревнею, множество нищихъ, встрѣчая проходящихъ, христорадничаютъ подъ видомъ раненыхъ солдатъ; даже и женщины показываютъ свои раны. . .

7-го Iюня прошли мы черезъ хорошiй городъ Байрейтъ, въ которомъ не удалось намъ повеселиться, потому что насъ поставили въ 3 верстахъ отъ него, въ д. Биндлохъ. Это странное названiе заставило меня спросить о его происхожденiи. Мнѣ объяснили такимъ образомъ: Въ тридцатилѣтнюю войну эта деревня еще не имѣла опредѣлительнаго названiя, но послѣ бывшаго при ней сраженiя, раненый Прусскiй офицеръ, у котораго была прострѣлена пулею рука, чувствуя нестерпимую боль, кричалъ безпрестанно: Bind Loch! (перевяжи рану). Долго не отыскивалось лекаря, но жители, проходя мимо дома, слышали частое повтореніе: Bind Loch, которое затвердили такъ, что и деревня получила отъ этого названiе.

Жаль очень было, что мы не могли полюбоваться городомъ и побывать въ древнемъ замкѣ Маркграфа, съ прекраснымъ садомъ. Скучная деревушка наша не пред-

ставляла никакой занимательности; сверхъ того дождь мочилъ насъ всѣхъ, снаружи и внутри избъ, безъ милосердія.

Четыре дни шли мы по дурнымъ, бѣднымъ, гористымъ мѣстамъ. Ни гдѣ не было для насъ худшихъ квартиръ, какъ въ мѣстечкѣ Гефрессъ; канонеровъ развели по разсѣяннымъ, версты на три, въ горахъ хижинамъ, въ каждую человѣкъ по тридцати. Здѣсь Богемскія горы покрыты лѣсомъ; мѣста дикія; скалы и развалины замковъ представляютъ безподобный видъ, но ѣсть нечего: всюду бѣдность и нищета. Намъ, какъ на зло, должно было дневать въ Гефрессѣ.

Прошедъ черезъ м. Мюнхбергъ, въ д. Шлегель мнѣ досталось стоять одному въ черной хижинѣ, похожей на наши Бѣлорусскія. Жители въ этой странѣ чрезвычайно бѣдны; деревни разсѣяны; хижины торчатъ между скалами, и только при мѣстечкахъ онѣ въ кучкѣ.

Городъ Гофъ есть послѣдній Королевства Баварскаго. Мы не сожалѣли оставляя эту страну. Отъ самаго Ниренберга она гориста, безплодна, бѣдна. Жители раззорены, живутъ разсѣянно въ черныхъ избахъ, грубы въ языкѣ и въ нравахъ. Лучшая страна изъ пройденныхъ нами отъ Рейна есть Королевство Виртембергское,

и часть Баваріи до Ниренберга; тамъ жители, хотя, по одеждѣ своей и образу жизни, кажутся древнихъ вѣковъ, однако благосостояніе ихъ очевидно отъ плодоносной почвы земли, трудолюбія, промысла ихъ и отъ отеческаго попеченія Виртембергскаго Короля.

Гофъ не великъ, безъ площади, стоитъ на горахъ; домы и жители весьма просты; хорошихъ лавокъ нѣтъ. Передъ ратушею, на гауптвахтѣ, стоятъ десять Баварцевъ въ шишакахъ; часовой безпрестанно кричитъ: Heraus! видя проходящаго съ махровыми эполетами, и караульные становятся подъ ружье; они даже пробили двѣ дроби двумъ военнымъ дамамъ, ѣхавшимъ въ колескѣ съ гулянья. Подъ окнами моей квартиры торговки продаютъ зелень; много хорошенькихъ дѣвушекъ приходятъ покупать; одежда на нихъ Саксонская.

Вотъ уже мы въ Саксоніи. Хотя страна здѣсь почти такъ-же гориста, песчана, камениста и съ сосновымъ лѣсомъ, какъ въ Баваріи на Богемскихъ горахъ, однако состояніе жителей несравненно лучше. Деревеньки чистыя, домы выбѣленные; вездѣ видно трудолюбіе и прилежаніе: каждый поселянинъ чѣмъ нибудь промышляетъ. Такъ добрый хозяинъ, или попечи-

тельный о благѣ подданныхъ Государь, отражается въ ихъ благосостояніи. Саксонцы любятъ Короля своего, жертву политическихъ видовъ завоевателей. Здѣсь принимаютъ насъ съ особеннымъ радушіемъ, и предупреждаютъ наши желанія, весьма различно отъ грубыхъ и сонливыхъ Баварцевъ. Деревня Фоксбергъ, гдѣ мы расположились, вся лежитъ на каменистыхъ горахъ; не далеко видно м. Эльсницъ. При деревнѣ, на высокой скалѣ, стоитъ древній, опустѣвшій замокъ, обросшій лѣсомъ, который своею древностію внушаетъ къ себѣ уваженіе.

Дождь не переставалъ мочить насъ. Мы проходили, близъ м. Рейхенбаха, мимо высочайшей горы съ квасцовыми заводами. Городъ Плауенъ оставался у насъ вправо. Природа здѣсь угрюма, но виды живописны: мрачныя сосны, пески, скалы, тучами покрытое небо весьма-бы хороши были на картинкѣ, а не для проходящихъ. Отъ Рейхенбаха простирается равнина съ плодоносными полями. Насъ поставили однако въ бѣдную деревушку, у подошвы горъ. За то Саксонскій офицеръ, съ тремя рядовыми изъ ландверовъ, сдѣлалъ намъ честь, показавъ мѣсто для артиллеріи, и проводилъ до квартиръ, наблюдая, чтобъ мы съ пушками и лошадьми не помяли

хлѣба, особенно картофеля, котораго около деревни было множество засѣяно. Въ мѣстечкѣ есть суконная фабрика. Я замѣтилъ, что здѣсь въ каждомъ домѣ чѣмъ нибудь занимаются: въ одномъ ткутъ, въ другомъ прядутъ; тамъ теребятъ шерсть, тамъ вершятъ, стучатъ или — ѣдятъ въ распашную.

Правителемъ Саксоніи поставленъ Генералъ-Адъютантъ Князь Репнинъ-Волконскій. Говорятъ, онъ сократилъ наши переходы, чтобы мы шли безъ дневокъ. Впрочемъ войски наши здѣсь кормятся лучше, нежели въ Баваріи.

Вотъ мы стоимъ въ д. Экерсбахъ, близъ гор. Цвикау. Нашу артиллерію становятъ большею частію по деревнямъ; но въ этомъ мало разницы: иногда въ деревнѣ лучше, нежели въ городѣ, особенно для лошадей.

Жители Цвикау встрѣтили Графа Ланжерона съ музыкою и распущеннымъ знаменемъ.

Отъ Цвикау прошли мы до Хемница, болѣе 30 верстъ. Къ Хемницу отъ Лихтенштейна, по теченію рѣчекъ, безпрерывно деревни: одна Лонгвицъ простирается болѣе нежели на семь верстъ. Пріятно было видѣть опять тѣ мѣста, гдѣ мы, годъ назадъ, квартировали въ

недѣлю Св. Пасхи. Хозяинъ ситцевой фабрики и дочь его узнали меня, и съ удовольствіемъ привѣтствовали. Въ городѣ ни что не перемѣнилось: все по старому. Только вмѣсто прежнихъ щеголей во Французскихъ мундирахъ, стоятъ здѣсь на часахъ въ караулѣ молодые ландверы, съ мѣдными крестами на шапкахъ и съ зелеными на кафтанахъ. Квартиру отвели мнѣ въ предмѣстіи Нейштатѣ, у богатаго купца. Комнаты расрисованы, но видно кистію каретнаго маляра: олени, зайцы, собаки, лисицы, бѣлки и утки, всѣ на одно лицо, какъ дѣти одного отца; за то на дубахъ, елѣхъ, ивахъ и липахъ, каждый листочекъ тщательно отдѣленъ; мебель краснаго дерева; кисейныя гардины, надъ окнами, съ широкою бахрамою, прикрѣплены позлащенными спрѣлами. Накормили меня по-купечески, всего вволю.

Прогуливаясь по городу, я любовался милыми Саксонками: иная собою не очень хороша, но одѣта со вкусомъ и красиво; а которыя собою хороши, тѣ въ нарядѣ еще плѣнительнѣе. На площади, для удовольствія публики, играла музыка Олонецкаго полка. Изъ соревнованія ей, городская музыка, съ барабанами, ходила по всѣмъ улицамъ, и своими трубами

заглушала нашу. Въ городѣ есть фабрики: суконная, батистовая и ситцевая.

17 Іюня прошли болѣе 30 верстъ, до Фрейберга. Я только что пришелъ на квартиру, какъ тотчасъ командировали меня въ Дрезденъ, занимать для роты квартиры, а потому я не успѣлъ осмотрѣть здѣшнихъ рудниковъ. Они находятся подъ цѣлымъ городомъ, и простираются еще подъ окрестности на четыре мили. Рудокопы составляютъ особый классъ народа; ихъ тысячъ до шести живетъ въ подземельѣ. Я видѣлъ маленькихъ рудокоповъ въ шакомъ-же краснокожаномъ платьѣ, какъ и большіе. Четвертая часть рудниковъ принадлежала Королю, а прочіе всѣ разрабатываются частными лицами, съ платою пошлины. Здѣсь есть золото, но болѣе серебра. Ежегодно умираетъ въ рудникахъ отъ разныхъ случаевъ до 12 человѣкъ.

Взявъ изъ Фрейберга обветшалую почтовую коляску, запряженную двумя косматыми клячами, прое насъ поѣхали въ Дрезденъ; но не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказка говорится. На половинѣ пути, въ д. Герцогсвальдѣ, нашъ почтальонъ остановился, попребовалъ тринкгельдъ, и заставилъ насъ зайдти въ сельскій трактиръ. Тутъ по газетамъ узна-

ли мы, что нашъ Государь и Прусскій Король гостятъ въ Лондонѣ; что будто Наполеонъ, въ заточеніи на островѣ Эльбѣ, помѣшался въ умѣ: швердитъ о Москвѣ и изобрѣтаетъ монеты съ надписью: «На небѣ Богъ, а на землѣ Наполеонъ.» Между тѣмъ почтальонъ выпилъ чарку водки, закурилъ трубку, а клячи его съѣли по клочку сѣна, напились, и, оправясь, снова потащили насъ къ Дрездену. Мы въѣхали туда ночью, и, къ счастію, для ночлега нашли квартиру у артиллеристовъ.

Въ городѣ стоитъ на квартирахъ вся пѣхота 8-го Корпуса; но артиллерія по деревнямъ; такая-же участь и насъ ожидала. Графъ Ланжеронъ показывалъ Князю Репнину войски, вступавшія въ городъ церемоніяльно.

Въ Дрезденѣ недавно случилось несчастіе. Отъ искры, при разрядкѣ бомбы, взорвало пороховой погребъ въ Нейштатѣ. Кромѣ вреда, причиненнаго городу, погибло жителей и солдатъ около 200 человѣкъ. Недавно Саксонскіе солдаты передрались съ нашими, при чемъ убито съ обѣихъ сторонъ до 20 человѣкъ. Намъ часто встрѣчались красные Саксонскіе гренадеры, въ высокихъ каскахъ, тѣ самые, которые перебѣжали къ намъ подъ Лейпцигомъ.

Будучи напитаны Наполеоновскимъ духомъ, они часто ссорятся съ нашими усачами.

Квартиры для нашей артиллеріи показали въ дер. Петервицѣ, въ той сторонѣ, откуда Австрійцы подступали къ городу, въ числѣ 30,000, но, по причинѣ дождя, простояли въ грязи три дни безъ продовольствія; при чемъ Наполеонъ, возвратившись изъ Силезіи, пустилъ на нихъ кавалерію, которая привела ему въ плѣнъ цѣлую дивизію и 20 пушекъ. Городъ съ этой стороны потерпѣлъ немного; хотя все раззорено, разграблено, однако выжжено мало. Вся окружность Дрездена укрѣплена редутами, или двойнымъ ретраншаментомъ.

18-го Іюня представляли на здѣшнемъ театрѣ Итальянскіе акперы оперу Донъ-Жуанъ, но, сверхъ чаянія, столь дурно, что не стоило смотрѣть. У всѣхъ акперовъ въ аріяхъ не доставало голоса. Только одна актриса, Донна Эльвира, съ кривою ногою, какъ Ниренбергская канарейка, пѣла отлично хорошо, безъ принужденія, нѣжнымъ, хотя не дѣвичьимъ голосомъ; но лучшую арію во второмъ дѣйствіи не хуже ея пропѣла, и была гораздо прелестнѣе, въ Мангеймѣ Мадамъ Вернетъ. Игру этихъ Итальянцевъ ни мало не льзя срав-

нишь съ игрою Мангеймскихъ актеровъ. Здѣсь Донъ-Жуанъ какъ хладный истуканъ. Я при каждомъ его появленіи вспоминалъ безподобнаго Кайбеля, въ котораго, не будучи дамою, былъ почти влюбленъ. Здѣсь, въ оперѣ, многое пропущено и перековеркано; пѣли на заказъ, безъ чувства и безъ искусства. Декораціи и костюмы несравненно хуже Мангеймскихъ. Оркестръ порядочный. Моцартъ въ этой оперѣ, кажется, истощилъ все искусство своего генія. Я удивлялся прелести мелодій, переходамъ ея въ разные тоны, удивлялся общей гармоніи и согласному дѣйствію разнородныхъ инструментовъ. Даже Франкфуртскій театръ лучше Дрезденскаго; видно, Саксонскій Король не любилъ театральныхъ представленій. Итальянскій языкъ гораздо способнѣе Нѣмецкаго для оперъ; онъ самъ собою музыкаленъ, черезъ мягкое произношеніе согласныхъ буквъ, при частой встрѣчѣ гласныхъ. Подлинно Итальянскимъ языкомъ только изъясняться въ любви, Французскимъ льстить, Нѣмецкимъ браниться, а Русскимъ ?... мириться.

Я былъ въ картинной галлереѣ. Блескъ, которымъ она нѣкогда славилась, нынѣ исчезъ. Война запустила и сюда свои косматыя лапы. Множество рамъ стояло

безъ картинъ, но Профессоры совѣстились объявлять о ихъ похищеніи, и говорили, что онѣ копируются. На мѣсто-же этихъ картинъ были помѣщены портреты Французскихъ Генераловъ, Мамелюковъ, или грозныхъ Саксонцевъ. Размѣщеніе картинъ казалось безъ всякаго порядка; не всѣ можно было видѣть, по причинѣ ихъ высоты и прямаго ударенія на нихъ лучей свѣта, или отблеска. Въ Парижскомъ Музеумѣ картины расположены лучше; каждая въ приличномъ мѣстѣ, и тамъ казалось болѣе хорошихъ, потому что болѣе порядка. Здѣсь, въ первой залѣ, навѣшаны картины на всѣхъ стѣнахъ, отъ пола до потолка, гдѣ только есть мѣсто, разной величины и всякаго сорта; многія стоятъ на полу. На самомъ верху расположены огромнѣйшія и старинныя, какъ и въ Петербургской Академіи Художествъ; но при всемъ томъ, отъ недостатка свѣта, ихъ неловко разсматривать, а потому Рубенсовы картины, представляющія звѣриную травлю, остаются безъ вниманія посѣтителей. Впрочемъ, въ этой залѣ встрѣчаются отличныя произведенія артистовъ, напримѣръ, картины Голландца Дюжардена удивительны по тщательной отдѣлкѣ и сходству предметовъ съ натурою. Въ одной онъ самъ сидитъ

въ кабинетѣ, между книгами, глобусомъ и нотами; а въ другой монахъ молится передъ распятіемъ: черты лица весьма живы и выразительны; притомъ каждый волосокъ на бородѣ и жилка на репейникѣ совершенно правдоподобны. Мнѣ понравились еще двѣ небольшія картины, представляющія купанье прекрасныхъ женщинъ, кисти Г. Дипри: шутъ, кромѣ правильности прелестныхъ формъ и нѣжности въ оттливахъ свѣта и тѣни, плѣняетъ зрѣніе ландшафтъ и согласіе красокъ. Много есть безподобныхъ картинъ кисти Рубенса, представляющихъ фрукты, дичину, или поваренную принадлежность; подробности каждаго предмета и правдоподобіе въ нихъ удивительны: всякія козявки, мошки, сѣмечки, иглы, ни гдѣ не упущены. Есть много хорошихъ ландшафтовъ. Венера, принявшая отъ Париса яблоко, въ одной картинѣ, безподобна; пастушокъ скрытъ до половины въ густотѣ кустарника, и Юнона съ Минервою удаляются, чтобы дать болѣе блеска красотѣ своей побѣдительницы. Много есть картинъ историческихъ, или портретовъ извѣстныхъ особъ, какъ-то: Карла I-го, Маріи Медичи, Генриха IV-го и проч. Я не разсматривалъ исторической истины, а замѣчалъ искуство кисти. Въ средней ком-

нашѣ собраны произведенія Итальянскихъ артистовъ. Рафаэлева Богоматерь, съ распятіемъ въ рукахъ, при ней Св. Павелъ, Магдалина, и, внизу, два младенца, или отъ древности, или отъ моего безвкусія, не столько мнѣ понравилась, какъ другія картины; правда, что лица очень хороши, но все прочее весьма просто и обыкновенно. Напротивъ того, Корреджіо удивилъ меня своими яркими красками, смѣлостію кисти, правильностію мускуловъ въ фигурахъ, и разительною смѣсью свѣта и тѣни. Картины его отличны отъ всѣхъ прочихъ своею свѣжестію, какъ будто сей часъ вышли изъ подъ кисти. Его Магдалина, раскинувшаяся въ пещерѣ надъ мертвою головою и передъ книгою, плѣнительна. Профессоръ хвалилъ одну картину, представляющую семейство Базельскаго Бургомистра передъ Св. Богородицею; но я подобныхъ изображеній много видалъ въ старыхъ Русскихъ церквахъ, и не хотѣлъ смѣяться вслухъ его или своему невѣжеству. Толстый Генералъ Т***, съ своимъ причетомъ, прогуливаясь по галлереѣ, удивлялся сплошь всякимъ картинамъ; по перемѣшаннымъ нумерамъ ихъ онъ заключалъ о числѣ червонцевъ, чего онѣ, по его мнѣнію, стоили. Такимъ образомъ оцѣнивалъ онъ новыя картины въ 17,365 черв.,

и расхваливалъ весьма усердно полинялыя краски на каррикатурахъ. Была одна большая картина, подъ кисейною занавѣскою: дамы не смотрѣли ея, а только читали надъ нею объясненіе; но эта занавѣска не натуральная, а нарисованная, и такъ искусно, что всѣ обманывались ею. Два ландшафта Вернетовой кисти, удивительны колоритомъ и правдоподобіемъ. Рубенсъ изобразилъ адъ, и не пощадилъ себя: первая жена его летитъ на небо, то есть, прямо въ рай, а другую черти тащатъ въ пламя; онъ самъ между ними хватается за обѣихъ. Третья небольшая комната вся увѣшана портретами, наиболѣе женскими; но между множествомъ прекрасныхъ я не нашелъ ни одной плѣнительной. Сперанѣе всего мнѣ показалось, что здѣсь, между женскимъ поломъ, явился нашъ незабвенный герой Суворовъ, какъ между непріятелями; но бывши всегда вѣжливъ, онъ и здѣсь уступилъ дамамъ высшее мѣсто на стѣнахъ, а самъ сталъ на полу, въ Австрійскомъ мундирѣ. На другой картинѣ онъ представленъ во весь ростъ, въ Павловскомъ мундирѣ, въ коротkихъ полусапожкахъ, со шпагою въ рукѣ, безъ шляпы, и, кажется, самъ идетъ на штурмъ: представленъ пламенно, оригинально. Не далеко отъ него, Амуръ

точитъ стрѣлку съ лукавою улыбкою, и, кажется, хочетъ сказать, что его оружіе опаснѣе всѣхъ штурмовъ Суворова. Дамы, любительницы нарядовъ, разсматривали внимательно на портретахъ головные уборы всѣхъ временъ, и, кажется, искали — своего подобія. Во всѣхъ трехъ комнатахъ галлереи сидѣли академики, или охотники до живописи, и копировали старыя картины, иногда лучше самихъ оригиналовъ. Одни занимались очень гордо, другіе скромно: одни тщеславились сомнительнымъ искусствомъ, другіе скрывали счастливый талантъ. Замѣчательнѣе всѣхъ изъ копировщиковъ была пожилая дама, за ширмами, снимавшая съ оригинала Корреджіеву Магдалину; кажется, она не для того копировала, чтобы прославиться близкимъ подражаніемъ артисту, но болѣе для тщеславія: и почти каждый входящій въ залу, между множествомъ любопытныхъ картинъ, не забывалъ ея, спрашивая: «Гдѣ тутъ прекрасная дама, копирующая Корреджіеву Магдалину?»

Прогуливаясь по мосту, я замѣтилъ по обѣимъ сторонамъ рѣки безподобные виды, точно какъ на картинкахъ, которыя продаются здѣсь по осьми грошей. На мосту, у взрыва, поставлено распятіе, и внизу, подъ нимъ, золотая Латинская надпись

въ честь Императору Александру. Множество народа толпится всегда на этомъ переходѣ изъ стараго города въ новый. Передъ соборомъ, въ старомъ городѣ, дѣлаютъ великолѣпный всходъ о многихъ ступеняхъ на булеваръ, по набережной, въ каштановую аллею, которая оставалась загороженною. Князь Репнинъ, желая доставить этою новостію пріятное гулянье жителямъ по набережной, увѣковѣчитъ тѣмъ свою память въ Дрезденѣ.

Здѣсь вошло въ моду, между военными, ходить во фракахъ, потому что у разноцвѣтныхъ мундировъ происходятъ часто дуэли, а черные фраки всѣхъ миряютъ, подводя подъ одну скромную форму. Забавно было видѣть щеголя въ Нѣмецкомъ фракѣ, съ усами и шпорами.

Слухи были, что война возобновится съ Австрійцами. Я видѣлъ, какъ Генералъ-Квартирмейстеръ нашъ покупалъ карту Галиціи, въ то время какъ мнѣ вздумалось разсматривать въ картинномъ магазинѣ виды Швейцаріи.

Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Здѣсь попечительное Правительство признало за необходимость терпѣть нимфъ радости, опредѣливши только съ нихъ акцизъ. Такимъ образомъ, что

гонимо въ Ниренбергѣ, но покровительствуется въ Дрезденѣ. За то здѣсь не слышно о семейственныхъ раздорахъ и непріятныхъ происшествіяхъ съ честными дамами. Нѣтъ худа безъ добра.

Въ 3 часа ночи, 20 Іюня, выступивъ изъ д. Пепервицъ, съ артиллеріею, прошли мы черезъ Дрезденъ, подъ дождемъ, когда всѣ еще спали.

Нейштатъ довольно потерпѣлъ отъ взрыва пороховаго погреба, хотя это случилось въ концѣ города. Мы прошли мимо обгорѣлыхъ и печальныхъ развалинъ разрушенныхъ зданій.

Отъ Нейштата по дорогѣ сады не попорчены, но сосновый лѣсъ, вокругъ, по бѣрегу, на пушечный выстрѣлъ весь вырубленъ, и черезъ то Французы доставили Дрездену съ этой стороны новые виды, которые закрывались лѣсомъ. Все къ лучшему. Обнаженная наружность эта нынѣ укрѣплена мастерски репраншаментомъ; отдѣльные домы ограждены палисадникомъ; всѣ возвышенія обставлены редутами и соединены каналами. Хотя Дрезденъ никогда не былъ крѣпостью, но укрѣпленный со всѣхъ сторонъ, какъ не льзя лучше, представлялъ твердыню, которую взять вооруженною рукою стоило-бы не малаго труда и потери. Сенъ-Сиръ, оставленный

здѣсь съ 30,000 гарнизона, дѣлалъ частыя вылазки противъ Генер. Маркова, блокировавшаго городъ 15,000, большею частію ополченія. Французы перехватывали у насъ небольшія команды, и однажды, говорятъ, отняли 6 пушекъ. Сенъ-Сиръ могъ-бы свободно прогуляшься до Теплица, или до Праги, но можетъ быть онъ не смѣлъ отступать отъ данной ему Наполеономъ инструкціи, или, почитая себя удаленнымъ отъ главныхъ силъ, считалъ безполезными такія предпріятія. Когда пришелъ Австрійскій Корпусъ Кленау, Сенъ-Сиръ заперся въ своихъ репраншаментахъ, перекопалъ даже улицы, съ твердымъ намѣреніемъ защищаться; но голодъ и болѣзни поколебали его рѣшительность. Цѣлую недѣлю Французы въ городѣ ѣли лошадей, жители спрадали; наконецъ предложено имъ было честное условіе сдаться; они, услышавъ объ этомъ, съ радостію согласились, и думали возвратиться въ отечество, какъ вдругъ изъ Альтенбурга повернули ихъ въ Богемію, предоставивъ только одному Сенъ-Сиру прогуляться въ Парижъ; но онъ, устрашившись упрековъ отъ Наполеона, поѣхалъ въ Швейцарію. Такимъ образомъ отмщенъ Австрійцами ихъ Маккъ, сдавшійся Французамъ въ Ульмѣ.

Мы остановились въ одной деревнѣ, не

доходя м. Шпольпена, откуда видѣли ту равнину, гдѣ, въ прошломъ году, маневрировали, отъ Нейштата, прогнавъ Поляковъ.

Наконецъ надобно еще нѣчто сказать о незабвенномъ партизанѣ Фигнерѣ, который, съ энтузіазмомъ любви къ Россіи, столь искусно мстилъ врагамъ ея, и оказалъ тѣмъ важныя услуги, былъ полезенъ Государю, прославилъ свою фамилію, и наконецъ пропалъ безъ вѣсти. Послѣ Данцигской экспедиціи своей, онъ задумалъ нѣчто необыкновенное: сформировать изъ бѣглыхъ Французскихъ негодяевъ *мстительные легіоны.* Хотя между ними большая часть была Испанцевъ, Итальянцевъ, но эти люди не могли быть надежны. Фигнеръ, думавши дѣлать съ ними чудеса, такъ какъ въ Россіи, принужденъ былъ, для пріобрѣтенія любви отъ нихъ и довѣренности, позволять имъ разныя своевольства; вмѣсто того, чтобы наносить вредъ непріятелю, онъ съ ними раззорялъ Саксонію, и тѣмъ вооружилъ противъ себя начальство. Наконецъ, при Дессау, онъ былъ выманенъ Польскою кавалеріею Генерала Красницкаго за Эльбу, заведенъ въ засаду и истребленъ съ цѣлымъ отрядомъ. Спаслись только тѣ изъ его партіи, которые оставались въ городѣ. Изъ числа этихъ

братъ жены его, Артиллеріи Подпоручикъ Бибиковъ, сказывалъ мнѣ, что Фигнеръ долженъ быть въ плѣну; но по другимъ извѣстіямъ, спасаясь въ Эльбѣ, онъ былъ прострѣленъ въ грудь пулею, и утонулъ... Жаль его! По воинскимъ способностямъ и отличной храбрости, онъ достоинъ былъ лучшей участи. Миръ праху твоему, добрый товарищъ!

ГЛАВА VIII.

ОТЪ ДРЕЗДЕНА ДО БѢЛОСТОКА.

Путь изъ Саксонии. — Торжественныя встрѣчи въ Силезіи. — Воспоминанія при Левенбергѣ. — Переходъ черезъ Силезію.—Бѣдность за Одеромъ.—Тарновицкіе рудники. — Сивержъ. — Ченстоховъ.—Затѣйливая Полька. — Арендаторы. — Газетныя извѣстія.—Повѣсть бывшаго въ плѣну канонера.—Рава.—Нѣчто о Модлинѣ. — Варшава. — Встрѣчи за Варшавою. — Путь къ Бѣлостоку.

22-го Іюня, ввечеру, пришли мы въ Бауценъ, гдѣ и дневали. Я собирался осмотрѣть окрестности города, но жестокая лихорадка заставила меня просидѣть дома. Городъ стоитъ на каменистомъ и возвышенномъ берегу р. Шпреи, и съ этой стороны кажется неприступнымъ. Нѣкоторая часть жителей говоритъ Славянскимъ языкомъ, и называютъ себя Вендами или Вандалами.

За Бауценомъ прошли мы черезъ то поле, гдѣ происходило, прошедшаго года 9-го

Мая, генеральное сраженіе, и на которомъ проходя, многіе указывали мѣста, гдѣ кто отличался. Позиція Союзниковъ была весьма выгодна, и Наполеонъ могъ ихъ одолѣть только обходомъ праваго фланга. Не смотря на то, что батареи наши прикрыты были окопами, теперь слѣдовъ ихъ не видно: гдѣ лилась кровь, тамъ распетъ пучная зелень.

Бишофсверда застроивается снова, но еще нѣтъ ни одного цѣлаго дома въ мѣстечкѣ. Оно было выжжено во время войны.

Нѣсколько разъ проходимъ мы по этимъ раззореннымъ мѣстамъ; однако слѣды военныхъ ужасовъ скоро изглаживаются. Въ одной деревнѣ, гдѣ мы останавливались для ночлега, фуражировала прошедшаго года артиллерійская рота Барона Т***. Нашъ хозяинъ узналъ фуражировъ, которые все вверхъ дномъ у него перевернули, и сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ узнаетъ людей, сдѣлавшихъ ему нѣкогда честь своимъ посѣщеніемъ: до сихъ поръ въ комнатахъ его все разбито, разбросано и разодрано.

Проходя черезъ Герлицъ, мы вспомнили только то, что Французы здѣсь, въ р. Нейссѣ, потопили нашихъ маркитантовъ. Около Лаубана провожалъ насъ изъ Саксоніи тотъ-же слѣпой кларнетистъ, кото-

рый встрѣтилъ при вступленіи нашемъ сюда въ первый разъ. Прощай Саксонія! прекрасная страна, изъ которой добрый Король хотѣлъ сдѣлать рай, а Наполеонъ превратилъ ее въ адъ. Ощцвѣла и Саксонія; мы вступаемъ въ Силезію.

На границѣ Силезіи встрѣтили насъ тріумфальныя ворота, составленныя, вмѣсто лавровъ, изъ вѣчнозеленѣющихъ иглистыхъ вѣтвей ельника и сосны. Вензель АЛЕКСАНДРА I-го висѣлъ по срединѣ, а по сторонамъ его вензеля Франца и Фридриха; на верху Русская надпись на черной доскѣ: *Да здравствуютъ избавители Германіи*! Въ каждой деревнѣ проходили мы черезъ подобныя ворота. Въ Левенбергѣ онѣ были построены съ особеннымъ искусствомъ, украшены вензелями, армашурою, и пирамидами. По улицамъ, на домахъ, даже у послѣдняго сапожника, висѣли гирлянды, вѣнки, и вездѣ надписи: *Да здравствуютъ побѣдители*! Вездѣ вензеля Государя нашего съ надписью: *Виватъ АЛЕКСАНДРЪ, и его побѣдоносное войско*! Жители встрѣчали насъ съ великою радостію, но еще съ большимъ удовольствіемъ провожали, желая намъ благополучнаго пути въ Россію, то есть, чтобъ мы никогда къ нимъ не возвращались.

Пруссаки какъ будто пробудились послѣ

тягостнаго ига Французовъ. Дѣйствительно, ежели они чувствовали перемѣну въ своемъ положеніи, то этимъ обязаны были союзу съ Рускими, и отчасти собственному энтузіазму къ возстановленію національной свободы. Фридрихъ Великій умѣлъ вложить въ нихъ духъ воинственный, и Пруссаки доказали, что, изъ всѣхъ Германскихъ племенъ, ихъ нація есть доблестнѣйшая; можетъ быть только Баварцы съ ними въ этомъ поравняются. Впрочемъ, отъ чистаго-ли усердія, или изъ одной политики изъявляли они намъ честь, провозглашая вездѣ побѣдителями и избавителями, однако пріятно было видѣть знаки дружелюбія и веселыя лица, особенно милыхъ Нѣмочекъ, замѣчавшихъ внимательно тѣхъ счастливцевъ, которые проходили подъ вѣнками, сплетенными ихъ добросердечіемъ.

Отъ чего въ Саксоніи не видали мы тріумфальныхъ воротъ? Конечно отъ того, что Саксонцы, въ неизвѣстности о настоящей судьбѣ своей, не знали, радоваться-ли имъ, или печалиться; они казались угрюмѣе прежняго. Это означало любовь ихъ къ Королю, не взирая на то, что онъ, бывши въ союзѣ съ Наполеономъ, сдѣлался причиною всѣхъ ихъ бѣдствій. Такая угрюмость или печаль въ народѣ похвальна; она показывала характерность его. Привержен-

ности народа не льзя завоевать оружіемъ, но должно пріобрѣтать ее устройствомъ благоденствія.

Слѣды прошедшей войны еще не изгладились; но удивительно, какъ скоро успѣли здѣсь оправиться: явился снова скотъ, хлѣбъ, и даже новая посуда. Все хозяйство здѣшнихъ крестьянъ возобновлено, какъ будто при переселеніи. Тѣмъ болѣе Пруссаки должны любить Короля своего, который печется о ихъ благосостояніи, какъ добрый отецъ.

За Левенбергомъ я съ удовольствіемъ разсматривалъ тѣ мѣста, гдѣ такъ часто блуждали стопы наши, и гдѣ происходили ужасныя явленія. Вотъ тотъ бугоръ, гдѣ стрѣлки 7-го егерскаго полка претерпѣли пораженіе отъ Французскихъ улановъ; вотъ крутой берегъ, откуда войски дивизіи Генерала Пюто принуждены были частію бросаться въ воду, искать влажной смерти или спасенія, частію сдаваться побѣдителямъ. Я взглянулъ на противоположный берегъ, откуда непріятельская бомба, въ глазахъ моихъ, съ одного удара сразила вдругъ двухъ егерскихъ офицеровъ; наконецъ посмотрѣлъ на тотъ большой камень, у котораго стояла моя палатка, гдѣ раненый Французъ раскладывалъ намъ огонь, и гдѣ товарищъ мой, Баронъ Ш***, сидя

подбиралъ свои длинныя ноги, чтобъ ихъ не оторвало ядромъ. Все это такъ живо представилось тогда передо мною, какъ будто на яву; но безплодная, каменистая земля, увлаженная кровію враговъ, уже заросла рожью и льномъ. Я хотѣлъ срисовать мѣстоположеніе, гдѣ полки наши перехватывали цѣлыя колонны Французовъ въ плѣнъ, и гдѣ Генералъ Пюпо стоялъ въ почтительномъ ожиданіи своей участи, передъ Графомъ Ланжерономъ; хотѣлъ нарисовать утопающихъ и разсѣянныхъ по разлившейся водѣ Французовъ; но такъ много предметовъ скопилось тогда въ мою голову, что я полчаса стоялъ на мѣстѣ, углубленъ мыслями въ минувшее, и забывалъ вовсе, что артиллерія подъ горою меня ожидала.

Прусскій Король отпустилъ въ Силезію три милліона талеровъ, для принятія и угощенія Россійскихъ войскъ, какъ друзей и союзниковъ. Отъ того-то мы имѣли вездѣ такую пышную встрѣчу. Въ Левенбергѣ Генерала Корфа встрѣтила гражданская гвардія съ церемоніею и радостнымъ крикомъ; дѣвушки бросали ему на пути цвѣты. Графъ Ланжеронъ изъ Дрездена уѣхалъ въ Берлинъ. На балѣ встрѣтили того-же Генерала двѣнадцать миленькихъ дѣвушекъ, съ гирляндами, сплетая вѣнки; одна изъ нихъ была столько смѣла, что хотѣла на-

дѣшь вѣнокъ на Генерала, и сказала ему краснорѣчивое привѣтствіе. Танцовали много, ужинали, и пили шампанское съ тостами за здоровье побѣдителей-союзниковъ.

Только въ Гольдбергѣ не было бала, хотя на тріумфальныхъ воротахъ надписали: *Виватъ АЛЕКСАНДРЪ I, Фридрихъ III, Францъ I, Блюхеръ и Ланжеронъ!* а побѣдоноснымъ войскамъ: Mit herzlichem Willkommen!

По газетамъ, Франція имѣетъ теперь 29 милліоновъ жителей; изъ Имперіи она разжалована въ Королевство, и должна уплатишь Союзнымъ Государямъ 500 милліоновъ франковъ за военныя издержки. Такъ-то отозвались ей завоеванія Наполеона.

Въ Яуерѣ также не было бала отъ тѣсноты постоя. Городокъ довольно правильный, и въ немъ жителей до 10,000. По срединѣ обширной площади стоитъ ратуша. Сплошныя лавки, подъ галлереею съ арками, окружая площадь, дѣлаютъ весьма хорошій видъ; надъ лавками большіе, каменные домы въ четыре этажа, довольно устарѣлые. Изъ оконъ много выглядывало хорошенькихъ личикъ.

Городъ Спригау, кажется, очень древній; многіе домы въ немъ отъ ветхости опустѣли, а иные заросли мхомъ и травою; предмѣстіе заросло лѣсомъ.

Проѣзжая Швейдницъ, я съ нѣкоторыми офицерами остановился въ трактирѣ позавтракать. Въ это время проходили черезъ городъ 36-й егерскій и Архангелогородскій полки ; всѣ жители сбѣгались къ нимъ на встрѣчу, съ радостію и любопытствомъ, видѣть идущихъ прямо изъ Парижа. Въ продолженіе перехода полковъ, на башнѣ рашуши играла городская музыка, хотя не согласно , но усердно ; солдаты шли, какъ разбитые , и не замѣчали того удивленія и торжества , съ какими ихъ встрѣчали и провожали; особенно музыканты, которые, послѣ каждаго перехода, должны были забавлять жителей, изъявляли свое неудовольствіе сердитыми лицами.

Въ Яурникѣ, на тріумфальныхъ воротахъ написано было: *Слава побѣдителямъ*! а въ Швейдницѣ ! *Ура Русскіе* ! По лицамъ жителей видно было, что Пруссаки рады были нашему возвращенію въ Россію.

Въ д. Гредицѣ, на половинѣ пути отъ Швейдница до Рейхенбаха, квартировали мы въ вышхой мызѣ, у Прусскаго чиновника. Насъ приняли какъ побѣдителей , плели намъ вѣнки, сыпали цвѣтами и не щадили похвальныхъ надписей; но клубнику и вишни мы должны были сами добывать въ огромномъ саду. Въ средней аллеѣ есть густозаросшее липами мѣсто, гдѣ Государь

нашъ, по словамъ хозяина, во время послѣдней репирады, имѣлъ любимое отдохновеніе, бывши здѣсь на квартирѣ. Судьба привела меня теперь сидѣть и писать, можетъ быть, на томъ-же мѣстѣ: оно удалено отвсюду, и открыто въ одну только сторону къ большой дорогѣ, по которой Государь могъ видѣть всѣхъ проѣзжающихъ, и биваки своего войска, не будучи самъ замѣченъ.

Прекраснѣйшее мѣстоположеніе въ Силезіи замѣтилъ я отъ Швейдница за Рейхенбахомъ, у подошвы Исполинскихъ горъ; особенно пріятна плодоносная равнина между этими двумя городами: съ одной стороны возвышаются Исполинскія горы, а съ другой стоитъ отдѣльно высокая гора Цобтенъ, какъ передовой стражъ; на долинѣ пестрѣютъ деревни, соединяющіяся между собою аллеями, а въ промежуткахъ волнуются поля съ хлѣбною зеленью. Красота природы внушаетъ добрыя чувства. Жители Рейхенбаха приняли Рускихъ съ особеннымъ дружелюбіемъ, помня ихъ кроткое поведеніе и щедрость во время перемирія. Они дали балъ; но какъ нашу артиллерію поставили въ дер. Меллендорфъ, то мы не могли участвовать въ удовольствіи армейскихъ офицеровъ. Моя квартира была на мызѣ, въ полуразвалившемся

домѣ Графа Шенау. Въ верхнемъ этажѣ видны слѣды прежняго великолѣпія: парчевые, обветшалые обои, позолоченные на каминахъ корнизы, зеркала, и Готическія украшенія подъ сусальнымъ золотомъ, съ которыхъ искусный Жидъ могъ-бы еще наскрести его на одинъ червонецъ. Меня встрѣтили на квартирѣ стихами, и всѣ комнаты были усыпаны цвѣтами. Такой чести мнѣ никогда и не снилось. Но слава дымъ, если нечего ѣсть. Гораздо легче уподчивать стихами и цвѣтами, нежели накормить хорошенько. Пруссаки въ этомъ отношеніи были разсчетливы.

Помѣщики въ Силезіи живутъ, какъ у насъ въ Россіи: при деревняхъ хорошіе барскіе домы, съ садами и со всѣми удобствами для пріятной, сельской, уединенной жизни.

Жители, встрѣчая насъ съ удовольствіемъ, вспоминали о прежнихъ своихъ постояльцахъ, отъ которыхъ они, въ продолженіе перемирія, довольно обогатились, бравши съ добросовѣстныхъ командировъ, по аптекарскимъ счетамъ, за салатъ и картофель.

Чѣмъ шагъ, тѣмъ ближе къ Польшѣ и къ бѣдности. Кончились наши тріумфы. Уже въ окрестностяхъ Брига, около Одера, мѣста не такъ прелестны и плодоносны,

какъ около Рейхенбаха; уже деревни не такъ чисты и хижины похожи на Польскія; уже стали встрѣчаться рубища.

Въ Бригѣ давали балъ для Генераловъ, на которомъ такъ много было гостей, что отъ духоты дамы падали въ обморокъ. Графъ Ланжеронъ, возвратившись изъ Берлина, своимъ присутствіемъ на балѣ прибавилъ блеска.

Городъ Бригъ похожъ строеніями на Швейдницъ, обнесенъ каменною стѣною съ башнями, черезъ которую, кажется, можно перепрыгнуть: такъ низка она. Отъ Брига пошли мы вверхъ по Одеру, который оставался у насъ влѣво. Здѣсь оканчивается благословенная Силезія; жители встрѣчаются бѣдные, и деревни похожи на Польскія; рубище и сажа есть украшеніе существъ, которыя отсюда будутъ безпрерывно встрѣчаться намъ. Удивительно! поля изобильны хлѣбомъ, земля плодоносна, лѣности не замѣтно, войны здѣсь не было, а бѣдность чрезвычайная. Конечно, эта часть Силезіи не есть собственность Королевства; она отдается въ аренду, на оброкъ.

При дер. Нивѣ, за мѣст. Шургастъ, мы квартировали на мызѣ, въ весьма ветхомъ домѣ; но при дер. Гольдендорфѣ попалась намъ мыза, во всемъ привольная, какъ будто

на прощанье съ изобильною Силезіею. Здѣсь уже говорятъ Польскимъ языкомъ, хотя границы Польши еще далеко за Одеромъ. Нѣмцы, населившіе Европу, видно еще не успѣли при своемъ распространеніи пересилить здѣсь Славянскаго языка.

Городъ Оппельнъ, лежащій на правой сторонѣ Одера, не великъ, старъ и похожъ на Бунцлау. Въ немъ замѣчательны только на каждомъ домѣ фронтоны съ странными фигурами, и длинныя трубы для стока дождевой воды.

За Одеромъ встрѣтила насъ нагая бѣдность. Кажется, Одеръ составляетъ естественную границу Германіи отъ Польши. Хотя по географическому и политическому раздѣленію земель, онъ протекаетъ почти по срединѣ Силезіи, однако явно видима разность въ племенахъ народовъ по правую, и по лѣвую сторону рѣки.

По дорогѣ къ мѣст. Стрелицъ, земля песчаная, хотя съ черноземомъ, и производитъ весьма рѣдкій хлѣбъ, вышиною въ полъ-аршина; но и тотъ проходящія войски, особенно деньщики со вьюками, равнодушно топчутъ, истребляя послѣднюю надежду истощенныхъ поселянъ. Угрюмыя сосны и единообразная пустота наводятъ унынie; бѣдныя, низенькія лачужки, разсѣянныя по дорогѣ, какъ будто чуждаются сами

себя. Кой-гдѣ стоитъ выбѣленная для приманки проходящихъ корчма ; Жидъ подъ ермолкою, съ сѣдою бородою и съ густыми пейсиками , иногда выглядываетъ изъ окна и, завидя Москалей, тотчасъ прячется. Погода пасмурная довершаетъ сумракъ картины. Двѣ роты нашей артиллеріи размѣстили на тридцать дворовъ, въ бѣдной деревушкѣ Эльгутъ. Несчастные жители со слезами жертвуютъ послѣднимъ. Вошедши въ черную избу, я почувствовалъ нѣкоторый трепетъ ужаса. Имѣя въ свѣжей памяти еще недавно оставленныя, превосходныя квартиры; пройдя не одну страну изобилія и благосостоянія обитателей, теперь вдругъ, какъ будто волшебною силою , увидѣлъ я себя перенесеннымъ въ Польскую хашу, гдѣ слышу родной языкъ. Моя комната отдѣляется отъ конюшни только сѣнями: здѣсь люди, животныя и насѣкомыя живутъ вмѣстѣ. Мухи , нѣсколько переходовъ , жестоко насъ преслѣдуютъ , и если-бы случился тутъ ученикъ Пиѳагоровой секты , то сказалъ-бы, что эти мухи суть души погибшихъ и замерзшихъ въ Россіи Французовъ , которые теперь въ новомъ превращеніи не упускаютъ случая мстить намъ. Потолокъ черный, полъ грязный... Но чувствуя близость родимой стороны , я отъ души по-

впорилъ стихи Державина: « Мила намъ добрая вѣсть о нашей сторонѣ; отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Мы, кажется, нарочно стали дѣлать большіе переходы, почти по 40 верстъ, чтобы пройдши скорѣе эту бѣднѣйшую часть Силезіи, не похожую ни мало на прежнюю. Проходя засѣянныя хлѣбомъ равнины, глядя на волнующуюся зелень близкой жатвы, можно заключить, что поселяне трудолюбивы; но встрѣчая лачужки и обитающія въ нихъ безобразныя существа человѣческія, истощенныя тягостною работою, видишь несчастіе. Отъ чего это? По существующему обычаю въ Польшѣ, и по благодѣтельному учрежденію, для помѣщиковъ и арендаторовъ опредѣлено здѣсь съ каждаго дома брать по два человѣка на панщину; можетъ быть положено для этого три дни въ недѣлю, но крестьяне употребляются ежедневно, и для себя успѣваютъ работать только ночью. Сверхъ того, изъ домашняго скота и всякой живности, что производитъ сама природа, поселяне обязаны давать помѣщику, или арендатору, съ каждаго двора по парѣ первенцевъ, по двѣ сотни яицъ, да еще по 15 талеровъ. Отъ этого несчастные крестьяне, при всемъ трудолюбіи, едва бываютъ въ состояніи прокормить себя и семейство;

остальное-же въ полѣ свое богатство, которымъ надѣляетъ ихъ природа, они, не имѣя времени убрать, отдаютъ Жиду-корчмарю. Вотъ причина бѣдности большей части поселянъ въ Польшѣ и въ пріобрѣтенныхъ Пруссіею отъ нея земляхъ.

12-го Іюня прошли мы городъ Тостъ, гдѣ отставной Прусскій Генералъ, Графъ Гогенлоге, встрѣтилъ наши войски не только тріумфальными воротами и музыкою, но даже пушечною пальбою. На горѣ, подъ городомъ, видны великолѣпныя развалины славнаго, за 50 лѣтъ, Графскаго замка. Болѣе нѣтъ ничего здѣсь замѣчательнаго. Офицеры двухъ ротъ нашей артиллеріи остановились на фольваркѣ, при дер. Захаржецы, гдѣ экономъ угостилъ насъ до сыта.

Мѣстечко Тарновицы хотя столько-же не значащее, какъ и прочія въ этой части Силезіи, однако жители тутъ зажиточнѣе, потому что большая часть изъ нихъ Пруссаки, которыхъ промышленность состоитъ въ разработываніи рудниковъ, по окрестностямъ мѣстечка. Мы квартировали въ дер. Бобровники, гдѣ всѣ поселяне рудокопы. Нѣкоторые офицеры, на дневкѣ, путешествовали въ подземное царство, и разсказывали видѣнныя тамъ чудеса. Я, бывши занятъ

службою, въ этотъ разъ не могъ удовлетворить своему любопытству; впрочемъ, какъ подобное тому видѣлъ я въ Зигенскихъ рудникахъ Герцогства Бергскаго, на Рейнѣ, то не очень сожалѣлъ о теперешнемъ упущеніи. Между источниками рѣкъ Одера и Вислы, раздѣляющихъ Исполинскія горы отъ Карпатскихъ, выходитъ отрасль горъ, простирающаяся до здѣшнихъ мѣстъ, въ которой добываются свинецъ, серебро и золото. Тарновицкіе рудники всѣ принадлежатъ Прусскому Правительству, которое платитъ работникамъ въ сутки по полтора злотна, или по 80 коп. на нами деньги. Изъ 120 фунтовъ добываемаго свинца выходитъ 60 фунт. и 3 лота чистаго серебра. Изъ одной рудокопной ямы выходитъ въ годъ до 70 пудъ этого металла. За то работники не рѣдко погибаютъ тамъ отъ разныхъ случаевъ: иногда убиваетъ ихъ подъ землею воздухомъ, а недавно упали, съ высоты 25 саженъ, въ глубину, шесть работниковъ, изъ которыхъ только одинъ остался живъ, а прочіе погибли.

По новому расписанію войскъ, наша рота артиллеріи и Подполковника Таубе идутъ, черезъ Варшаву, на кантониръ-квартиры въ Бѣлостокъ, въ 4-й Корпусъ Генерала Капцевича; батарейная рота Веселицкаго идетъ въ Дубно.

Теперь мы на пути къ м. Сивержу, отъ Кракова въ 70 верстахъ. Здѣсь настоящая Польша, хотя еще клочекъ земли, между Краковомъ и Ченстоховомъ, принадлежитъ Пруссіи. Въ дер. Войковицы мнѣ съ товарищемъ достлалась квартира у органиста, въ чуланѣ, сажени двѣ въ квадратѣ, со сквозными стѣнами, безъ потолка и пола; но за то онъ накормилъ насъ до сыта, наспрявшій поправъ съ десятокъ, одинаковаго вкуса, только въ разныхъ видахъ. Здѣсь, въ кантониръ-квартирахъ, расположена рота Нижегородскаго пѣхотнаго полка 15 дивизіи, занимающей границу противъ Галлиціи.

Около Сивержа плодоносныя, обширныя поля. Глядишь на нихъ, и сердце радуется; при чемъ думаешь, какъ-бы не быть здѣшнимъ поселянамъ зажиточнѣе Нѣмцевъ, у которыхъ хлѣба гораздо меньше сѣется. Напротивъ того, все это принадлежитъ арендаторамъ.

Сивержъ не что иное, какъ куча мѣлкихъ хижинъ, по образу всѣхъ Польскихъ мѣстечекъ. Здѣсь стоитъ штабъ-квартира Ладожскаго полка резервной арміи Князя Лобанова-Ростовскаго. За Сиержемъ глубокіе пески и мрачные сосновые лѣса. Мы остановились близъ мѣст. Козьигловы, въ бѣдной деревушкѣ Гензенѣ,

въ обширномъ сараѣ; по крайней мѣрѣ тѣмъ весело, что много товарищей, и питаемся контрибуціею. Теперь вступили мы въ Герцогство Варшавское, гдѣ тарифъ нашъ перемѣнился: офицеру положено въ сутки три фунта хлѣба и фунтъ мяса. До Сивержа, Корпусъ Графа Ланжерона имѣлъ направленіе въ Новую-Галлицію; но Австрійцы добровольно уступили ее Россіи; тогда отъ Сивержа войски круто повернули влѣво, по направленію къ Варшавѣ.

Графъ Ланжеронъ, распуская полки въ отдѣльные Корпусы, чувствительно со всѣми прощался, о чемъ объявилъ приказомъ, гдѣ сказано было, что съ воинами Силезской арміи сдѣлалъ онъ девять кампаній, находился съ ними въ девяти генеральныхъ битвахъ и въ сорока пяти сраженіяхъ; что ихъ храбрости обязанъ онъ всѣми успѣхами Россійскаго оружія; съ ними кончилъ онъ чудесную, опасную и достопамятную войну; наконецъ съ ними онъ былъ — въ Парижѣ. Въ заключеніе всего прибавлено: «Блистательнѣйшимъ днемъ въ моей жизни почту тотъ, когда судьба соединитъ меня опять съ вами!» —

Мы стали дѣлать большіе переходы, по четыре Польскихъ мили въ сутки, выступая около полуночи съ ночлега.

18-го Іюля прошли мѣст. Ченстоховъ, извѣстный по древнему въ немъ монастырю и чудотворному образу Божіей Матери. Монастырь стоитъ на горѣ. Образъ и донынѣ еще богатъ, не смотря на то, что нечестивые Французы ограбили его, и съ монаховъ содрали контрибуцію. Во время ретирады Французовъ изъ Варшавы, въ прошломъ году, Князь Понятовскій, съ 1500 своего войска, засѣлъ въ каменной оградѣ мѣстечка, и держался противъ Барона Остенъ-Сакена шесть недѣль, потому что Генералъ щадилъ болѣе жителей, нежели непріятелей. Однако нѣсколько Русскихъ ядеръ пробили стѣны и въ монастырѣ; три удачные выстрѣла зажгли магазинъ съ провіантомъ; голодъ и недостатокъ воды заставили наконецъ непріятелей сдаться, между тѣмъ какъ самъ Князь Понятовскій успѣлъ уйдти черезъ Галлицію къ Наполеону.

Квартиру имѣли мы, съ артиллеріею, за милю отъ Ченстохова, въ дер. Рандзини, на мызѣ какого-то пана. Домъ по наружности немного обѣщалъ, но внутри хозяинъ дома встрѣтилъ насъ — водкою, а ласковая хозяйка — глазками. Она съ первой встрѣчи атаковала насъ вопросами, не замѣчая что мы, послѣ утомительнаго перехода, теряли контрфорсъ и находились въ сонной

задумчивости. За то на другой день развеселились, и провели время пріятно. Смотря на мебели и затѣи хозяйки, можно было подумать, что она съ мужемъ владѣетъ большимъ помѣстьемъ; напротивъ, всего изъ пятидесяти *дымовъ*, которые они купили, за три года передъ тѣмъ, осталось у нихъ только двадцать, а прочіе выкурились, что доказываетъ ихъ хорошее хозяйство. Панья-господарка не безъ причины жалуется на лѣность своихъ подвластныхъ, потому что они тощи, какъ осеннія мухи... Не новое видѣнъ намъ, какъ паны и арендаторы въ Польшѣ сосутъ кровавый потъ съ несчастныхъ поселянъ, и только сами отъ того тучнѣютъ. Хозяйка, проворная, ловкая, говорливая Полька, не проронитъ крохи даромъ; лепечетъ по-Французски, любитъ сама говорить экивоки, и за Обриспіеромъ нашимъ шибко волочится. Я показывалъ ей забавныя каршинки, штучныя и сквозныя, которыхъ накупилъ въ Ниренбергѣ и въ Дрезденѣ; но она, смотря на нихъ, сказала мнѣ по-Французски: «Я не люблю транспарановъ, или вещей закрытыхъ. . . .» Въ цѣломъ домѣ видна хозяйка; мужъ посторонній человѣкъ. За столомъ, думая похвастать поваромъ, она угощала насъ кислымъ и соленымъ, свини-

ною и поросятами. Въ комнатахъ своихъ расхваливала мебель; показывала намъ тѣнистый альковъ, призывающій на роскошное канапе, для сладострастныхъ думъ. Сервизъ у нея былъ Саксонскаго фарфора — и все это отъ двадцати дымовъ! — Садикъ небольшой, но полонъ затѣй; боскеты, качели, бесѣдочки, павильоны, пирамиды, руины — всему есть мѣсто. Она показывала намъ двѣ ямы, въ которыхъ хотѣла спроить гроты. Мужъ, слѣдуя за нею, и не понимая затѣй своей замысловатой господарки, объяснялся такимъ образомъ: «*Ту бендзе ружны ржечи.*» — Но лучше всего понравились намъ въ саду клубника и малина.

Въ комнату къ намъ явился братъ хозяйки, бывшій во Французской службѣ. Сначала онъ находился въ войскахъ подъ начальствомъ Макдональда, противъ Риги, потомъ въ Данцигѣ, гдѣ, будучи блокированы Рускими, Французы ѣли лошадей, кошекъ и мышей. Этотъ служивый почиталъ себя счастливымъ, что, будучи однажды, при вылазкѣ гарнизона, раненъ Рускимъ штыкомъ, попался въ плѣнъ, послѣ чего выпущенъ, между тѣмъ какъ большая часть гарнизона погибла отъ голода. Претерпѣвши много нужды, и узнавши лучше Рускихъ, онъ былъ скроменъ, вѣжливъ,

а не такой фанфаронъ, какъ бываютъ молодые Поляки.

Ловкость и смѣлость Полекъ происходитъ, кажется, отъ того, что онѣ съ малолѣтства привыкаютъ къ мужчинамъ. Хозяйская дочь, Іозефина, очень миленькая дѣвочка девяти лѣтъ, смѣла, какъ мальчикъ, безотлучно вертится около насъ, балагуритъ, валяется на нашей соломѣ, поетъ, танцуетъ мазурку, вѣшается каждому на шею, и, по ея возрасту, слишкомъ остро говоритъ; но будучи еще невинна или глупенька, не заставляетъ краснѣть ни себя, ни другихъ.

Какъ-бы то ни было, но мы съ признательностію оставили домъ, гдѣ нашли добрую квартиру и пріемъ ласковый. Хозяйка справедливо говорила, что изъ окрестностей сосѣди наиболѣе находятъ у нея забавъ, съѣзжаясь часто на вечеринки.

За мѣст. Клумницы, въ дер. Льготѣ, гдѣ мы остановились для ночлега, панъ-арендаторъ третій день только какъ получилъ во владѣніе тринадцать дымовъ, заплативши въ казну 1,000 злотыхъ (менѣе тысячи рублей). По физіогноміи онъ кажется добръ, но панья-господарка его не выглядываетъ ангеломъ. За то панна-цуречка, дочка, какъ ранняя лилія, пронута упренникомъ нищеты; еще солнце радо-

стей не освѣщало ея, но красота и въ бѣдности оспается красотою. Я поднесъ ей блюдечко земляники, чтобъ видѣть улыбку удовольствія сквозь шуманъ печали и грусти. Несчастная красавица! въ лучшихъ обстоятельствахъ, она была-бы предметомъ обожанія многихъ любимцевъ Фортуны.

Мы и сегодня довольны своимъ хозяиномъ. Поляки, какъ Французы, гостепріимнѣе Нѣмцевъ. Уже мы привыкаемъ къ бѣдной наружности обитателей, и къ безплодной, угрюмой природѣ этихъ мѣстъ.

Въ мѣст. Плавнѣ мы перешли черезъ рѣку Варшу. Вездѣ бѣдность и арендаторы. За мѣст. Радомскомъ, въ дер. Укрошево, на хорошей, по наружности, мызѣ, арендаторъ живетъ только другую недѣлю, послѣ контрактовъ Свентего Яна, а потому еще не успѣлъ завестись хозяйствомъ.

Деревня Барпковицы, подъ мѣст. Каменицы, всего шесть хатъ, и крестьяне въ ней едва похожи на человѣческія существа.. Самое мѣстечко хуже деревни: въ немъ одинъ каменный большой домъ составляетъ украшеніе для всѣхъ, и богатство пана. Съ каждаго дома беретъ онъ чинша, или оброка, по два червонца, и ничего больше знать не хочетъ. Жители говорятъ, что война ихъ испо-

щила, особенно пожертвованіями для возстановленія отчизны: всѣ требованія Французскихъ Маршаловъ, для содержанія войскъ Наполеоновыхъ, были охотно жителями выполняемы, а послѣ стали требовать того-же Москали. Польша теперь какъ политическая корчма, стоящая на распутіи между сильными Державами; кто захочетъ, войдетъ, выпьетъ и закуситъ, не сказавъ спасибо. Мы насилу собрали для себя продовольствіе, платя за все наличными.

Не доходя мили до города Петрикау, остановились въ дер. Крыжановѣ. Привыкши видѣть бѣдность и несчастныхъ обитателей въ проходимой нами песчаной Галлиціи, мы усмотрѣли здѣсь нѣкоторое улучшеніе. Деревня принадлежитъ Герцогству Варшавскому; арендуетъ ее шляхтичъ Токчевскій шесть лѣтъ, и взялъ еще на двѣнадцать. Отъ того-ли, что онъ былъ въ военной службѣ (подъ начальствомъ Генерала Костюшки), гдѣ можно узнать много нужды и научиться жить, только его хозяйство отлично отъ прочихъ арендаторовъ. У него каждый мужикъ есть помѣщикъ всравненіи съ прочими; панщиною онъ ихъ не отягощаетъ, и отъ того встрѣчаются они съ здоровыми, веселыми, хотя смуглыми лицами. За то

добрый арендаторъ Токчевскій награжденъ любовію и усердіемъ подвластныхъ. Во всякое время прохода войскъ непріятельскихъ и нашихъ, онъ зналъ какъ кого принять; отъ того ни одна курица у него не пропала даромъ; даже и теперь, хотя домъ его по наружности бѣденъ, онъ имѣетъ все необходимое для хорошаго хозяина. Отпуская проходящимъ войскамъ припаси съѣстные, онъ беретъ съ нихъ квитанціи, и, выводя счетъ по справочнымъ цѣнамъ, въ круглый годъ почти ничего не платитъ Герцогству, представляя квитанціи, а черезъ то сберегаетъ своихъ крестьянъ. Гусары, квартировавшіе у него передъ нами два дни, стоили ему 4000 злотыхъ; мы стоимъ 1500 злотыхъ; а всего выплачиваетъ онъ съ деревни Герцогству въ мѣсяцъ 7000 злотыхъ, при чемъ увѣряетъ, что въ нынѣшнія смутныя времена гораздо выгоднѣе быть арендаторомъ, нежели владѣльцемъ, потому что владѣльцы теряютъ собственность. Такъ всякое ремесло мастера боится.

По газетамъ, во Франціи возникло несогласіе, и Король принужденъ изгнать всѣхъ противниковъ новой конституціи. Французы жалѣютъ о Наполеонѣ. По этому надобно догадываться, что миръ не продолжится. Войски наши, по новому

расписанію, располагаются на самой границѣ; только резервы идутъ во внутрь Имперіи, какъ то гвардія въ Петербургъ, гренадеры въ Лифляндію и Эстляндію; одна дивизія идетъ въ Финляндію, другая въ Одессу; прочія резервныя войски располагаются въ Литвѣ и въ Подоліи. Дѣйствующіе корпусы занимаютъ часть Герцогства Варшавскаго, отъ Ковно до Кракова.

Мѣстечко Вольбоженъ есть деревня въ зелени, обсаженная тополями; при ней домъ Бискупа Куявскаго составляетъ съ окрестностями хорошій видъ. По пройденному нами пути Герцогства, въ каждой деревнѣ есть на половину пустыхъ хижинъ, и поля не обработаны. Война и разореніе отъ постоя войскъ, заставили многихъ шляхтичей и поселянъ разбѣжаться на заработки подальше, въ разныя стороны, гдѣ нѣтъ войска.

На сегодняшнемъ переходѣ забавлялъ меня разсказами вышедшій изъ плѣна, нашей роты артиллеріи канонеръ Дергуновъ. Онъ былъ оставленъ, сначала кампаніи въ Россіи, при лазаретной каретѣ, въ Яшунахъ, около Вильны. Французы напали на нихъ неожиданно, и захватили всѣхъ больныхъ; но здоровые разбѣжались по полю, въ густую рожь, гдѣ запутались, и также попа-

лись въ руки коннымъ бусурманамъ. Ихъ послѣ отвели и заперли въ Данцигѣ. Когда, по испребленіи Наполеоновой арміи въ Россіи, оставшіеся Французы уходили къ Данцигу, то всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ неожиданно выпустили изъ заточенія, и повели далѣе. Въ Штеттинѣ, во время перехода плѣнныхъ, Комендантъ подучалъ ихъ, чтобы напали на конвойныхъ; они это сдѣлали и освободились. Но вскорѣ вошли въ городъ опять Французы, и, узнавши все дѣло, разстрѣляли Прусскаго Коменданта. Во время прохода черезъ Германію, Дергуновъ шесть разъ покушался бѣжать изъ партіи, и былъ всегда выдаваемъ Французамъ невѣрными Нѣмцами; одни показывали ему дорогу, а другіе отводили къ непріятельскому пикету. Дергуновъ разсказывалъ, что разъ привели его къ самому Бонапарте, который приказалъ было его разстрѣлять, но видя, что онъ не робѣетъ, пощадилъ. Во время гонки нашихъ плѣнныхъ, Французы обращались съ ними весьма жестоко; чуть кто отставалъ, того пристрѣливали. Въ самой Франціи, за Ліономъ, ихъ содержали въ подземельѣ, опредѣляя на день по три фунта хлѣба и по три су (15 копѣекъ). Когда Русскія войски еще не входили во Францію, то плѣнные жили въ казармахъ, и имѣли

свободу. Многія Француженки влюблялись въ моего канонера, прельщали его своимъ богатствомъ, свободою, брали къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ живалъ съ ними по нѣсколь-ку недѣль, и уговаривали его остаться на-всегда; но онъ, вспоминая о женѣ своей и двухъ сыновьяхъ, оставленныхъ имъ въ Россіи, тотчасъ вскакивалъ съ мягкой постели обольстительницы, и шелъ въ казарму, къ товарищамъ неволи. «Отъ од-«ной мысли, Ваше Благородіе!» говорилъ онъ, «быть измѣнникомъ отечеству и Русскимъ «законамъ, у меня сердце замирало!» — Добрый солдатъ! ты достоинъ того, чтобъ имя твое перешло въ потомство.... «Ка-кого Коменданта разстрѣляли? » спросилъ сѣдой Полковникъ, Шефъ Н***скаго полка, проѣзжавшій мимо верхомъ, между тѣмъ какъ коляска съ его спящею супругою та-щилась впереди — и тѣмъ прекратилъ на-шу бесѣду (*).

За мѣст. Любошней остановились въ дер. Яшунахъ. Здѣсь былъ у насъ просторный сарай, въ которомъ валялись мы на души-стыхъ травахъ. Мухи не столько стали насъ тиранить, какъ на прежнихъ пере-

---

(*) Рѣчь о Штетинскомъ Комендантѣ была по-слѣдняя; но я для связи въ повѣсти помѣстилъ ее гдѣ должно.

ходахъ. Обѣдъ у насъ былъ всегда походный: кашица и битокъ. Каждый изъ товарищей занимался по своему произволенію: иной спалъ, другой прохаживался, третій писалъ, четвертый и пятый играли въ пикетъ, а шестой, сидя съ трубкою въ углу, погружался въ сладкую или горькую думу. Такъ проводили мы большею частію время на пути по Герцогству Варшавскому.

Сегодня въ лѣсу, я, ползая на четверенькахъ за черникою, подобенъ былъ тому сыну природы, какихъ желалъ всегда видѣть чувствительный Руссо; но видно самъ онъ не испыталъ такой жизни: иначе, перемѣнилъ-бы свою систему Философіи.

Въ Польшѣ не рѣдко встрѣчаются карикатуры. Когда входили мы церемоніяльно въ городъ Раву, то насъ встрѣтилъ Жидъ, держащій чашу съ похлебкою, которую онъ, смотря на насъ, хлебалъ съ большимъ аппетитомъ; потомъ, сквозь оконничное стекло, видѣли мы даму, занимающуюся своею красотою передъ зеркаломъ: смотря на насъ, она примѣривала себѣ чепчикъ съ розами, отъ чего я разсмѣялся, и она также; потомъ толстопузый Полякъ, съ сѣдыми усами и лысиною на головѣ, ставши передъ открытымъ окномъ своего дома, кушалъ, смотря

на насъ, ломоть хлѣба, толсто намазанный масломъ, и шѣмъ возбуждалъ нашъ аппетитъ; потомъ, на базарѣ, явились оборванные поселяне съ гусями и свиньями, любимыми товарищами фольварочнаго хозяйства экономовъ и арендаторовъ; потомъ увидѣли мы молодую, низенькую даму, подъ рукою высокаго щеголя: изъ подъ шляпки выказывавшееся личико ея, и станъ, обтянутый атласомъ въ форму Венеры, обѣщали что-то очаровательное.... Вотъ достопамятности Равы, которая впрочемъ похожа на обыкновенное Жидовское мѣстечко.

Рота артиллеріи остановилась въ дер. Каноницахъ, а мы расположились на мызѣ. Самъ панъ уѣхалъ въ Варшаву; остался хозяйничать братъ его, молодой, лысый, посѣдѣвшій, шатающійся на ногахъ, съ блуждающими взорами и медленными движеніями человѣкъ; на лицѣ его начертаны слѣды скорой жизни и отравъ роскоши... «Нашъ братъ, гуляка! сказалъ Капитанъ, взглянувъ на него. — Да....и каждый изъ насъ удержалъ невольный вздохъ, не желая шѣмъ обнаружить собственныхъ слабостей. — Этотъ Полякъ, молодой старикъ, служилъ девять лѣтъ въ войскахъ Наполеона за свое отечество, и возвратился изъ Модлина. Эта крѣпость полу-

чила начало въ одно время съ нашимъ Бобруйскомъ; гарнизона въ ней было до 4,000, который вошелъ въ крѣпость за два дни передъ Австрійцами. Австрійцы, по совѣту Графа Милорадовича, хотѣли было провести свой арріергардъ черезъ крѣпость, и потомъ позволить себя блокировать, чтобы вскорѣ сдаться; но Поляки не впустили ихъ. Крѣпость можно было взять зимою отъ рѣки по льду, когда подступалъ къ ней Генералъ Марковъ; но какъ войски тогда нужны были для дѣйствія въ полѣ, то Русскіе Генералы пренебрегли этимъ постомъ, и сберегли старыхъ солдатъ, выдержавшихъ отечественную войну. Послѣ Генерала Маркова присланъ былъ блокировать крѣпость Генералъ Паскевичъ съ своею дивизіею, въ которой считалось не болѣе 2000 челов. войска. Положеніе осажденныхъ сначала было сносно; у нихъ столько хранилось провіанта, что послѣ десятимѣсячнаго блокированія оставалась еще пшеница; наконецъ не доставало мяса, и они ѣли лошадей. Во время перемирія, осажденные имѣли свободу добывать себѣ мясо, и, продавши нѣсколько запасной соли, получили за мѣсяцъ жалованье. Комендантомъ былъ Голландецъ, Генералъ Дендель, Плацъ-Комендантомъ Полковникъ Красницкій, а начальникъ артиллеріи, безъ

ноги, былъ всегда пьянъ. Въ крѣпости находилось сто пушекъ. Значительной вылазки гарнизонъ не могъ сдѣлать, потому что половина его всегда стояла при пушкахъ, на валу, и безпрестанные побѣги весьма уменьшили число его. На случай штурма они запаслись ручными гранатами, смолою, бревнами. Крѣпость, будучи окружена лѣсомъ, скрывала всегда наши блокирующія войски. Поляки безпрестанно ожидали штурма, потому что Рускіе учились лазить на Жидовскія корчмы по штурмовымъ лѣстницамъ, о чемъ лазутчики ихъ увѣдомляли. Съ Варшавою осажденные имѣли сношеніе посредствомъ рѣки, что вскорѣ Рускіе прекратили, поставивъ на рѣкѣ оплотъ. Между тѣмъ блокирующіе крѣпость Генералы и офицеры жили весело, имѣя пріятное знакомство съ окрестными помѣщиками. Днемъ войски скрывались въ лѣсахъ, а на ночь подвозили батареи подъ самую крѣпость, въ предосторожность отъ вылазки. Генералъ Паскевичъ переписывался съ Комендантомъ крѣпости, посылалъ ему газеты и нѣкоторыя необходимости для жизни. Передъ перемиріемъ онъ началъ бомбардированіе, и гарнизонъ скоро-бы сдался; но курьеръ изъ главной квартиры Союзныхъ Монарховъ заставилъ замолчать всѣ батареи

и прекратить военное дѣйствіе. При заключеніи капитуляціи, Комендантъ требовалъ: чтобы гарнизону съ оружіемъ идти во Францію; чтобы до выступленія позволено было ему продать оставшуюся пшеницу, и чтобы имѣть свободу, черезъ три мѣсяца, опять вступить въ службу противъ Рускихъ. Условія были посланы къ нашему Государю на утвержденіе, который рѣшилъ иначе: «Поляковъ распустить «по домамъ, Французовъ взять въ плѣнъ, «пшеницу оставить для Русскаго гарнизо«на; если-же не согласятся на это, то пусть сидятъ въ крѣпости.»—Комендантъ, ожидая подтвержденія своихъ условій, собрался было въ походъ, но получивъ противное, упустилъ средства держаться еще въ осадѣ, и потому сдался. Благоразуміе, съ которымъ онъ умѣлъ защищать крѣпость до послѣдней крайности, дѣлаетъ честь ему, въ примѣръ всѣмъ Комендантамъ.

Отъ Равы до Варшавы мы шли три дни, безъ замѣчательныхъ встрѣчь. Земля здѣсь все такая-же песчаная; равнины и сосновые лѣса.

Войски остановились, за 15 верстъ отъ Варшавы, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, въ 1809 году, Князь Понятовскій (по разсказамъ жителей) съ 600 Поляковъ разбилъ

40,000 Австрійцевъ, имѣя однако 70 орудій артиллеріи и Посполито-Рушеніе. Австрійцы бѣжали, но на другой день, подступивъ къ Варшавѣ, требовали сдачи ея на капитуляцію. Понятовскій долго медлилъ, наконецъ, перешедши въ Прагу, отдалъ Варшаву Австрійцамъ. Между тѣмъ Генералъ Домбровскій, съ сильнымъ отрядомъ зашелъ, черезъ Галлицію, въ тылъ Австрійцамъ, отъ чего они принуждены были сами уходить изъ Варшавы.

Здѣсь сказывали намъ еще, что въ прошломъ году, когда мы топили Французовъ по Силезіи, въ Кацбахѣ и въ Боберѣ, разлитіе рѣкъ Вислы, Варты и Одера причинило много бѣдствій Полякамъ, потопивши семейства ихъ, со всѣмъ имуществомъ. Въ Познани будто-бы цѣлый домъ одного помѣщика и съ гостями плылъ по водѣ, потомъ, ударившись объ мостъ, разрушился; изъ всей компаніи спаслись только двѣ дѣвочки, сидѣвшія на столѣ, отъ которыхъ насилу могли узнать о ихъ фамиліи. Въ другомъ мѣстѣ найдена была плывшая по водѣ колыбель, съ младенцемъ и 200 червонцами. Такъ, въ одно время, пострадали Французы и ихъ вѣрнѣйшіе союзники, отъ враждебной стихіи вооружившейся противъ нихъ природы.

31-го Іюля входили мы церемоніяльно въ

Варшаву, наполненную Русскими войсками. Для этого, у Іерусалимской заставы, переодѣвались, а вступали черезъ Краковское предмѣстіе. Здѣсь смотрѣлъ насъ Инспекторъ всей Артиллеріи, Баронъ Миллеръ-Закомельскій, и былъ доволенъ, что мы, въ продолженіе столь дальняго похода, сберегли кивера и купасы, новые мундиры, тесаки и подсумки; онъ даже сказалъ, что наша рота была лучшая изъ прошедшихъ черезъ городъ, а потому не пустилъ формироваться въ Россію, и оставилъ на границѣ. Въ самомъ городѣ, на площади, при стеченіи множества народа, смотрѣлъ насъ, вмѣстѣ съ прочими войсками, Главнокомандующій. Впрочемъ, какъ ни были всѣ нами довольны, однако не оставили въ городѣ повеселишься, а выслали за Прагу, въ дер. Бялоненки.

Сколько я могъ замѣтить, переходя черезъ Варшаву, что городъ, кажется, больше Дрездена; однако хорошіе домы только на двухъ улицахъ: Долгой и Медовой. Въ Краковскомъ предмѣстіи, на небольшой площадкѣ, стоитъ высокій столпъ, и на немъ статуя Іоанна Собіескаго, воина-Короля, спасителя Вѣны отъ Турковъ, который представленъ въ грозномъ положеніи, съ саблею въ рукѣ. Лавокъ очень довольно; но въ нихъ товаровъ хорошихъ не видно, осо-

бенно галантерейныхъ вещей. Домы большею частію древніе, почернѣвшіе; къ числу отличныхъ зданій принадлежатъ Королевскія палаты, передъ большою площадью, и Кадетскій Корпусъ; есть нѣсколько частныхъ хорошихъ домовъ. Вообще въ городѣ много нечистоты и неопрятства, особенно тамъ, гдѣ живутъ Жиды. Городъ обнесенъ валомъ, который, со стороны Праги, срытъ, и почти не осталось слѣдовъ крѣпости. Рѣка Висла показалась мнѣ здѣсь нѣсколько шире Эльбы въ Дрезденѣ; мостъ на плашкотахъ, потому что рѣка судоходна и плашкоты часто разводятся. Обнаженные берега завалены строевымъ лѣсомъ, и не даютъ хорошаго вида. На мосту собираютъ пошлину съ каждаго пріѣзжающаго и выѣзжающаго. Въ Варшавѣ множество трактировъ; главнѣйшіе изъ нихъ Hôtel de France, Hôtel d'Allemagne, Hôtel de Hambourg, и лучшій, Hôtel de Wilna, куда, говорятъ, самъ Инспекторъ нашъ часто ѣздитъ обѣдать, и вся знать или богачи, потому что у лѣстницы встрѣчаетъ швейцаръ. За хорошій обѣдъ платится по червонцу, а за обыкновенный по рублю серебромъ. Между множествомъ военныхъ встрѣчались молодые Поляки, отставные Наполеоновы воины, во фракахъ, съ усами, удалые забіяки. Городъ во многихъ мѣстахъ выж-

женъ и запущенъ. Говорятъ, Княгиня Р*** ѣздила ко всѣмъ Русскимъ Генераламъ собирать пожертвованія въ пользу погорѣлыхъ; но одинъ изъ нихъ сказалъ ей, что онъ всѣ лишнія деньги свои отдалъ на погорѣлыхъ въ Москвѣ. Долго Варшава, какъ упорная красавица, не сдавалась Русскому Царю; долго Поляки ссорились и враждовали съ Рускими, своими единоплеменниками; теперь, наконецъ, она сдалась, и два народа, прекративъ взаимную вражду, составятъ одну дружественную націю, непобѣдимыхъ Славянъ великой Имперіи. По другую сторону Вислы предмѣстіе Прага, славная до Суворовскаго шпурма, теперь-же не что иное, какъ раззоренное, опустѣвшее мѣстечко.

2-го Августа пришли мы въ д. Непорентъ. — Велика-ли деревня? — «О, велька, пане, пятьдесятъ господарей!» — И чтоже? Экономъ, ксёнзъ и почтарь на лицо, а всѣ прочіе господари-мужики разбѣжались по мѣстечкамъ, на заработки къ Жидамъ, оставивъ хаты пустыми, на дрова постояльцамъ. Оставшіеся сказывали, что деревня приведена въ раззореніе отъ воды и войны. Это было намъ не совсѣмъ пріятно. Мы, а съ нами канонеры и лошади, должны были въ этотъ день быть на строгой діэтѣ; уже ввечеру получено было скудное продоволь-

ствіе, за которымъ нарочно посылали мы черезъ пески и лѣса, за 20 верстъ, въ Жидовское мѣстечко.

Отъ Варшавы, по маршруту, назначены были намъ небольшіе переходы, и черезъ два дни дневка, для того чтобы облегчить насъ въ столь продолжительномъ маршѣ; но вмѣсто того, при весьма скудномъ продовольствіи, люди и лошади очень отощали и не весело маршировали.

Пройдивъ м. Сиротска, рѣка Бугъ впадаетъ въ Нареву, черезъ которую деревянный мостъ; правый берегъ, гдѣ стоитъ мѣстечко, высокъ, а лѣвый низокъ; дремучіе лѣса простираются вокругъ на большое пространство. Мѣстечко было окопано валомъ, и составляло родъ мостоваго укрѣпленія, которое теперь вовсе раззорено. Мы нашли готовыя казармы и конюшни. На площади стоитъ пирамида, сооруженная Поляками въ память мечтательной свободы и побѣды надъ Австрійцами. Мѣстечко не значительное, однако въ немъ три трактира и красавицы. Мы стали въ лучшемъ домѣ. Въ сѣняхъ, надъ дверями, означенъ 1798 годъ, и нарисована рыба, въ аршинъ величиною, которую поймали на этомъ мѣстѣ во время разлитія Наревы, то есть, что въ означенномъ году вода поднималась тутъ до 15 саженъ высо-

ты: по этому можно судить, сколько она причинила тогда опустошенія и бѣдствій.

Идемъ лѣсами и песками; вправо у насъ рѣка Нарева. Переходы скучные.

Передъ Пультускомъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на тѣ поля, гдѣ въ 1806 году, Декабря 14, Генералъ Бенингсенъ удержалъ стремленіе Французовъ и заставилъ Наполеона отступить.

Я воображалъ Пультускъ порядочнымъ городомъ; но, видно, въ Польшѣ хорошихъ городовъ не много. Мы до вечера не могли найдти себѣ сносной квартиры. Къ несчастію, съ нами путешествуетъ вновь сформированная дивизія гренадеровъ, до 3,000, а потому офицеры ихъ заняли всѣ лучшіе домы. Городъ хотя довольно обширенъ, но большею частію выженъ, или истребленъ войною. Замокъ, костелъ, и нѣкоторые домы даютъ ему видъ города, а впрочемъ онъ хуже Нѣмецкой деревни. Не найдя себѣ квартиры, мы остановились въ Австріяцкомъ трактирѣ, откуда стройная, со всѣми совершенствами прелестная хозяйка, хотѣла было насъ выгнать; но мы спросили обѣдать, исправно заплатили ей, и помирились, такъ что она стала даже улыбаться. Впрочемъ, для ночлега надлежало искать квартиры. Я ходилъ изъ дома въ домъ, и у одной вдовы, Нѣм-

ки, жены прежде бывшаго казначея, остановился на нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ, потому что услышалъ Нѣмецкій языкъ, и на минуту воображалъ себя въ счастливой Германіи. Увидѣвъ дочь ея, скромную блондинку, я невольно вдался въ пріятную съ нею бесѣду; однако, не желая наскучить бѣдной, хотя доброй женщинѣ, пошелъ таскаться по городу, и насилу къ вечеру нашелъ порожнюю избу у отставнаго солдата, гдѣ и переночевалъ, какъ былъ, не раздѣваясь.

Бывало, во Франціи и въ Германіи, послѣ каждаго перехода, у меня голова полна была впечатлѣніями новыхъ предметовъ, и я не успѣвалъ о нихъ писать въ свою походную тетрадь; а теперь — все тѣ-же лѣса, пески, и въ городѣ Ружанахъ та-же бѣдность обитателей.

Нѣсколько дней видимъ мы возвращающихся изъ Россіи плѣнныхъ Французовъ, взятыхъ въ Данцигѣ. Они идутъ изъ Кіева и Чернигова; многіе находились въ Бобруйскѣ, на крѣпостной работѣ, и весьма жалуются на свою несчастную участь, отъ которой неожиданно освободились.

Мѣстечко Остроленка такое-же, какъ и всѣ прочія въ Польшѣ: нѣсколько Жидовскихъ домовъ, базарная площадь, и костелъ посрединѣ ея. По крайней мѣрѣ здѣсь вид-

ны люди, а по деревнямъ ни одного мужика: всѣ разбѣжались. Тамъ избы заросли овсомъ, а улицы полынью; только еще корчмы остаются обитаемы неустрашимыми шинкарями. Мы нарочно днюемъ въ Остроленкѣ, чтобы отспать отъ пѣхоты, которая была съ нами неразлучна. Квартира наша у Солянаго Пристава, лучшая въ мѣстечкѣ, хотя домъ хуже нежели у Нѣмецкаго поселянина. Портретъ *его Мосци* надъ дверями придаетъ не мало величія пустымъ комнатамъ.

Мы все идемъ лѣсами и песками, около Наревы, черезъ бѣднѣйшую часть Герцогства Варшавскаго.

Городъ Ломза показался намъ довольно пріятнымъ, потому что погода прояснилась; а когда природа весела, то и человѣкъ не унываетъ съ нею. Въ городѣ много было собрано плѣнныхъ Французовъ, взятыхъ въ Данцигѣ, которые возвращаются въ свое отечество воинами: въ шишакахъ, съ ранцами и съ палашами. Офицеры верхомъ и въ полной униформѣ. Всѣ они находились въ Курской и Орловской губерніяхъ; очень довольны хлѣбосольствомъ Русскихъ помѣщиковъ, которые брали офицеровъ въ свои домы, учить дѣтей языкамъ, танцовать, или кто во что горазд. Нѣкоторые учители столько подру-

жились съ помѣщиками, что поженились на своихъ ученицахъ, и остались въ Россіи. Возвращающіеся во Францію вывозятъ изъ Россіи много дворовыхъ собакъ, которыя выучились лаять по-Французски. Мы не безъ основанія думали, что великое число плѣнныхъ Французовъ, распространившись въ Россіи во многихъ семействахъ, конечно повредили простоту нравовъ, прививши свою порочность къ юнымъ питомцамъ, которыхъ невинность, упирая слезки, вспорхнула.

Въ Ломзѣ великій Наполеонъ, гонимый судьбою и всѣми ужасами бѣдствій изъ Россіи, остановился на постояломъ дворѣ, и допустилъ къ себѣ на аудіенцію Префекта. Онъ, сказывали намъ, очень хотѣлъ кушать, но ему не нашли ничего лучшаго, какъ только простаго желе, или Польскаго студеня, и Жидовскихъ бубликовъ. Въ замѣну такой скудости, Префектъ предложилъ изъ своего погреба двѣ бутылки стараго Французскаго вина, изъ которыхъ Мамелюкъ, всегдашній сопутникъ Наполеона, одну спряталъ для себя, говоря, что Императоръ старъ, такъ пусть пьетъ молодое вино, а ему молодому надобно пить старое.

Даже и здѣсь, на лубочномъ театрѣ, путешествующіе изъ Кракова акперы пред-

ставляли оперу Донъ-Жуанъ, но такъ дурно, что, послѣ Мангеймскаго и Дрезденскаго представленія, надобно было зажмуриться и бѣжать вонъ.

Ломза стоитъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу Наревы, которая, протекая здѣсь извилинами, расширяетъ берега; отъ чего образуются пріятные виды.

При дер. Менжини остановились мы въ пустой мызѣ Плоцкаго Префекта Рамбульскаго, весьма богатаго вельможи, имѣющаго хорошій домъ подъ Варшавою, и купившаго, около Слонима, помѣстье за три милліона злотыхъ. Передъ домомъ, озеро съ плотинами обсажено тополями; при домѣ садъ съ тѣнистыми аллеями, и множество фруктовыхъ деревъ, которыя мы порядкомъ обревизовали. Кто-бы не захотѣлъ жить въ такомъ привольѣ! Но обстоятельства времени заставили владѣльца отказаться отъ мирныхъ удовольствій сельской жизни.

Городъ Тыкочинъ лучше Ломзы. Посреди площади стоитъ монументъ Польскаго вельможи, Графа Браницкаго; статуя, изъ простаго камня, держитъ въ рукѣ бронзовую булаву. Напротивъ статуи является красивый фасадъ костела, Азіятской архитектуры. Частныхъ домовъ хорошихъ не много.

Здѣсь предѣлъ Герцогству Варшавскому, и на мосту Наревы рогатка границы Россійской.

При насъ проходили здѣсь плѣнные Французы, съ музыкою и полнымъ экипажемъ. Возвращались-ли когда либо Русскіе плѣнные изъ Франціи такъ откормленные и въ такомъ хорошемъ видѣ, съ нажитымъ имуществомъ? Напротивъ того, какъ по слухамъ извѣстно, около Реймса и во всей Шампани убивали нашихъ солдатъ, возвращавшихся изъ госпиталей.

Наконецъ кончили мы заграничный походъ свой, прямо отъ Парижа до Россіи, съ 1 го Апрѣля; за исключеніемъ квартированія въ Сенъ-Мену, находились въ походѣ четыре мѣсяца, и прошли болѣе 1700 верстъ: прошли черезъ многія земли — и ногъ не оттоптали.

ГЛАВА IX.

КАНТОНИРЪ-КВАРТИРЫ.

Вступленіе въ Россію. — Бѣлостокъ. — Свислочь. — Графъ Тышкевичъ. — Дурныя квартиры. — Костелъ. — Ярмарка. — Театральныя пьесы. — Редутъ. — Командировка. — Театръ въ Бѣлостокѣ.

Прощай Саксонія, Силезія, Германія, Франція! прощайте милыя страны! вы насъ кормили, поили и нѣжили! — сказалъ Русскій солдатъ, переступивъ черезъ пограничную рогатку и обращаясь назадъ; потомъ, перевернувшись, вскричалъ: «Здравствуй, распрекрасная матушка Россія! Чтобъ тебѣ вѣчно благоденствовать! . . .» Такъ Рускіе, возвратившись, привѣтствовали свое отечество. Отечество! . . . Это сладкозвучное слово много въ себѣ заключаетъ. Мы дрались за него, проливали кровь, мы жертвовали для него жизнію: мы спасли — свое счастіе, которымъ должны наслаждаться въ родимой сторонѣ; мы охранили величіе Трона, обезпечили благосостояніе вельможъ, и сами — на-

сладимся плодами трудовъ своихъ. Побѣдившсли непобѣдимыхъ, въ непріятельской землѣ мы принимаемы были врагами, какъ друзья, союзниками, какъ избавители. Въ своемъ отечествѣ всѣ смотрятъ на насъ умильно, у всякаго въ глазахъ читать можно: мы вамъ очень рады, домы наши для васъ открыты, пользуйтесь всѣмъ, что найдете въ нихъ; но побѣдители враговъ отечества столько великодушны, что становятся на биваки въ своей землѣ, и ѣдятъ свой крупникъ съ сухарями. Хотя тріумфальныхъ воротъ для нихъ не было приготовлено, но они сами, вмѣсто лавровъ, натыкали въ шапки свои еловыхъ вѣтокъ, какъ вѣчно зеленѣющій миртъ ихъ доблести.

Въ 3 часа ночи, 13-го Августа, перешли мы свою границу, черезъ рогатку, на Наревскомъ мосту, въ Тыкочинѣ.

Ни кто изъ таможенныхъ чиновниковъ не останавливалъ насъ для обыска контрабанды: всѣ были увѣрены, что мы не промотались на такія бездѣлки. Нарева здѣсь столько разорвана въ своемъ теченіи, что мы перешли девять мостовъ на пространствѣ двухъ верстъ. Отъ самой рѣки до Бѣлостока шли, болѣе 30 верстъ, все аллеею; деревни встрѣчались наполненныя жителями; хлѣбъ съ полей убранъ; крестьяне въ

хорошихъ кафтанахъ и даже въ сапогахъ, чего въ Герцогствѣ Варшавскомъ давно мы не видали. Тамъ все изнурено, раззорено, и жители оставляютъ мѣста своего отечества; а потому не мало Поляковъ и Жидовъ перебѣжало оттуда въ наши границы.

Въ 2 часа по полудни пришли мы къ Бѣлостоку, да два часа ожидали, покуда намъ позволено было войдти. Мы вступили въ городъ церемоніяльно, съ еловыми вѣтками на киверахъ, такъ-же чисто и опрятно какъ въ Варшавѣ, и Капитанъ нашъ получилъ такую-же благодарность отъ Генерала Капцевича.

Бѣлостокъ больше Гродно, но строеніемъ хуже; домишки небольшіе, рынокъ плохой. Есть только одна галантерейная лавка, гдѣ продаютъ шарфы, хомуты, сахаръ, чай и помаду. Лучшіе домы выстроены Пруссаками, и составляютъ липовую улицу; но они заняты госпиталемъ. Величіе Бѣлостока составляютъ тополевыя аллеи, и замокъ, принадлежавшій когда-то сестрѣ Польскаго Короля Мнишкѣ, а нынѣ казенный. Замокъ довольно еще уцѣлѣлъ отъ сокрушительной силы времени; при немъ большой садъ, но безъ воды, и хотя есть аллеи Италіянскія и рощи Англійскія, однако въ пріятности для прогулокъ не

могутъ сравниться съ Несвижскою Альбою Князя Радзивила.

Отъ Бѣлостока, черезъ мрачный лѣсъ на пять добрыхъ миль, прошли мы къ мѣст. Гродекъ, которое не что болѣе, какъ деревня, съ костеломъ и синагогою; оно стоитъ на границѣ Гродненской губерніи. За 300 лѣтъ, мѣстечко принадлежало Генералу Хатковскому, который, во время войны съ Турками, взялъ ихъ до 2000 въ плѣнъ, построилъ на этомъ мѣстѣ замокъ и монастырь, и плѣнныхъ поселилъ; потомъ все это огородилъ валомъ, отъ чего и произошелъ городокъ. Нынѣ, слѣдовъ нѣтъ этого основанія, кромѣ вала, на которомъ построенныя хижины развалились. Мѣстечко, принадлежавшее Князю Радзивилу Несвижскому, перешедшему къ Наполеону, состоитъ нынѣ въ государственной опекѣ.

Мѣстечко Свислочъ можно пожаловать въ города. Мы не ожидали, чтобы оно было такъ хорошо, вправеніи съ другими. Версты за три, открываются на чистомъ полѣ, изъ-за лѣсочка, чистые домики, одинаковой формы, съ бѣлыми трубами. Подъѣзжая ближе, встрѣчаете аллеи; съ моста на право пріятно тѣшится взоръ квадратнымъ озеромъ, съ островкомъ, гдѣ, подъ тѣнію деревъ, стоитъ бесѣдка. Домъ

самого помѣщика, Графа Тышкевича, деревянный, простой, однако въ хорошемъ мѣстѣ, окруженъ садомъ съ стриженными деревьями. Я не видалъ ни одного провинціяльнаго города, который былъ-бы такъ чисто и регулярно выстроенъ, какъ мѣст. Свислочъ: это Мангеймъ въ миніатюрѣ. Отъ обширной площади проведено шесть улицъ; каждая изъ нихъ оканчивается каменными воротами ; по одной идетъ проспектъ къ дому Графа. На площади, въ одной сторонѣ обширная биржа, въ которую теперь, для ярмарки, съѣзжаются купцы. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на бородачей нашихъ, съ Вяземскими пряниками, съ сапогами, и съ чаемъ, какъ на старыхъ знакомыхъ. Улицы широкія ; домики, единообразные, раздѣлены между собою широкими дворами; изъ оконъ выглядывали не Жидовскія рожи, а милыя личики оффиціянтокъ Графскихъ. Для украшенія площади стоитъ по срединѣ пирамида.

Помѣщикъ, Графъ Тышкевичъ, очень богатъ и бездѣтенъ. Говорятъ, въ наслѣдники себѣ назначилъ онъ одного изъ бѣдныхъ крестьянъ, добраго хозяина, потому что и самъ произошелъ изъ простыхъ поселянъ.

До нашего прихода, въ Свислочѣ квартировалъ Генералъ Хитровъ, формировав-

шій кирасировъ. Нѣкоторые чиновники и больные съ обозомъ еще оставались; а потому, хотя назначены для нашей артилеріи здѣсь кантониръ-квартиры, однако мы не нашли помѣщенія, и завтра должны будемъ разойдтись въ окрестныя деревни.

По назначенію Капитана, мнѣ, съ частію роты, досталось стоять за три версты отъ Свислоча, въ дер. Пацуѣ. Пріемъ отъ пана былъ довольно грубъ. Имѣя обширный домъ, онъ показалъ мнѣ квартиру въ хижинѣ, похожей на куряшникъ. Сначала я негодовалъ, требовалъ лучшаго постоя, но удостовѣрившись въ обширности семейства панскаго, то есть во множествѣ дѣтей и нянекъ, согласился, что ему самому должно быть тѣсно въ шести комнатахъ; причемъ вспомнилъ, что я уже не въ гостяхъ, а у своихъ, гдѣ не позволятъ быть разборчивымъ. Если-бы я чувствовалъ въ карманахъ своихъ тяжесть звонкой добродѣтели, или имѣлъ-бы въ виду что либо лучшее настоящаго, то конечно избѣгнулъ-бы необходимости умолять этого шляхтича о пристанищѣ, за доставленное ему спокойствіе нашими трудами; но жестокія обстоятельства заставили пользоваться настоящимъ... что дѣлать? — въ куряшникѣ! Пусть день и ночь скважина въ стѣнѣ, называемая ок-

номъ, и двери безъ дверей будутъ откры-
ты; можетъ быть свѣжій воздухъ очис-
титъ смрадъ и гнилость. Теперь я дол-
женъ жить самъ хозяиномъ, и уже на яр-
маркѣ купилъ чашку, стаканъ и ложку;
но мой пудель сегодня такъ-же голоденъ,
какъ и я.

На другой день съ хозяиномъ и хозяй-
кою у меня перемиріе, послѣ котораго
конечно вскорѣ послѣдуетъ миръ; мы еще
не соглашаемся въ демаркаціонной линіи:
онъ отдаетъ для постоя моимъ канонерамъ
только шесть хатъ, а я велѣлъ занять всѣ.
Валяясь въ своей канурѣ, которая длиною
восемь, а шириною четыре шага, я узналъ,
что у моего сосѣда, товарища Унгерна,
еще хуже: хотя цѣлый фольварокъ въ его
владѣніи, и четыре комнаты, но въ нихъ
только однѣ стѣны и окна. Экономъ не
даетъ ему ни ведра, ни топора, и съ тру-
домъ продалъ курицу. По крайней мѣрѣ то-
варищъ мой можетъ наслаждаться природою
черезъ большое окно, видѣть какъ по двору
утки раскачиваются и поговариваютъ о
постояльцѣ, или какъ индюки, надуваясь,
волочатся за равнодушными индюшками;
я-же лишенъ и этого удовольствія.

Я не ожидалъ, чтобы въ такомъ не-
большомъ мѣстечкѣ, какъ Свислочъ, мо-
жно было найдти столько удовольствій. По-

утру открылся кирмашъ, или ярмарка. Вся площадь была наполнена возами, и при каждомъ изъ нихъ разныя группы; шумъ крестьянъ, бабъ, и крикъ гусей, возносились выше пирамиды. Черезъ площадь прополкался я въ костелъ; онъ не великъ и былъ весь наполненъ народомъ. На лавкахъ сидѣли пріѣзжія помѣщицы и шляхтянки; нѣсколько изъ нихъ было миловидныхъ, но ни одной такой, которою-бы можно было любоваться; онѣ читали очень прилежно въ своихъ молитвенникахъ, и не рѣдко оглядывались на входящихъ зрителей. Сельскія бабы, въ сѣрыхъ кафтанахъ, съ бѣлыми повязками на головахъ, занимали все пространство между стѣнами и лавками, на колѣнахъ, или сидя на полу. Онѣ держали на рукахъ своихъ или ребятъ съ бубликами, или куръ и пѣтуховъ, которыхъ крикъ иногда мѣшался съ звуками органовъ и съ гимнами поющихъ.

Изъ костела зашелъ я въ трактиръ: тутъ у первѣйшаго шулера, зеленаго маіора (такъ назвали мы его по свѣтло-зеленому сюртуку) выигралъ пять червонцевъ, да у своихъ три; и такъ обѣдъ, спектакль и редутъ мнѣ ничего не стоили.

Графъ Тышкевичъ, построеніемъ биржи для складки товаровъ сдѣлалъ много пользы себѣ и пріѣзжающимъ купцамъ, кото-

рые съ удобностію раскладываютъ въ лавкахъ свои товары, не опасаясь вреда отъ дурной погоды. Впрочемъ, товары не замысловатые: сельской потребности. Купцы наиболѣе Жиды изъ Бердичева, и Суздальскіе бородачи. Въ галлереѣ, между лавками, прогуливалось много дамъ и паненокъ.

Въ 7 часовъ вечера, послѣ трехъ выстрѣловъ изъ пушки, началось представленіе въ Графскомъ театрѣ. Театръ небольшой, домашній, но довольно хорошо украшенъ: съ ложами, партеромъ и райкомъ. Оркестръ игралъ порядочную увертюру; но музыканты, видно, крѣпостные, а инструменты домашней работы. По всему видно, что у Графа были свои запѣи. Открылся занавѣсъ, и мы увидѣли актера, который поутру проигрался зеленому маіору. Онъ корчилъ маски по смыслу словъ, не чувствуя своей роли. Первая пьеса была комедія на Польскомъ языкѣ: *Должно любить женщинъ*. Одинъ Лордъ, отказавшись отъ женщинъ, путешествуетъ и останавливается въ трактирѣ. Къ нему приходитъ старый другъ его, отставной морякъ, который безпрестанно поетъ, бранитъ женщинъ, и радуется, что жена его умерла. Вдругъ является бѣдная дѣвушка, съ гитарою; она своимъ нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ, своими вздохами и слезами, своими

томными глазками и повѣствованіемъ о несчастіи, обыкновенномъ для красавицъ, плѣняетъ Лорда. Англичанинъ, не смотря на свою суровость, чувствуетъ нѣчто въ груди, въ сердцѣ, и утѣшаетъ красавицу драгоцѣннымъ перстнемъ, а потомъ на ней женится. Акприса, панна Колосова, прекрасно сыграла свою роль. Я замѣтилъ, что Польскій языкъ музыкаленъ, особенно въ устахъ миловидной красавицы, хотя въ немъ есть весьма тяжелые слоги: *прше*, *брже*, и проч. Послѣ комедіи, въ антрактѣ, Виленскій виртуозъ Реутъ игралъ на сценѣ полонезъ-концертантъ, по методѣ славнаго Роде; игра его была очень свободна и пріятна; скрыпка звучала, какъ колокольчикъ, и иногда удивляла переходами въ чуждые тоны. Потомъ два дѣйствующія лица представили оперу въ одномъ актѣ: Егерь великаго пана, будучи на охотѣ, заблудился ночью и, разсуждая вслухъ съ бутылкою вина, запѣлъ пѣсню. Эхо всегда повторяло послѣдній слогъ. Егерь, призываемый эхомъ, идетъ; вдругъ является женщина съ корзиною, искавшая грибовъ, которая также заблудилась ночью; она поетъ, и оба сталкиваются въ темнотѣ. Послѣ разныхъ балагурствъ между ними, и откровенностей, одной на счетъ мужа, а другаго на счетъ жены,

наконецъ егерь проситъ боговъ возвратить день, чтобы увидѣть ему эту любезную женщину, которая ковала-бы ему рога, если-бы онъ былъ мужъ ея. Сцена изъ ночи превратилась въ день, и егерь узнаетъ въ женщинѣ свою жену. Развязка была весьма забавная. Мужъ съ женою подрались за свое дурное мнѣніе другъ о другѣ, но скоро опять помирились, размысливъ, что отъ ихъ несогласія разстроится хозяйство. Оба играли порядочно; актриса пѣла звонко, бѣгло и пронзительно. Въ голосѣ женщины скрывается какая-то сила, дѣйствующая на чувства; слыша нѣжный, мелодическій голосъ, воображаешь ангела; но визгливый, тонкій голосъ крикуньи представляетъ вѣдьму. Если притомъ пѣвица дурна собою и отвратительной фигуры, то это явленіе хуже дьявола. Опера и для нравственности была соблазнительна: видя ночныя сцены мужчины съ женщиною, дѣвушки-зрительницы, кажется, невольно краснѣли. Вообще пьесы, въ которыхъ любовь представляется порывистою страстію, вредны для невинныхъ дѣвушекъ: всѣ тайны любви, свиданія, изъясненія, хитрости, поцѣлуи, записочки, на театрѣ видимыя, служатъ урокомъ для вступающихъ въ свѣтъ весталокъ, которыя сами, по склонности

своего сердца, скоро пожелаютъ быть такими-же актрисами въ большомъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе что актеры всегда передъ глазами. Какъ бы то ни было, но театръ Графа Тышкевича, сверхъ чаянія, оказался лучше всѣхъ видѣнныхъ нами во Франціи, выключая Нанси.

Черезъ часъ послѣ театра, пошелъ я въ редутъ: это значитъ въ Польшѣ собраніе кавалеровъ и дамъ, для танцевъ и карпежничества, гдѣ заплативши при входѣ полтину серебромъ, всякъ хорошъ за свой грошъ. Важные люди опорочиваютъ пляску, а набожные почитаютъ ее дьявольскимъ наваждeніемъ; но по мнѣ тутъ ничего нѣтъ худаго: движеніе безподобное. Вертясь съ красавицею въ вальсѣ, или рѣзвясь между ними въ кадрили, воображаешь себя Султаномъ въ сералѣ. Очень пріятно въ нашемъ сословіи, послѣ угрюмаго занятія съ свинцовыми пѣшками, изрѣдка повеселиться въ кругу милыхъ. Жена зеленаго маіора была привлекательнѣе всѣхъ томностію взоровъ, улыбкою на устахъ и ловкостію въ танцахъ. Это милое существо, укутанное въ оранжевую шаль, мелькало у всѣхъ передъ глазами, какъ вечерняя бабочка. О, зеленый маіоръ! спокоишь-ли ты ея въ награду за твое ужасное искусство обыгрывать нашу братью! Не-

счастная другую недѣлю какъ за мужемъ, и не видится съ мужемъ, и всегда въ слезахъ о своей участи. Жестокосердый отецъ не пощадилъ ея, отдавши старому калекѣ; при немъ она принуждена скрывать свое горе, и находить тайныя удовольствія, для которыхъ рождена со всѣми совершенствами. Многіе, достойнѣйшіе искали руки ея, но деньги и толстые эполеты передъ всѣми восторжествовали. Отецъ продалъ ее, не наслаждаясь барышемъ своимъ, но устроивъ ея несчастіе. Не значитъ-ли это, лучше не производить дѣтей, нежели быть ихъ убійцами? Какая дочь будетъ благословлять память родителей, которые причиною ея бѣдствія?

Дамы въ Свислочѣ довольно просты, и воспитаніе дѣвушекъ не отличное. Многія изъ нихъ болтаютъ по-Французски, танцуютъ мазурки, и поютъ пѣсни съ гитарою: это верхъ воспитанія. Всѣ онѣ смѣлы, ловки, и при маленькихъ несчастіяхъ не приходятъ въ замѣшательство. Пансіонное воспитаніе у нихъ опъ домашняго весьма различно: послѣ перваго дѣвушки бываютъ выправлены, сантиментальны, и опъ строгой діэты, чтобы не быть дородными, блѣдны и худощавы; за то болѣе остроумны и любезны; въ домашнемъ же воспитаніи панны являются тяжелы-

ми, полсѣпыми, красными, шуноумными, или молчаливыми, шакъ что съ перваго взгляда можно опличишь пансіонерку опъ фольварочной панны, воспишывающейся съ гусями.

Меня подняли до свѣша изъ моего куряшника, насшрашавши инспекшорскимъ смошромъ опъ Дивизіоннаго Командира. Я въ полной формѣ, сломя голову, побѣжалъ на разсвѣшѣ дня въ Свислочъ, и нашелъ всѣхъ спящими. Офицеры, писавшіе до 3-хъ часовъ ночи вѣдомосши и принадлежащія къ смошру бумаги, проспали пріѣздъ Бригаднаго Командира.

Я получилъ предписаніе ѣхашь въ Бѣлосшокъ, по шребованію Генерала Капцевича, для черченія плановъ; и пошому, набивши чемоданъ своимъ піишическимъ богашсшвомъ, съ удовольсшвіемъ проспился съ добрымъ хозяиномъ куряшника; онъ шакже радъ былъ моему опъѣзду.

Между шѣмъ ярмарка въ Свислочѣ разъѣхалась, но акшеры успѣли предсшавишь нѣсколько пьесъ Мольеровыхъ, какъ-то *Доктора по неволѣ* и *Школу женщинъ*, довольно удачно.

1-го Сеншября, на шряской шѣлежкѣ проѣхалъ я 9-шь миль изъ Свислоча къ Бѣлосшоку, и явился къ Генералу, а пошомъ къ Оберъ-Кварширмейсшеру Свиты ЕГО ВЕЛИ-

ЧЕСТВА, Полковнику Пенскому. Онъ тотчасъ объявилъ мнѣ, что командируетъ меня въ Гродненскую губернію для военной рекогносцировки, или для составленія топографическаго, статистическаго и стратегическаго описанія Кобринскаго уѣзда, вмѣстѣ съ увеличеніемъ и исправленіемъ карты этого уѣзда, со всѣми подробностями мѣстоположенія. Задача для меня еще небывалая; однако припомнивъ все, чему нѣкогда учился, я началъ приготовлять себѣ сѣть карты, формы вѣдомостей, запасаться инструментами и проч.

Бѣлостокъ не такой городъ, гдѣ-бы можно было промотаться. Трактировъ хорошихъ нѣтъ; лучшій на Варшавской улицѣ, гдѣ одна мадамъ содержитъ пансіонъ дѣвушекъ шляхтянокъ, отдаваемыхъ фольварочными панами для просвѣщенія. На счетъ собираемой за воспитаніе суммы, мадамъ завела тракширъ, и нанимала въ учители плѣнныхъ Французовъ. Другой ресторатёръ и кандитеръ жилъ почти подъ землею, въ самомъ нижнемъ этажѣ большаго дома казино; третій у горбатой паньи, содержащей пансіонъ нимфъ радости. Для гулянья замковый садъ былъ-бы хорошъ, если-бы тамъ не оставалось все въ запущеніи, и не приходило въ разрушеніе. Къ числу пріятныхъ развлеченій въ Бѣлостокѣ можно при-

соединишь театръ, съ порядочными актерами.

Здѣсь я видѣлъ представленіе Польской драмы: *Рекрутскій наборъ*; переводъ съ Русскаго. Слова ни мало не были искажены Польскимъ нарѣчіемъ, и вся пьеса хорошо сыграна. Я восхищался увидѣвши Русскую національность, хотя на театрѣ. Изъ актеровъ Г-нъ Генцель, игравшій роль Обиралова, былъ чрезвычайно характеренъ, и не уступалъ въ искуствѣ нашему Пономареву. Зрители часто ему аплодировали. Онъ умѣлъ выражать себя не только языкомъ, но чертами лица и всею физіогноміею. Самъ режиссёръ театра, Г-нъ Каминскій, хорошо представлялъ старосту, а Г-нъ Фишеръ былъ весьма характеренъ въ роли Ипполита. Новая актриса представляла Анюту слабо. Зрители были очень довольны пьесою, часто аплодировали; даже я видѣлъ слезы на глазахъ, подъ очками одного чувствительнаго Нѣмца-зрителя, при прощальной сценѣ Алексѣя съ родными: это тріумфъ актеровъ. Можно-бъ было выкликнуть Генцеля, но низкая роль его того не позволяла; за то онъ самъ вышелъ для объявленія пьесы на слѣдующій разъ, и былъ встрѣченъ и провожаемъ громкимъ, всеобщимъ рукоплесканіемъ.

ГЛАВА X.

РЕКОГНОСЦИРОВКА.

Путь изъ Бѣлостока. — Обозрѣніе Кобринскаго уѣзда. — Занятія въ Бѣлостокѣ.

6-го Сентября дали мнѣ шнуровую тетрадь, прогоны, и открытый листъ для свободнаго путешествія по всему Кобринскому уѣзду. Въ первый день я проѣхалъ только до дер. Копыла, 100 верстъ, чего даже не ожидалъ, судя по весьма изнуреннымъ крестьянскимъ лошадямъ. На пути встрѣчалось много тѣлегъ съ крестьянками, разряженными по-деревенски, которыя спѣшили съ пѣтухами и гусями въ городъ, на рынокъ, потомъ въ костелъ, потомъ въ корчму. Не мало также встрѣчалось плѣнныхъ Французовъ, возвращавшихся изъ Тамбова и Саратова, которыхъ собирали въ Бѣлостокъ. Уѣздный городокъ Бѣльскъ, въ пяти миляхъ отъ областнаго, весьма бѣденъ. Для воскреснаго дня вездѣ веселье въ шинкахъ, гдѣ Жиды играютъ на скрыпкахъ и въ цим-

балы. По деревнямъ поселяне, въ праздничныхъ кафтанахъ, какъ мухи передъ тепломъ, сидятъ на завалинахъ, около своихъ хижинъ, и грѣются на солнышкѣ. Давно я не наслаждался картиною столь мирнаго сельскаго быта: ни кто уже не думалъ о непріятеляхъ, и слѣды войны исчезли. День солнечный, природа улыбается: она похожа теперь на пожилую прекрасную женщину, которой прелести хотя поблекли, но слѣды ихъ еще остаются. Послѣднія 20 верстъ, изъ мѣст. Клещели до Копыла, я ѣхалъ ночью и заблудился. Жиды по корчмамъ не хотѣли выходить показывать мнѣ дорогу: все спало. Ночью по лѣсамъ ѣздить непріятно. Наконецъ я дотащился до Копыла, вошелъ въ фольварокъ, и, вздувши самъ огонь, къ счастію нашелъ въ первой комнатѣ готовую постель, а въ другой развалившагося соннаго эконома; я тотчасъ послѣдовалъ за нимъ въ царство Морфея.

Говорятъ, седьмое число несчастное, и добрые люди ничего не начинаютъ съ Понедѣльника. Я хотѣлъ испытать силу этого предразсудка, и точно, какъ на зло, ничего не сдѣлалъ седьмаго числа, въ Понедѣльникъ. Мой унтеръ-офицеръ, посланный вчера впередъ, заблудился, и заставилъ меня ждать себя въ Копылахъ до десяти часовъ.

Добрый экономъ угостилъ меня кофеемъ и завтракомъ. Будучи 70 лѣтъ, онъ еще свѣжъ и моложавъ, не смотря на то, что недавно лишился всего семейства: трехъ сыновей и жены. Двѣ дочери его за мужемъ, за драгунскими офицерами, которые стояли здѣсь для формированія полковъ.

Въ мѣст. Каменцахъ я промѣшкалъ за лошадьми; всѣ въ разгонѣ: то на подставу для проѣзда Государя, то на ярмаркѣ въ Кобринѣ, то въ полѣ, на работѣ. Не желая терять времени, я на прежнихъ лошадяхъ доѣхалъ до дер. Глинянки, 65 верстъ. Мнѣ желательно было начать рекогносцировку Кобринскаго уѣзда съ селенія Булькова, крайняго отъ Брестъ-Литовска; но дьявольскимъ наваждeніемъ седьмаго числа и Понедѣльника заѣхалъ я почти на Пружанскую дорогу, въ деревню Вешки.

Въ слѣдующій день началомъ своего дѣла я былъ доволенъ. Отъ д. Вешки проѣхалъ до Булькова, 40 верстъ, и описалъ въ одинъ разъ то, что думалъ сдѣлать въ три дни. Правда, много работы: замѣчать положеніе всѣхъ деревень, разстояніе между ними, направленіе рѣчекъ и дорогъ, величину и положеніе лѣсовъ, что все должно означить на картѣ; сверхъ того замѣтить мѣста, удобныя для нападенія, или обороны войскъ; означить число дворовъ, число душъ, чис-

ло рогатаго скота, лошадей, состояніе и промышленность жителей каждаго селенія, такъ что у меня, въ продолженіе дня, голова опъ многихъ впечатлѣній и напряженія внимательности заболѣла; но я до полуночи чертилъ и писалъ. Помѣщиковъ по деревнямъ находилъ рѣдко; только въ Спешанкахъ и въ Соколахъ были они; въ Рачкахъ жилъ отставной Генералъ, а въ Булькове Маршалкова Райская. Сама она уѣхала, но оставшаяся панна-оффиціянтка, съ голубыми глазками и заячьимъ ротикомъ, угостила меня ужиномъ, который приправила своими умильными взглядами; но я погруженъ былъ въ мечтанія о спатистикѣ Кобринскаго уѣзда, больше нежели о ея зайчьемъ ротикѣ.

Здѣсь Генералъ Тормасовъ, въ 1812 году, 14 Іюля, узнавъ, что Кобринъ занятъ непріятелемъ, отправился туда съ одною кавалеріею для рекогносцировки; въ слѣдующій день соединился онъ тамъ съ авангардомъ Генерала Чаплица, и сдѣлалъ расположеніе для нападенія. Помѣщикъ Булькова, Маршалъ Райскій, узнавъ, что, во время сраженія Рускихъ съ Саксонцами, въ Кобринѣ сгорѣлъ домъ его, столько сокрушился, что черезъ четыре дни самъ умеръ.

Вчера, поутру въ 9 часовъ, проѣзжалъ черезъ Бульковъ Государь Императоръ и пилъ

здѣсь кофе. Онъ выѣхалъ изъ С. Петербурга 2-го числа, съ Княземъ Волконскимъ, и ѣдетъ въ простой колескѣ, день и ночь, поспѣшая на Вѣнскій Конгрессъ. Здѣсь ожидали его Исправникъ и Дворянскій Предводитель двое сутокъ, и ночи не спали, раскладывая по дорогѣ костры съ огнемъ; но 7-го числа, къ пріѣзду, какъ на грѣхъ, всѣ уснули. Государь былъ веселъ; милосердіе въ чертахъ лица его освѣщалось пріятною надеждою, что все исполнится по его желанію тамъ, гдѣ соборъ Союзныхъ Монарховъ опредѣлитъ судьбу Европейскихъ Державъ, и утвердитъ ихъ національную независимость.

Весь слѣдующій день ѣздилъ я по болотамъ, къ Брестъ-Литовску. Во Франтополѣ, на мызѣ, обѣдалъ у почтеннаго Подкоморія Бѣльскаго, добраго старика, который весьма облегчилъ мои поиски, разсказавши о всѣхъ деревняхъ, лежащихъ на югъ къ Дивину и Мокранамъ, между лѣсами и болотами. Дѣтей у него куча: два сына и три дочери на лицо, одинъ другаго меньше. Когда Рускіе и Австрійцы проходили попеременно черезъ его фольварокъ, онъ защищался своими дѣтьми: точно, все уцѣлѣло, выключая съѣстнаго и питейнаго, и онъ ничего не потерялъ, кромѣ денегъ на контрибуцію. На ночь пріѣхалъ

я къ брату его въ Атачизну, при дер. Рогознѣ. Мыза стояла особо, и была лучшая изъ всѣхъ, какія до этого времени я видѣлъ. Онъ принялъ меня сухо, какъ обыкновенно принимаютъ проѣзжающихъ мародёровъ; но прочтя открытый листъ, и замѣтивъ во мнѣ уступчивость, потому что я соглашался возвратиться въ деревню, для ночлега въ корчмѣ, удержалъ и повелъ въ гостиную, извиняясь, что имѣетъ большое семейство. Въ комнатѣ я увидѣлъ много дамъ; богатая мебель, блескъ лампъ и свѣчей меня ослѣпили, а танцующія по срединѣ комнаты, подъ музыку форпеліано, двѣ дѣвушки восхитили. Я думалъ быть вдругъ перенесеннымъ изъ болотъ въ волшебный замокъ Феи. Балетъ продолжался съ полчаса, и я былъ недвижимъ, устремивъ взоры на милую малюшку, прекрасную дѣвочку, танцующую легко и весьма хорошо по своему возрасту: прыжки ея уподоблялись прыжкамъ голубка, когда онъ ласкается къ своей голубкѣ. Другая дѣвушка, вдвое повыше первой, гораздо скромнѣе перебирала ножками, которыхъ искуство скрывало длинное платье. Смотря на нихъ, я былъ не безъ мыслей: какъ лестно называться отцемъ! Имѣя съ десятокъ обоего пола малютокъ, пустилъ-бы ихъ прыгать передъ собою:

вотъ и балетъ; а когда всѣ заговорятъ; или завоютъ, вотъ и опера. Домашнія забавы должны быть очень радостны; я замѣтилъ, что мать была довольна искуствомъ своей малютки, обнаруживающей дарованіе; въ совершенномъ возрастѣ она конечно вскружитъ головы многимъ вздыхателямъ. Въ числѣ присутствующихъ было нѣсколько красавицъ: одна пріѣзжая изъ Харькова, молодая, любезная дама; другая, дѣвушка, еще лучше ея, похожая на Сенъ-Менускую мамзель Эмилію; она была съ кораллами на шеѣ такъ-же какъ и та.... О женщины! какъ вы очаровательны! При васъ я дѣлаюсь осторожнѣе, осмотрительнѣе; при васъ обдумываю каждое слово и каждый шагъ, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ вашихъ, или невыгоднаго мнѣнія; при васъ я дорожу однимъ взглядомъ вашего одобренія. Вы точно сотворены природою для образованія нашего сердца, для внушенія намъ пріятнѣйшихъ ощущеній: только съ прекрасною, умною женщиною можно вкушать истинное блаженство жизни!

Его Мосць, помѣщикъ въ кунтушѣ и съ усами, сосѣдъ моего хозяина, не переставалъ еще быть приверженцемъ великаго Наполеона, и всю мудрую политику Союзниковъ предоставлялъ судьбѣ, въ ожида-

ніи патріотическаго участія всей Польши. Хозяинъ чѣмъ далѣе тѣмъ внимательнѣе былъ ко мнѣ, и мы разстались такъ хорошо, какъ худо встрѣтились.

На другой день мнѣ было очень много работы. Я объѣздилъ рѣчку Мухавецъ и поживился только курочкой у паньи, въ Сехновичахъ. Эта бойкая баба разсказывала мнѣ множество анекдотовъ объ Австрійцахъ, Испанцахъ, бывшихъ у нея въ гостяхъ, и про то, что она не дала Губернатору денегъ для пріема Государя, начитавши въ Варшавской газетѣ, что Государь Императоръ нашъ запрещаетъ всякія издержки для своей встрѣчи. — «Вотъ польза отъ газетъ, сказалъ я: — И *за певнѣ* (и точно), отвѣчала она.

Узнавши, что въ дер. Липвинкахъ квартируетъ Артиллеріи Капитанъ С***, съ конною ротою, я покатилъ къ нему. Это былъ старый мой товарищъ, однокашникъ корпусный. Пріемъ отъ стараго товарища, который всегда ниже меня сидѣлъ въ классахъ, былъ довольно сухъ, по причинѣ чрезвычайнаго разстоянія между нами: онъ былъ уже Капитаномъ, и ротнымъ командиромъ, а я скитающимся Поручикомъ.

Вотъ я объѣздилъ западную часть Кобринскаго уѣзда, по болотамъ. При Круп-

чицахъ, гдѣ герой Суворовъ выигралъ знаменитое сраженіе надъ Поляками, и замѣнилъ военную позицію; но правый флангъ, черезъ Сливовскій перевозъ, могъ быть обойденнымъ. Къ вечеру пріѣхалъ я въ Кобринъ. Квартиру показали мнѣ у смердящихъ Жидовъ; по крайней мѣрѣ я утѣшался тѣмъ, что отъ меня зависѣло пробыть здѣсь болѣе или менѣе. Городъ весь выженъ войною; множество оставшихся трубъ показывали только мѣста бывшихъ жилищъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ едва построили нѣсколько избушекъ и рынокъ. Лучшій домъ теперь у Исправника.

По утру, глазомѣрно снялъ я на планъ погорѣвшій городъ съ окрестностями. Не имѣя лошади, я обѣжалъ главныя улицы мѣрнымъ шагомъ, обошелъ вокругъ города, и что видѣлъ, то начертилъ. Трудно быть военнымъ землемѣромъ: надобно имѣть вѣрный глазъ, чтобы не ошибаться въ разстояніяхъ, твердую память и навычную руку.

Я спѣшу своею работою, черчу и пишу съ утра до вечера, и все еще не могу кончить обозрѣнія за четыре дни моей поѣздки. Погода прекрасная; дни солнечные, веселые; вечера лунные, романическіе. Я хожу, по вечерамъ, прогуливаться на мостъ; замѣчаю физіогноміи проходя-

щихъ мимо животныхъ; любуясь маленькими, крылатыми творенiями, которыя, при лунномъ свѣтѣ, на поверхности воды прыгая другъ черезъ друга, оживляютъ зашихшую влагу. И они имѣютъ свои страсти: всеобъемлющая душа міра оживляетъ такъ-же водянаго комара, какъ воздушную ласточку и земнаго человѣка.

Кобринъ много потерпѣлъ отъ несчастнаго для Саксонцевъ сраженiя 15-го Iюля, 1812 года. Генералъ Кленгель имѣлъ неосторожность выставить передъ городомъ большую часть кавалерiи, по дорогѣ къ Булькову, противъ отряда Графа Ламберта, и оставилъ лѣвый флангъ свой совершенно открытымъ со стороны Анаполя. Главнокомандующiй Генер. Тормасовъ, замѣтивъ такую оплошность, тотчасъ отрядилъ Генерала Чаплица, чтобы онъ приступилъ къ городу съ этой стороны, который и атаковалъ его 13-мъ егерскимъ полкомъ; между тѣмъ Графъ Ламбертъ сбилъ выставленную противъ него кавалерiю, отъ чего непрiятель долженъ былъ засѣсть въ крайнiе домы, и въ устроенные наскоро окопы. Прибывшiе всего Корпуса или арміи Генер. Тормасова довершило гибель Саксонцевъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ. Графъ Ламбертъ тотчасъ отрядилъ Полковника Князя Мадатова, съ легкою

кавалерією, черезъ Мухавецъ, въ тылъ непріятелю, на Пружанскую дорогу. Тщетно девять часовъ защищались Саксонцы въ окопахъ, въ домахъ, въ каменномъ монастырѣ и на мосту. Генералъ Чаплицъ усиленъ былъ еще Ряжскимъ полкомъ, и батальономъ Апшеронскаго, съ которыми успѣлъ занять мостъ; городъ горѣлъ со всѣхъ сторонъ; и потда всѣ оставшіеся въ немъ сдались военноплѣнными: попался и самъ Генералъ, въ наказаніе за то, что съ 4,000 войска хотѣлъ удержаться противъ 30,000 Рускихъ. Столь знаменитая побѣда весьма дешево досталась нашимъ. Отсюда Генералъ Тормасовъ подвинулся съ своею арміею къ Пружанамъ.

Донынѣ еще Поляки весьма расположены къ Французамъ. Это я могъ замѣтить по слѣдующему анекдоту. Въ трактиръ при мнѣ вошелъ плѣнный Французъ во фракѣ, занимавшій въ свое время здѣсь должность Коменданта. Онъ застадъ въ трактирѣ много знакомыхъ, которые встрѣтили его съ удовольствіемъ, и начали подчивать, какъ стараго пріятеля, виномъ и пуншемъ; только одинъ напомнилъ ему, что онъ имъ недоволенъ. Французъ этимъ обидѣлся, вспыхнулъ, и сталъ дурнымъ Польскимъ языкомъ самъ себя хвалить, говоря, что онъ всѣмъ дѣлалъ добро, и

и ни кто не можетъ сказать про него худа; что впрочемъ мнѣніе одного человѣка для него ничего не значитъ. Я по выговору замѣтилъ какой онъ націи, прервалъ его по-Французски, и бывшій Комендантъ сталъ то-же самое повторять, съ краснорѣчіемъ и каламбурами своего національнаго языка. Антагонистъ его хотѣлъ поддержать собственную честь, назвалъ Француза хвастуномъ, лжецомъ; потомъ заговорили о сатисфакціи, зашумѣли, застучали.... Я ушелъ, не желая быть свидѣтелемъ дуэльной глупости, и замѣтилъ притомъ, какъ легко разсердить Француза, который, съ горячимъ темпераментомъ, какъ пѣтухъ, всегда готовъ драться.

На другой день я выѣхалъ изъ Кобрина. Погода вдругъ перемѣнилась: вѣтеръ и дождь устремились на меня, какъ враждебныя силы, запрудняя на каждомъ шагу тощихъ клячь, везущихъ, въ тряской шѣлежкѣ, съёжившагося подъ шинелью попографа. По Дивинскому пути заѣхалъ я въ такъ называемыя болота Шляхетскія и Іезуитскія, гдѣ люди живутъ всегда какъ лягушки, въ водѣ. Вся эта страна, близъ Кобрина, принадлежала нѣкогда Генералу Гельвигу, служившему при Суворовѣ въ Русскомъ войскѣ. Самый Кобринъ съ окрестностями принадлежитъ Графу Суворову.

Въ продолженіе отечественной войны, у Гельвига сгорѣли, въ Кобринѣ имущества на 200,000 рубл., и прекрасный домъ его, въ полу-верстѣ отъ города. Несчастный, лишенный всего, на старости лѣтъ, безъ жены, безъ семейства, доживаетъ теперь свой вѣкъ въ бѣдной хижинѣ, уцѣлѣвшей при дворѣ его; ходитъ въ нагольномъ тулупѣ и въ калпакѣ, имѣя при себѣ наличныхъ денегъ всегда не болѣе пяти рублей ассигнаціями, между тѣмъ какъ коммисаръ, или шляхтичъ-экономъ, управляющій его имѣніемъ, наживается и шучнѣетъ, представляя своему пану-философу акуратные отчеты, гдѣ приходъ съ расходомъ вѣренъ.

На обѣдъ поспѣлъ я въ Рудцы къ отставному и больному Прапорщику Б***. Прадѣдъ его получилъ это имѣніе въ подарокъ отъ героя Суворова, въ 1794 году (*). Жена отставнаго Прапорщика была та самая прекрасная дама, которою я любовался въ Ашачизнѣ. Она родилась въ Харьковѣ, но женскій жребій завелъ ее съ молодымъ мужемъ такъ далеко отъ родины. Оба они приняли меня, какъ Русскіе, съ искреннимъ радушіемъ. Имѣніе ихъ находилось два года въ арендѣ у Кобрин-

(*) За пораженіе Польскихъ Конфедератовъ, Суворовъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II-й въ Кобринскомъ уѣздѣ значительное помѣстье.

скаго Городничаго, армейскаго Маіора, который не только не заплатилъ имъ ничего за эпо, но еще съ нихъ взялъ 500 рубл. за выкупъ аренды; опъ того они казались шеперь бѣдными, и не успѣли завестись хозяйствомъ. Хозяйка жаловалась, что она не можетъ привыкнуть къ обманчивымъ ласкамъ и холодной вѣжливости Поляковъ, которые съ медомъ на губахъ храняпъ горькую желчь въ сердцѣ, и заводятъ безпрерывныя тяжбы; сильные стараюпся раззорять слабыхъ. Она не могла еще завести въ уѣздѣ ни съ какою Польскою дамою искренняго знакомства, а потому не безъ причины тоскуетъ о своей родинѣ. Точно, Русскому жить между Поляками, по укоренившейся непріязни этихъ послѣднихъ къ первымъ, значитъ искать добровольно раззоренія. Здѣсь почти каждый сосѣдъ жалуется на сосѣда, и каждый по своему правъ; но разбирать ихъ правду и самъ Шемяка сталъ-бы въ тупикъ. Однако общій голосъ негодованія устремляется на трехъ важнѣйшихъ въ уѣздѣ особъ: сѣдаго Исправника, безносаго Секретаря судейскаго и вѣтренаго Маршалка.

Изъ Рудцевъ я поѣхалъ въ Камень Шляхетскій, гдѣ нашелъ магазиннаго депутата, съ которымъ познакомился еще въ Черевачицахъ. Онъ описалъ мнѣ молодаго

помѣщика Б***, какъ офицера дурнаго поведенія, проигравшаго въ карты свое имѣніе. Только женившись на вдовѣ, при помощи ея приданаго и складчины отъ друзей, онъ могъ выкупить безразсудно потерянное добро. Послѣ этого я догадался, отъ чего Кобринскій Городничій, за два года своего арендаторства, ничего не заплатилъ молодому помѣщику, и еще съ него взялъ; такъ удалые Городничіе не упускаютъ случая ловить рыбку на свою удочку. Депутатъ выхвалялъ мнѣ жену этого помѣщика, какъ умную женщину, которая вездѣ за своего больнаго мужа хлопочетъ, и, будучи прекрасна, вездѣ успѣваетъ, потому что красота имѣетъ непреодолимую силу побѣждать самыхъ угрюмыхъ судей. Не смотря на то, что съ первымъ мужемъ жила шесть лѣтъ, сохранила всю свѣжесть и молодость.

20-го Сентября стало холодно и показался снѣгъ. Въ такое время непріятно быть походнымъ типографомъ. На то служба. Цѣлый день ѣздилъ я по болотамъ въ сѣверо-западной части уѣзда. Ночевалъ въ д. Буховичахъ, въ домѣ почтенной бабушки Н***. Тутъ видѣлъ только одинъ женскій полъ. Меня встрѣтила сговоренная невѣста какого-то счастливца, пожилая барышня, внучка почтенной бабушки,

тюмная, блѣдная красавица: она сговорена съ 50,000-ми злотыхъ за одного молодца, котораго сама избрала себѣ по сердцу. Такимъ образомъ бабушка уже двухъ сестрицъ этой внучки пристроила; теперь дошла очередь до послѣдней. Сватовство не бездѣлица; надобно умѣть прибрать парочку: старушки это дѣло лучше разумѣютъ. Самъ хозяинъ дома, вельможный панъ, находится въ Петербургѣ по какому-то подряду, для полученія изъ казны нѣсколькихъ десятковъ тысячъ злотыхъ. Коммисаръ, или экономъ, къ пріѣзду пана своего, вновь пристроенныя деревянныя комнаты умазываетъ глиною, или обиваетъ пестрыми бумажками. Въ продолженіе ужасовъ послѣдней войны, всѣ внучки разбѣжались изъ этого дома; оставалась одна неустрашимая бабушка, для охраненія имущества. Дѣйствительно, при ней все уцѣлѣло, потому что она умѣла встрѣчать, угощать и провожать, какъ враговъ, такъ и пріятелей. Когда съ пріѣзда ввечеру вошелъ я въ комнату, то старушка, увидѣвши военнаго гостя, испугалась. Мнѣ сказали, что бабушка вздрагиваетъ, иногда и вскрикиваетъ даже, если кто стукнетъ стаканомъ, брякнетъ ложкою, двинетъ стуломъ, шаркнетъ ногою, и проч.; а потому, въ при-

существіи ея, соблюдается строгая тишина: всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шепотомъ. Въ силу такого устава, и желая угодить бабушкѣ, я ужиналъ за общимъ столомъ весьма тихо, осторожно и экономно. Она, при ней томная внучка, еще степенная компаньонка ея, почтительный экономъ и я, сидѣли всѣ скромно, за умѣренною трапезою. Босыя служанки носили кушанья, и остерегались производить стукъ. Въ угодность бабушкѣ, я долженъ былъ послать ночью своего унтеръ-офицера въ другую деревню за лошадьми, для утренней поѣздки; бабушка бережетъ своихъ подвластныхъ, которые еще не завелись лошадками.

Вокругъ Кобрина разъѣзжалъ я то справа, то слѣва. Сегодня выѣздилъ верстъ 60, въ окрестностяхъ города, по лѣсамъ и болотамъ. Былъ въ имѣніи Генерала Энгельгардта; проѣзжалъ мимо Плянты, господскаго дома Генерала Гове. Въ Запрудахъ добрый экономъ накормилъ меня, и разсказалъ о болотахъ выше дер. Поддубья, гдѣ, 31-го Іюля 1812 года, Австрійцы, подъ начальствомъ Генерала Ренье, обходили лѣвый флангъ арміи Тормасова, при Городечнѣ расположившейся, при чемъ Тирольцы и Кроаты продирались по поясъ черезъ болото, почитаемое непроходимымъ; они не-

ели ружья на головахъ; и, перешедши болото, ударили на нашихъ, противъ Подубья. Это сраженіе чуть не было выиграно Австрійцами, и только наступившая ночь остановила ихъ стремленіе, а Генералу Тормасову дала возможность поспѣшнѣе отступить къ Кобрину, который занятъ былъ послѣ Австрійцами 1-го Августа.

Къ вечеру я поспѣлъ въ Грушаны, и прямо на ужинъ. За столомъ нечаянно застalъ трехъ Маршалковъ, или Дворянскихъ Предводителей, которые съѣхались сюда по случаю *полеванья*, или звѣриной охоты.

Между ними узналъ я Губернскаго, богатаго и вельможнаго пана, Маршалка П***, сталъ внимательнѣе къ себѣ, и на вопросы его отвѣчалъ осторожно. Этотъ важный Маршалокъ имѣетъ обычай, ежегодно, съ товарищами, по приглашенію, и съ большою свитою псарей, стрѣлковъ и харповъ (борзыхъ собакъ), цѣлый Сентябрь прогуливаться по лѣсамъ всей Гродненской губерніи; за волками, которыхъ такимъ полеваньемъ множество истребляетъ, и на зиму обезпечиваетъ свои и сосѣдей своихъ овчарные заводы. До этого времени онъ затравилъ уже 22 волка. Послѣ ужина, Маршалки еще до полуночи сидѣли за кар-

ками; но я, удивляясь ихъ дѣятельности, увернулся, для успокоенія, за двери, въ холодную комнату, гдѣ, къ удовольствію своему, нашелъ гитару, которою занялся не съ меньшею ревностію, какъ и Маршалки карпами. Въ продолженіе ужина, Маршалокъ П*** обходился со мною очень ласково; я не видалъ въ немъ той гордости, которою онъ прикрывался во время даннаго имъ бала въ Слонимѣ, передъ начатіемъ войны, въ 1812 году. Онъ разсказывалъ мнѣ, что недавно былъ въ Варшавѣ, у Фельдмаршала, знаетъ тамъ всѣхъ Генераловъ, и Государь Императоръ удостоилъ быть у него на завтракѣ. Этотъ Маршалъ богатѣйшій панъ въ цѣлой Литвѣ, и весьма хорошій хозяинъ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ.

По утру, на другой день, Маршалки поѣхали къ Хомску за волками, а я продолжалъ путешествіе свое на востокъ отъ Кобрина. Къ вечеру пріѣхалъ въ Базиліянскій монастырь Таракановъ. По странному названію этому, я дѣйствительно думалъ заѣхать въ царство таракановъ, однако, къ удивленію моему, въѣхалъ въ огромное, бѣлокаменное, обширное зданіе, представлявшее издали нѣчто величественное. Тутъ, у смиренныхъ братій, удаленныхъ отъ мірской суеты, я тотчасъ нашелъ гостепрі-

имство, когда письменный талисманъ мой открылъ имъ мое право на спашистическіе поиски во всѣхъ углахъ Кобринскаго уѣзда. У братій этихъ, по ихъ бѣдности, находилась подъ бокомъ деревенька въ 300 дымовъ, принадлежащая имъ или монастырю, для содержанія шестнадцати мірскихъ ошшельниковъ. У нихъ нашелъ я пріютъ въ скромной кельѣ, и вкусилъ отъ ихъ трапезы, причемъ, выпивши стаканъ портвейна, уснулъ такъ крѣпко, что, проснувшись на другой день, почувствовалъ себя гораздо здоровье. Такъ, въ этой священной обители, и самая пища съ питіемъ возстановляетъ потерянныя трудами силы.

Самого Игумена не было въ монастырѣ; онъ находился въ мѣст. Бѣденѣ, Слонимскаго повѣта, въ капитулѣ на конгрессѣ, гдѣ избираются у нихъ новые Игумены и казнохранишели. Меня приняли и угостили отецъ Викарій, и Ксенже Профессоръ. Этотъ Профессоръ имѣлъ значительную физіогномію, быстрый, проницательный взглядъ, и обнаруживалъ въ поступкахъ и разговорахъ своихъ езуитскій разумъ. Отъ него узналъ я, что монастырь Таракановъ существуетъ болѣе 300 лѣтъ. Онъ Базиліянскаго ордена, и основанъ *почцивою панею* (почтенною госпожею) Пясецкою, которая, изъ усердія къ православной Ка-

толической вѣрѣ и Св. Базилію, все имѣніе свое употребила на сооруженіе и содержаніе двухъ монастырей, Тараканова и Жидычина, опредѣливши для обоихъ 500 душъ. Въ монастырѣ есть школа Ксёнзовъ, или Духовная Семинарія, изъ которой они выпускаютъ умныхъ людей для распространенія своей религіи. Во время прошедшей войны, Австрійцы, или Французы, прогнали всѣхъ этихъ смиренныхъ братій въ Вильну, а въ монастырѣ учредили военный госпиталь, отъ котораго и донынѣ еще свирѣпствуетъ здѣсь нервная горячка. Дѣйствительно Ксенже Профессоръ доказываетъ то своею желтизною на продолговатомъ лицѣ; но отецъ Викарій, красными щеками и обширною округлостію своего кафтана, обнаруживаетъ противное: можетъ быть Профессоръ занимался болѣе умственными, а Викарій тѣлесными трудами.

Послѣ двухъ филижанокъ доброй кавы, отъ смиренныхъ братій Базиліяновъ Таракановскихъ отправился я на цѣлый день для своего странствія. Старая карта, по которой приводилось мнѣ повѣрять Кобринскій уѣздъ, была столько невѣрна, что я принужденъ былъ сочинить другую. Въ полдень пріѣхалъ я въ замокъ Закозелье; тутъ два молодые помѣщика, братья Орѣшки, встрѣтили меня, какъ армейскаго офицера,

съ снисходительною благосклонностію; за это я пренебрегъ ихъ обѣдомъ, и, распросивши о чемъ надобно, отправился далѣе. Долго путался я по болотамъ, и на ночь пріѣхалъ въ Осовцы. Вхожу въ большой домъ, пустой и холодный; въ послѣдней комнатѣ, передъ каминомъ, сидѣли два пана: одинъ въ нагольномъ тулупѣ, а другой въ шлафрокѣ. Послѣдній, своимъ сходствомъ съ гостепріимными Орѣшками, поразилъ меня; не очарованіе-ли это?—Но какъ мнѣ должно было остановиться тутъ для почлега, то я подалъ ему свой письменный талисманъ, или открытый листъ. Это опять два брата Орѣшки, но пріемъ ихъ былъ весьма различенъ отъ первыхъ. Они казались бѣднѣе, а потому и были ласковѣе. Компанія наша увеличилась землемѣромъ. Это значило, что четыре брата, послѣ смерти отца своего, дѣлятъ имѣніе: Закозелье, Овзичи и Осовцы. Отецъ ихъ былъ Повѣтовымъ Судьею, и нажилъ порядочное состояніе; для наслѣдниковъ это кладъ, но кредиторы всю наличность обобрали, и отъ того такъ оба дома пусты; послѣдніе-же два брата недавно оправились отъ горячки. Въ уѣздѣ мѣстами еще свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни, оставленныя непріятельскими госпиталями, такъ что жители цѣлыми селеніями хвораютъ, и много ихъ умираетъ.

Объѣзжая восточную часть уѣзда, на ночь пріѣхалъ я въ имѣніе Маршала Пуславскаго, отъ Хомска три версты, прямо въ фольварокъ. Тутъ увидѣлъ во всемъ благоустроенное хозяйство, отличное отъ хозяйства прочихъ помѣщиковъ: и овцы шучныя, охраняемыя сибирскими псами, и мѣльницы крупчатки о многихъ поставахъ, и сукновальни, и самые крестьяне рослѣе и здоровѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ уѣзда. Вотъ каково быть добрымъ хозяиномъ: невидимое око его всюду надзираетъ, и въ самомъ отсутствіи, кажется, все онъ видитъ. Довѣренный экономъ дѣятеленъ, усерденъ. Когда я вошелъ къ нему, онъ былъ окруженъ десятниками и войтами, которымъ отдавалъ приказанія и нарядъ на завтрашнія работы, съ не меньшею важностію, какъ полковой командиръ фельдфебелямъ.

Мѣстечко Хомскъ стоитъ у болота, близъ рѣчки Ясіолды, на песчаномъ возвышеніи и на открытомъ мѣстѣ; строенія въ немъ деревянныя, потому что вокругъ довольно лѣса. Жидовъ здѣсь я не замѣтилъ. На суконной фабрикѣ выдѣлываютъ ежегодно 13,000 аршинъ сукна, которое идетъ на Гвардію.

Отъ Хомска, черезъ Гошевъ, на ночь пріѣхалъ я въ Бездежъ. — «Откуда панъ пріѣхалъ я въ Бездежъ. — «Откуда панъ пріѣ-

ѣхалъ?» спрашиваетъ меня экономъ. — Изъ Хомска!—«Якъ по можно, цѣлый день ѣхать полмили!»—Нѣтъ, я выѣздилъ десять миль.» — А для чего, панъ, такъ кружилъ? » — Чтобъ быть въ Бездежѣ. —«Дивная рѣчь!»

При мѣст. Мотолѣ, стоящемъ на р. Ясіолдѣ, я любовался озеромъ, въ длину версты на двѣ, въ ширину саженъ четыреста. Такой картины въ природѣ давно не видывалъ: въ концѣ озера, мыза среди желто-зеленой рощи; вода, какъ зеркало ровная, отражала въ себѣ домы, рощу и возвышенные берега; рыбаки, попарно на лодочкахъ, тихо разводили свои сѣти; день вечерѣлъ; заходящее солнце позлащало предметы, и облака, которыя рисовались на гладкой поверхности водъ; прохлада и чистота въ воздухѣ освѣжали чувства. Я былъ восхищенъ красотами природы. Казалось, сами жители чувствовали ихъ, и, въ обновленной одеждѣ для воскреснаго дня, раздѣляли со мной восторгъ мой. Мѣстечко казенное, и крестьяне были веселы. Женщины являлись въ простомъ, но пріятномъ нарядѣ; нѣкоторыя обнаруживали свое щегольство лентами и платками яркихъ цвѣтовъ. Сюда не касалось жало войны; отъ того сохранилось благосостояніе жителей.

На пути отъ Мотоля, я увидѣлъ другую, небесную картину, великолѣпнѣе пер-

вой. Солнце склонялось къ западу. Скопившіяся съ востока густыя, свинцовыя тучи занимали отъ горизонта половину неба, и медленно двигались стѣною на западъ; часть земли подъ ними одѣта была мракомъ, между тѣмъ какъ на другой заходящее солнце еще золотило предметы. Оранжевыя облачка, разсѣянныя по чистой половинѣ неба, безпечно ожидали къ себѣ сильную тучу, не страшась быть поглощенными ею. Такъ младенцы безпечно взирали на враговъ отечества, приходившихъ разорять жилища отцовъ ихъ, и похищать самихъ малютокъ. Еще послѣдній лучъ угасающей зари золотилъ верхушку могильнаго креста между сухими соснами; громада тучь, повисши надо мною, устрашала громами. Я чувствовалъ величіе и могущество силъ небесныхъ. Мысль, вперенная съ младенчества о кончинѣ міра и будущей жизни, во мнѣ мелькнула. Я воображалъ видѣть разверзающіяся небеса, и тамъ страшнаго Судію, низвергающаго на меня громы.... Порывный вѣтеръ, предвѣстникъ бури, дунулъ мнѣ въ лицо; птички спѣшили укрыться въ густоту древесныхъ листьевъ, и я, завернувшись въ шинель, велѣлъ своему щедушному хлопу погонять бурыхъ клячь, желая уйдти изъ-подъ мрачной половины неба подъ ясную; но полетъ спрѣ-

лы былъ-бы здѣсь ничтоженъ всравненіи съ кажущеюся медленностію наступающихъ тучь: вдругъ крупныя капли дождя стали осыпать меня, и я въ полчаса былъ облитъ дождемъ. Молнія и громъ надо мною разразились: блескъ за блескомъ, ударъ за ударомъ.... Я едва успѣлъ скрыться въ деревню Вавуличи, проѣхавши версты четыре подъ бурею. Здѣсь нашелъ хотя бѣдный пріютъ, но искреннее гостепріимство. Почтенная Г-жа Вишневская, имѣя только восемь душъ въ своемъ владѣніи, угостила меня лучше нежели другіе тщеславные владѣльцы.

На другой день уѣхалъ я не далѣе десяти верстъ, въ дер. Воронцевичи. Здѣсь, въ обширной мызѣ паньи Маршалковой Ордины, въ отсутствіи ея, провелъ остатокъ дня съ управителемъ имѣнія, добрымъ старикомъ, паномъ Шамбеляномъ. Но когда ввечеру пріѣхала сама Маршалкова съ двумя прекрасными дочерьми, я оживленъ былъ ихъ обществомъ, въ какомъ давно не случалось мнѣ быть. Маршалкова, Польская дама лучшаго тона, еще не пожилыхъ лѣтъ вдова, съ хорошимъ достаткомъ, живетъ по-генеральски. У нея свой оркестръ музыки и многочисленная прислуга оффиціянтовъ изъ шляхтичей. Имѣя взрослаго сына и трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая

уже невѣста, она еще довольно моложава. Я замѣтилъ, въ продолженіе своихъ походовъ, что Польскія дамы, преимущественно передъ дамами другихъ націй, умѣютъ сохранять свѣжесть красоты своей до преклонныхъ лѣтъ, отъ туалетнаго искусства, или отъ умѣренности въ наслажденіяхъ жизни.

Вечеръ проведенъ былъ какъ нельзя лучше. Сначала всѣ гости и домашніе, изъ уваженія къ хозяйкѣ, говорили тихо между собою; но вскорѣ явились музыканты, поставили въ залѣ свои пульпитры, настроили инструменты, и громкою увертюрою воскресили присутствующихъ отъ усыпленія. Старшая дочь Маршалковой, прекрасная, стройная дѣвушка, явилась съ пальмовою флейтою, которая подъ ея устами издавала волшебные звуки, обворожающіе сердце. Я не забуду этого образа, подобія ангела, въ бѣлой одеждѣ, скрывающей прелестный станъ юной дѣвы; этой одушевляемой ея устами, счастливой флейты, которая издавала пренѣтные звуки — отголосокъ сердечныхъ ощущеній! Не забуду этихъ быстрыхъ взоровъ, съ огнемъ любви искавшихъ въ каждой нотѣ наслажденія! Я смотрѣлъ, слушалъ — и восхищался.

Весь слѣдующій день ѣздилъ я по обшир-

нымъ болотамъ, около канала, соединяющаго р. Мухавецъ съ Пиною, въ южной части уѣзда. Ночевалъ въ Гнѣвщицахъ, у пана Г***.

На ночь пріѣхалъ я въ д. Молодово, къ прежде-бывшему Маршалу Пинскому С***, который шеперь очень спаръ и боленъ. Меня встрѣтили его жена и сестра довольно ласково. Почтенная старушка-хозяйка разсказывала мнѣ, что у нихъ есть только одинъ сынъ, надежда и подпора въ старости, который воспитывается въ Университетѣ; для него-то они построили въ деревнѣ два большіе каменные дома, а сами живутъ въ маленькомъ деревянномъ; для него-то заботятся устроить хозяйство наилучшимъ образомъ, чтобы онъ не только во время образованія своего въ Университетѣ не имѣлъ ни въ чемъ нужды, но и послѣ могъ-бы прилично показаться въ свѣтъ, и поддержать честь ихъ фамиліи. Вотъ примѣрная попечительность родителей о своемъ сынѣ! Счастливы дѣти, имѣющія такихъ родителей! Но всегда-ли они бываютъ достойны этого!

Въ мѣст. Яновѣ, на восточномъ краю уѣзда, расположена штабъ-квартира кирасирской дивизіи Генерала Дуки. На чистомъ полѣ, за мѣстечкомъ, кирасиры, по одинач-

кѣ и въ рядахъ, учились маршировать новымъ шагомъ.

Здѣсь я встрѣтился съ Исправникомъ. Въ этой компаніи случился еще Ассессоръ и Секретарь; ихъ подъяческія ухватки были для меня занимательны. Исправникъ хвасталъ, что все повѣтовое дворянство упросило его остаться еще въ службѣ, когда онъ началъ помышлять объ увольненіи отъ нея ; причемъ однако, соблюдая строгую справедливость, не даетъ никому пощады.

Къ вечеру пріѣхалъ я въ д. Гуповъ, къ молодому помѣщику, который третій день какъ женился. Супруга его была прекрасная, зрѣлая блондиночка. Въ компаніи сидѣли за пикетомъ двое пожилыхъ мужчинъ, родственники молодыхъ. Между тѣмъ какъ они углублялись въ карты, нешуточно занимаясь игрою, молодые безпрестанно, почти при каждой взяткѣ играющихъ, цѣловались. Я завидовалъ ихъ счастію, и, насмотрѣвшись на страстныя лобзанія, думалъ, не увижу-ли самъ чего либо подобнаго во снѣ; однако скудный ужинъ, послѣ утомительной поѣздки, и холодная квартира, разсѣяли во мнѣ всѣ мечты сладострастія. Въ деревнѣ, передъ моимъ пріѣздомъ, ночевали Украинскіе Казаки.

1-го Октября, въ полдень, пріѣхалъ я въ д. Перховичи, на мызу Пружанскаго Мар-

шала В***. Громкое званіе Маршала сначала останавливаетъ, какъ будто нѣчто важное. Это слово произошло въ Польшѣ отъ Французскаго *Maréchal*, которое значитъ *кузнеца*, или съ прибавленіемъ *de camp*, Генерала; но какъ Польскіе Маршалы, или Маршалки, только Дворянскіе Предводители, Уѣздные и Губернскіе, то званіе ихъ не имѣетъ ни того, ни другаго значенія. Кто былъ разъ Дворянскимъ Предводителемъ, тотъ удерживаетъ званіе Маршалка навсегда, и потому-то ихъ такъ много встрѣчается въ Польшѣ; но простые дворяне оказываютъ имъ, какъ бывшимъ старшинамъ, особенное уваженіе.

На пути встрѣчались мнѣ часто ратники Черниговскаго Ополченія, распущенные по домамъ. Съ какою радостію спѣшатъ они къ женамъ своимъ! Но узнаютъ-ли жинки такихъ молодцовъ? Это не тѣ Хохлы, що посгубилы кошлы, а натерѣлы Москалы!

Въ Паприкахъ Шляхетскихъ, какой-то Польскій Князь М*** не хотѣлъ принять меня, однако по моему талисману не могъ не впустить въ комнату. Но чтобы онъ не думалъ обо мнѣ, какъ объ армейскомъ мародёрѣ, я отказался отъ его чая, требуя только—статистики. Замѣтивши во мнѣ такую щекотливость, онъ сталъ гораз-

до ласковѣе, и признавался, что жена Графа Л***, послѣ атаки ея мужа на Саксонцевъ, подъ Кобриномъ, атаковала домъ его, со свитою своихъ амазонокъ, столь рѣшительно, что заставила его бѣжать, и шесть дней скитаться безъ пріюта, почти безъ пищи; а потому онъ не можетъ съ тѣхъ поръ смотрѣть на военныхъ безъ содроганія. Между тѣмъ, среди гостей, явилась музыка: сынъ его порядочно игралъ на скрыпкѣ, а дочь на фортепіано. Для меня пріятенъ былъ-бы вечеръ, если-бы съ самаго начала я не имѣлъ непріятной встрѣчи съ Польскимъ Княземъ.

Кончивъ объѣздъ большей части Кобринскаго уѣзда, мнѣ оставалось еще побывать въ южной части, на отдѣльномъ клочкѣ земли, а именно въ Мокранскихъ болотахъ. На пути туда, въ шляхетской деревнѣ Ходыничахъ, по недостатку лошадей, я долженъ былъ ночевать. Одна сердитая шляхтянка, черная какъ Цыганка, не уважая поистертаго шалисмана моего, не хотѣла дать мнѣ лошадей, хвастая однако, что у нея на конюшнѣ ихъ двадцать. Нечего было дѣлать: въ чужомъ болотѣ, не по своей охотѣ, сиди, какъ куликъ, прижавши носъ. Разсматривая этихъ шляхтичей и шляхтянокъ, въ сѣрыхъ зипунахъ и въ онучахъ: (разсадникъ Польскаго Дворянства!) я удив-

лялся странной ихъ участи. Изъ этихъ-то помѣщиковъ-земледѣльцевъ, которые сами пашутъ и орутъ, и съ крестьянъ своихъ оброкъ берутъ, выходятъ сперва фольварочные экономы, потомъ *васпаны* арендаторы, потомъ *ихъ мосци* паны, а наконецъ *вельможные* Маршалки. Такъ не рѣдко бываетъ въ одной фамиліи, что родоначальники ходятъ въ зипунахъ и онучахъ, а внуки во фракахъ, болтаютъ по-Французски и танцуютъ мазурку. Не рѣдко случается также, что эти васпаны служатъ у вельможныхъ пановъ лакеями, подъ *почцивымъ* (почтеннымъ) званіемъ оффиціянтовъ; потомъ, скопивши, въ продолженіе своего служенія, нѣсколько сотъ злотыхъ, дѣлаются арендаторами, панами, и, въ свою очередь, нанимаютъ васпановъ къ себѣ въ услуги. Вотъ престранный perpetuum mobile дворянской чести.

Въ Мокранахъ все поле вдоль и поперегъ перерыто канавами. Мѣстоположеніе здѣсь весьма низкое, и если-бы не рвы, то поля были-бы всегда заполнены водою отъ обширныхъ болотъ въ окрестности; даже и теперь, если отворить шлюзы, то можно сдѣлать наводненіе. Помѣщикъ этого мокраго лоскутка Кобринскаго повѣта, есть весьма почтенный и добрый старикъ Райскій. Вошедши въ комнаты обширнаго дома, я увидѣлъ трехъ молодцовъ-офицеровъ,

сыновей его. Старшій, отставной Капитанъ Артиллеріи, по наружности казался больнымъ, средній Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, а младшій Поручикъ Свиты Его Величества по Квартирмейстерской части. Они пріѣхали въ отпускъ. Пріемъ отъ всѣхъ былъ очень хорошъ; они оставили меня ужинать, и я провелъ время въ ихъ бесѣдѣ весьма пріятно. Хотя для ночлега они также оставляли меня въ своемъ домѣ, но я не хотѣлъ имъ дѣлать лишняго безпокойства, тѣмъ болѣе, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, мнѣ нечего было тутъ напрасно медлить. Я пошелъ ночевать на почтовую станцію.

Мѣстечко Дивинъ, окруженное лѣсами и болотами, стоитъ на песчаномъ грунтѣ; домы въ немъ деревянные; по срединѣ площади церковь. Все это издали казалось мнѣ довольно красивымъ, но когда въѣхалъ я въ мѣстечко, то вовсе не могъ найдти себѣ квартиры, и принужденъ былъ остановиться въ корчмѣ. Очарованіе пріятнаго еще скорѣе исчезло, когда я увидѣлъ тутъ множество Жидовъ. Для снятія мѣстоположенія я слазилъ на колокольню. Позиція для небольшаго отряда войскъ заманчивая, но по причинѣ дефилей, идущихъ черезъ болота къ Кобрину, Радостпову и Мокранамъ, опасна тому, кто проиграетъ: о-

динъ только путь къ Рашно нѣсколько лучше, и имъ-то проходила армія Тормасова.

На ночь пріѣхалъ я въ Кобринъ, прямо изъ Дивина, около 40 верстъ, и зашелъ къ Исправнику. Тутъ засталъ гостей: Городничаго, армейскаго Маіора, двухъ Ассссоровъ и безносаго Секретаря. Вечеръ начался и кончился бостономъ. Хозяйка, не смотря на зубную боль свою, играла охотно; Городничій ей часто висповалъ; дочка, довольно милая брюнетка, занималась съ Ассессорами; Секретарь, потягивая пуншъ, въ тихомолку бесѣдовалъ въ углу съ Исправникомъ, возвратившимся изъ вояжа. Пять пальцевъ и кулакъ, кажется, ему помогли, потому что онъ сталъ весьма гостепріименъ; а это не отъ чего инаго происходитъ, какъ отъ удовольствія въ жизни.

Черниговское ополченіе, возвращающееся въ свое отечество, забрало всѣхъ лошадей подъ свозъ больныхъ и экипажа, а потому я на тѣхъ-же самыхъ лошадяхъ, на которыхъ пріѣхалъ изъ Дивина, долженъ былъ тащиться до Булькова. Лошади мои едва передвигали ноги: я смотрѣлъ на нихъ безъ сожалѣнія, и слушалъ хладнокровно проклятія отчаяннаго погонщика моего, потому что самъ находился въ дурномъ положеніи.

Подъѣзжая къ Булькову, я приготовлялъ привѣтствія Маршалковой, воображалъ опять свиданіе съ добрымъ коммисаромъ и привѣтливою блондинкою; воображалъ закуску, которою они меня встрѣтятъ какъ знакомаго; напротивъ того — видно только въ заблужденіи мы счастливы, какъ сказалъ одинъ софистъ — прежняго коммисара не было. Меня встрѣтили незнакомые люди; ни кто не хотѣлъ слушать моихъ требованій. Я хотѣлъ вторгнуться къ самой Маршалковой, но слуга объявилъ, что доступа къ ней нѣтъ, потому что она изволила лечь почивать. Изъ снисхожденія, дворецкій, въ синемъ сюртукѣ, прочиталъ мой обвѣтшалый талисманъ, который, отъ частаго тренія въ тысячѣ рукахъ, потерялъ свою силу, хотя я тщательно завертывалъ его въ бумажныя обверткн; однако мнѣ велѣли показать хижину, близъ Жидовской корчмы. Въ цѣлый день не съѣвши ничего, кромѣ шести бубликовъ, и не будучи въ состояніи ничего достать ввечеру за деньги, я сгрызъ нѣсколько сухарей, которыхъ догадался взять въ Кобринскомъ магазинѣ, для своего унтеръ-офицера, и легъ на голой скамьѣ, положивъ сюртукъ въ головы и укрывшись шинелью. За то, отъ дневнаго голода, представился мнѣ во снѣ богатый пиръ, на ко-

торомъ я обжирался пастетами, и запивалъ ихъ отличнымъ Бургонскимъ; но проснувшись—увы! чувствовалъ великую пустоту въ желудкѣ. О животность человѣческая! Возможно-ли, чтобы столь самолюбивое, гордое, самовластное существо, пропостившись нѣсколько сутокъ до истощенія, потеряло-бы всю живость свою, и смирилось-бы, какъ овечка, передъ тѣмъ, кто можетъ накормить его! Зачѣмъ сила души этого самобытнаго существа, этой гостьи въ животномъ футлярѣ нашемъ, какъ опредѣляютъ психологи, зачѣмъ этотъ духъ, эти качества слабѣютъ, изнемогаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ!...

Съ тощимъ желудкомъ легко философствовать; я это испыталъ, вставши рано по утру 6-го Октября, и, по несчастію, для своей рекогносцировки еще долженъ былъ пробыть до полудни въ Бульковѣ на великомъ посту. Здѣшніе крестьяне такъ бѣдны, что не нашлось у нихъ продажной курицы; а коровъ они давно не видятъ у себя. Однако я не сердился на это, и могъ разсудить, что для всякаго проѣзжающаго гостя не наготовишься колляцій (ужиновъ) и закусокъ. Другое дѣло, если-бы я былъ какой либо Его Мосць, или превосходительный, или сіятельный, то для меня открылась-бы зала, столовая,

буфетъ... тогда, внѣ себя отъ восхищенія, я превозносилъ-бы гостепріимство Маршалковой, такъ точно, какъ вездѣ прославила ее проѣхавшая здѣсь недавно изъ Варшавы Княгиня Л — Б***, при которой фельдъегерь за одни прогоны заплатилъ пять червонцевъ, доморощеный арапъ грозно перебиралъ въ каретномъ баулѣ бутылками, и Парижскій пудель, съ бархатнымъ ошейникомъ, скакалъ на курьерскихъ. — Мои спутники, унтеръ-офицеръ и деньщикъ, проклинали Бульковъ и Мокраны, желая провалиться имъ сквозь землю, но съ участіемъ вспоминали о Шляхетскихъ Ходыничахъ, и о Дивинѣ, гдѣ, въ первомъ услуживали имъ шляхтянки, а во второмъ Жидовки.

Не надѣясь болѣе на талисманскую силу открытаго листа своего, который отъ тренія и перехожденія черезъ множество рукъ замаслился, почернѣлъ и обветшалъ, я приходилъ въ отчаяніе, но, къ счастію, изъ Булькова на ночь пріѣхалъ въ дер. Шпитали. Гдѣ началъ, тамъ и кончилъ свою рекогносцировку, для общей связи. Помѣщикъ Илаковичъ, добрый Русскій хлѣбосолъ, угостилъ меня, какъ стараго знакомаго, и я, послѣ Дивинскаго, Кобринскаго и Бульковскаго поста, разговѣлся порядкомъ. У него-же были два контроль-

ные, или таможенные смотрителя изъ Крынокъ и Черешева; они пріѣхали посвящать моего хозяина въ междулинейные надсмотрщики за Жидами-контрабандистами.

Проѣзжая по Пружанскому уѣзду, черезъ Вешки и Киватичи, выѣхалъ я къ Городечнѣ. Здѣсь остановился нарочно, чтобы взглянуть на позицію Генерала Тормасова, въ которой онъ, 27-го Іюля 1812 г., съ 18,000-ною арміею, держался цѣлый день противъ 40,000 Австрійцевъ, подъ начальствомъ Князя Шварценберга. Позиція весьма выгодна, только для большаго корпуса войскъ: впереди, у Городечной корчмы, болото, черезъ которое, по Пружанской дорогѣ, лежитъ плотина на 20 сажень. Это болото начинается съ лѣваго фланга, верстахъ въ 6-ти, и, охватывая его, идетъ по фронту, мимо Поддубья и Городечны, до Мухавца. Съ лѣваго-же фланга, верстахъ въ четырехъ, начинается почти непроходимая Бѣловѣжская пуща, или Киватическій дремучій лѣсъ, смежный съ Шерешевскимъ. По правую сторону позиціи есть также близко лѣса и болота, по рѣчкѣ Мухавцу, непроходимые. Извѣстно, что непріятель повелъ сперва фальшивую атаку на плотину Городечнинскую, между тѣмъ какъ Генералъ Репье, съ большею частію силъ,

обходилъ лѣвый флангъ позиціи нашихъ войскъ, сперва при Поддубьѣ, а потомъ далѣе, спарався перейдши болото. Хотя при послѣдней деревнѣ непріятель имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но несовокупность дѣйствія, разобщеніе силъ и нерѣшительность Ренье помѣшали успѣху, и только заставили Генер. Тормасова растянуть свои войски, заслоняя безпрепятственно обходимый непріятелемъ лѣвый флангъ. Съ наступленіемъ слѣдующаго дня положеніе его было-бы гибельно, если-бы онъ не вздумалъ въ ночь ретироваться къ Кобрину, и далѣе, черезъ Дивинскія болота. Войски наши могли-бы и тутъ потерпѣть, ибо отъ Кобрина до Дивина, на 40 верстъ, почти безпрерывное дефиле по плотинамъ, черезъ болота; но мудрый Шварценбергъ, можетъ быть, самъ опасался засѣсть въ Кобринскихъ болотахъ, тѣмъ болѣе что уже слышалъ приближеніе Адмирала Чичагова съ сухопутною арміею, и поспѣшилъ къ Брестъ-Литовску на встрѣчу Чичагову, предоставивъ Тормасову пробиваться черезъ болота къ Ратно.

Городъ Пружаны пространнѣе Кобрина, но по строеніямъ онъ не что болѣе, какъ Жидовское мѣстечко. Пружанскій уѣздъ лучше Кобринскаго; одна половина его представляетъ хлѣбородныя поля, а дру-

гая обширные лѣса Бѣловѣжской пущи, гдѣ водятся зубры, особый родъ буйволовъ, которыхъ истреблять, подъ смертною казнію запрещено, по древнимъ законамъ Польскимъ.

Подъѣзжая къ Свислочу, я чувствовалъ почти тоже, что чувствуютъ, подъѣзжая къ родному мѣсту: служа семь лѣтъ въ одной ротѣ, я привыкъ къ ней. Воображалъ встрѣчу товарищей, хотѣлъ знать о своемъ хозяйствѣ, и о своемъ о вѣрномъ, курчавомъ пуделѣ, Парисѣ. Вспомнивъ о немъ, я вздохнулъ съ сомнѣніемъ, цѣлъ-ли онъ. Долго Свислочъ не показывался: я терялъ терпѣніе; наконецъ выскочилъ изъ-за лѣса замокъ Графа Тышкевича — и мѣстечко... Все по старому, на прежнемъ мѣстѣ.

Но гдѣ мой Парисъ? гдѣ безсловесный другъ мой? — Увы!... Парисъ любилъ меня такъ, какъ еще ни кто не любилъ изъ словесныхъ животныхъ. Въ разлукѣ со мной онъ не могъ жить: тосковалъ и безпрестанно искалъ меня тамъ, гдѣ мы съ нимъ, бывало, прогуливались; безъ меня ни отъ кого не принималъ пищи, отощалъ, злился, и наконецъ пропалъ безъ вѣсти. Передъ тѣмъ, бывши чрезвычайно слабъ, онъ едва двигался; но въ послѣдній вечеръ, когда смерклось и стали бить зорю, онъ

выскочилъ въ окно, бросился бѣжать — и только его видѣли. Слушая повѣсть о гибели моего безсловеснаго друга, я глоталъ слезы; но вышедши изъ комнаты, далъ имъ волю, и, закрытый мракомъ ночи, плакалъ, какъ о потерѣ роднаго. (*) Мои стоны отдавались эхомъ въ стѣнахъ костела, подлѣ котораго я, усѣвшись на камень, предался своей чувствительности. Холодные люди! Вы будете смѣяться, что человѣкъ съ разсудкомъ, предаваясь влеченію сердца своего, плачетъ въ ночномъ уединеніи — и о комъ-же? — о собакѣ! Да, я плакалъ о собакѣ, и не плакалъ о многихъ, такъ называемыхъ, *любезныхъ друзьяхъ*, выбывающихъ изъ этого свѣта! Если родъ животныхъ, которому я посвящалъ свои слезы, такъ много показывалъ примѣровъ вѣрности и непоколебимой дружбы къ человѣку, и даже иногда спасалъ его отъ гибели, то почему человѣкъ, въ свою очередь, не долженъ быть признателенъ къ

(*) Можетъ быть многимъ это покажется смѣшно, но прошу вспомнить, что извѣстный сочинитель и поэтъ Германскій, Гоффманъ, не пережилъ смерти своего кота Мурра. Кто понимаетъ силу чувствъ, тотъ можетъ оцѣнить нашу привязанность къ животнымъ, которыхъ дружба бываетъ часто вѣрнѣе человѣческой.

благороднымъ чувствамъ этого безсловеснаго друга, хотя косматаго и нисшей себя организаціи! Почему не облегчить тоску сердца послѣднимъ долгомъ признательности — слезами! Несчастный Парисъ! говорилъ я, если ты меня любилъ столько, что не могъ жить въ разлукѣ со мной, то пусть тѣнь твоя приметъ эти слезы моей къ тебѣ благодарности, слезы, которыя льются въ облегченіе грусти сердечной! Я неумышленно сталъ виновникомъ твоей гибели. Любивши тебя много, и жалѣя потерять какимъ нибудь случаемъ во время поѣздки, я рѣшился на кратковременную съ тобой разлуку, поручилъ товарищамъ беречь, лелѣять тебя. Зачѣмъ ты столько былъ преданъ мнѣ, и столько самъ чувствителенъ, что изнемогъ отъ горя въ разлукѣ со мной! Правда, ты былъ единственный другъ мой, съ которымъ я дѣлилъ часы своего отдохновенія, пріятнѣе нежели съ окружающими меня словесными животными. Ты не умѣлъ говорить, но умѣлъ чувствовать, умѣлъ понимать меня, и угадывать мои мысли! За то ни кто не умѣлъ такъ приласкать тебя и такъ угодить тебѣ, какъ я. Какъ нѣжно было твое прощаніе! Помню твой послѣдній, печальный взглядъ на меня, когда, погладивъ тебя, я со вздохомъ

затворилъ дверь за собою! Да, я самъ былъ печаленъ, разспаваясь съ другомъ, и самъ чуть не прослезился, предчувствуя разлуку съ тобой навсегда. — Благородное животное! да будетъ воспоминаніе о тебѣ незабвенно! Омочаю прахъ твой слезами признательности за твою вѣрность и любовь ко мнѣ. Ты растрогалъ мое сердце; ты первый доказалъ мнѣ, что и безсловесныхъ, подобныхъ тебѣ животныхъ, можно любить, какъ друзей безкорыстныхъ и образованныхъ; ни о комъ еще до этого времени я столько не проливалъ слезъ, какъ о тебѣ!... «Якъ шо жаль, пане!» сказалъ тихо подошедшій ко мнѣ канторъ церковный. «Панъ, запевнѣ, потерялъ брата, альбо добраго пріятеля; но терязъ не часъ до похоронъ, почекай до заупра; але, я пойду до пана Ксёнза, може»... —Идзь до сто дьяблей! сказалъ я пустослову, всталъ съ камня, утеръ кулакомъ слезы, и пошелъ въ квартиру, оставивъ кантора въ страшномъ недоумѣніи.

12-го Октября принялся я отдѣлывать набѣло свои брульоны, и переписывать Статистику Кобринскаго уѣзда.

Между тѣмъ началась дурная погода: снѣгъ и вѣтеръ. Я радовался, что успѣлъ кончить свою рекогносцировку во время сносной и отчасти хорошей погоды.

Кобринскій уѣздъ лежитъ въ южной части Гродненской губерніи, между Пружанскимъ, Пинскимъ, Ковельскимъ и Брестъ-Литовскимъ; простирается въ длину на 105 верстъ, въ ширину на 60 верстъ. Большая дорога изъ Брестъ-Литовска къ Пинску раздѣляетъ его на двѣ половины, изъ которыхъ сѣверная есть лучшая и способнѣйшая для земледѣлія; но южная половина состоитъ почти изъ безпрерывныхъ болотъ, покрытыхъ ольховымъ лѣсомъ, въ которыхъ р. Пина и малыя рѣчки, текущія въ Мухавецъ, имѣютъ свое начало. Рѣка Мухавецъ, вытекающая около Пружанъ, идетъ судоходною частію своею отъ Кобрина къ Брестъ-Литовску; судоходство начинается при м. Городцѣ, гдѣ р. Пина, посредствомъ канала, 30 верстъ длины и 4 саж. ширины, соединяется съ Мухавцемъ. Рѣка Ясіолда частію протекаетъ по сѣверо-восточной сторонѣ уѣзда, черезъ Дзитово озеро, омывая мѣст. Хомскъ, Бездежъ и Мотоль. Въ юго-восточной части уѣзда, верстъ на 30, черезъ лѣса и болота, протекаетъ начало р. Пины, а по границѣ къ Волыни р. Припять. Кобринъ уѣздный городъ, строеніемъ лучше Пружанъ; черезъ него идетъ изъ Брестъ-Литовска большая дорога въ Сѣверную Россію. За нимъ лучшія мѣстечки Анпо-

поль, Дрогичинъ, Яновъ, Хомскъ, Мополь и Дивинъ. Всѣхъ жилыхъ мѣстъ и деревень, имѣющихъ наименованіе, 370; въ нихъ дворовъ 11,500, жителей мужескаго пола 37,000; лошадей 3,000; рогатаго скота 25,000 головъ. Главнѣйшій промыслъ жителей составляетъ земледѣліе; а какъ обитатели южной части, среди болотъ, нуждаются въ хлѣбѣ, то они сгоняютъ строевой лѣсъ по водѣ въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ покупаютъ себѣ хлѣбъ, и тѣмъ все судоходство ограничивается. Значительнѣйшія владѣнія суть: Монастырское Тараканово, помѣщиковъ Брашевича, Орѣшковыхъ, Гельвига, Маршалковыхъ Ординой и Райской. Нынѣ богачей нѣтъ: прошедшая война многихъ раззорила. Мѣлочной шляхты, владѣющей однимъ и двумя дымами или дворами несчастныхъ хлоповъ, великое множество; всѣ они гнѣздятся наиболѣе въ болотахъ, съ лягушками и куликами, пользуясь почти совершенною независимостію, потому что находятся въ крайней бѣдности. Иногда въ одной деревушкѣ съ шестью хатами бываетъ семь пановъ; есть даже по два пана на одного хлопа. Почти при каждой помѣщичьей деревнѣ есть фольварокъ и экономъ изъ болотной шляхты. Они получаютъ годовое содержаніе въ натурѣ, пару вепрей, или свиней, и по нѣскольку де-

сятковъ злотыхъ (монета въ 15 коп. серебромъ) въ мѣсяцъ. Эти экономы, черезъ нѣсколько лѣтъ своей службы, съ благоразумною разсчетливостію, бываютъ въ состояніи сами брать въ аренду небольшія деревушки, которыя потомъ пріобрѣтаютъ покупкою, и дѣлаются наконецъ изъ бѣднѣйшихъ шляхтичей панами и Маршалками. На такомъ основаніи движется и размножается Польское дворянство, а потому корысть есть ихъ идолъ, изгоняющій изъ сердца благороднѣйшія чувства сострадація и дружбы: я разумѣю мѣлкихъ дворянъ, или выскочекъ изъ бѣдной шляхты. Гостепріимство у нихъ основано на связяхъ по интересу; интересъ дѣлаетъ друзьями на время. Сильнѣйшій, или богатѣйшій владѣлецъ старается притѣснить и обобрать слабѣйшаго сосѣда: ябедамъ и доносамъ нѣтъ конца. Въ такомъ случаѣ для адвокатовъ и Жидовъ обильная жатва: первые пущаютъ дѣла, чтобы долѣе сосать тяжущихся, а безъ вторыхъ ни одинъ помѣщикъ не смѣетъ распоряжаться въ своемъ хозяйствѣ. При всякомъ предпріятіи призывается на совѣтъ водочный арендаторъ, пане Гирша, въ чернобархатной ермолкѣ, который, засунувъ руки за широкій поясъ свой, гордо опредѣляетъ, чему быть и чему не быть: безъ его воли и со-

дѣйствія сподвижниковъ, по всѣмъ корчмамъ и фольваркамъ разсѣянныхъ, ни какой промыслъ и торговля не имѣютъ хода. Сверхъ того, рѣдкій помѣщикъ, равно какъ и мужикъ, не бываетъ въ долгу у Жидовъ; для тѣхъ и другихъ Жиды снисходительны: у первыхъ берутъ въ залогъ винокуренные заводы и право винокуренія, или цѣлыя деревни на аренды, а со вторыхъ берутъ тотъ хлѣбъ, который созрѣваетъ на полѣ. Помѣщики живутъ въ деревняхъ своихъ по необходимости, не имѣя денегъ; скопившій-же, года въ два, достаточную сумму, спѣшитъ въ Варшаву къ патріотамъ, проживаться. Болѣе всѣхъ успѣваютъ фольварочные экономы и арендаторы, пользующіеся послѣдними выжимками изъ имѣній промотавшихся патріотовъ. Отъ того ни помѣщики, ни крестьяне не живутъ въ удовольствіи; отъ того страна бѣдна и уныла. Черный народъ грубъ, лѣнивъ, а живущіе въ лѣсахъ почти столько-же дики, какъ ихъ мохнатые сосѣди. Арендаторы обходятся съ ними какъ съ безсловесными. Изъ множества помѣщиковъ въ уѣздѣ, немногіе прославляются крестьянами за свое милосердіе и кротость; только Маршалъ Пуславскій въ Хомскѣ, и Маршалкова Ордина въ Вороцевичахъ, почитаются добрыми панами; осо-

бенно крестьяне послѣдней называютъ ее съ умиленіемъ своею доброю паней-матикой. Свинья есть любимая тварь у простыхъ Поляковъ; безъ двухъ вепрей въ годъ, никакой экономъ не принимается за плепь фольварочнаго управленія. Духъ въ Польскомъ дворянствѣ, составленномъ изъ пронырливой шляхты, почти всегда спропившый. Не получая надлежащаго образованія, не зная ничего кромѣ Польской грамоты и инвентарной калькуляціи, они часто не основательны, дерзки, и буйны. Сколько неблаговиденъ въ нѣкоторомъ отношеніи характеръ Поляковъ, столько напротивъ много есть хорошаго въ Польскахъ. Замужнія весьма добрыя хозяйки; онѣ управляютъ цѣлымъ домомъ и мужьями съ особеннымъ благоразуміемъ; въ пріемахъ своихъ хотя притворны, но любезны. Дѣвушекъ очень немного видно по деревнямъ; большая часть ихъ обучаются въ пансіонахъ, или живутъ компаньонками у богатыхъ помѣщицъ. Дѣвушки, или панны, здѣсь скоро созрѣваютъ, и обнаруживаютъ въ себѣ много остроты и бойкости, что происходитъ отъ ихъ вольнаго обращенія съ мужчинами.

По возвращеніи своемъ я узналъ, что въ войскахъ послѣдовала реорганизація. Наша 3-я легкая рота Артиллеріи 11-й Бри-

гады переименована въ 47 роту 24 Бригады, и поступила въ 3-й пѣхотный Корпусъ, подъ начальство Генерала Дохтурова, въ дивизію Генерала Капцевича, квартировавшаго въ Бѣлостокѣ.

28-го Октября кончилъ я данное мнѣ порученіе. Признаюсь, довольно надобно было мнѣ, при исполненіи его, имѣть терпѣнія. Нарисовать чисто карту мнѣ не такъ много стоило труда, какъ написать нѣсколько десятей бумаги о сухой матеріи. Мое описаніе состояло изъ трехъ отдѣленій: въ 1-е по алфавиту внесены были всѣ мѣстечки, деревни, фольварки, съ спаписткою, или съ означеніемъ противъ каждаго, въ графахъ, числа душь, числа лошадей, рогатаго скота, и числа дворовъ; во 2-мъ отдѣленіи описаны были рѣки, рѣчки, ручьи, озера, каналы, болота, съ проходящими черезъ нихъ и около нихъ дорогами и переправами; 3-е отдѣленіе заключало въ себѣ описаніе всѣхъ путей наступательныхъ и оборонительныхъ. Для этого я долженъ былъ гулять по картѣ своей съ двумя арміями, избирать позиціи, и замѣчать всѣ выгоды и невыгоды мѣстоположенія, воображая ихъ въ натурѣ. Лестно было для меня, въ минуты этого мечтательнаго начальства, съ наступающими силами сбивать слабаго непріятеля, или

давать ему способъ воспользоваться мѣстоположеніемъ для упорной защиты; на одномъ флангѣ дѣлать кавалерійскую атаку, на другомъ засадить спрѣлковъ, изъ центра пустить впередъ боевыя колонны, подъ прикрытіемъ поставленныхъ на возвышеніяхъ батарей. Ворочая такимъ образомъ войсками на бумагѣ, я невольно вспоминалъ, что служу седьмой годъ Поручикомъ.... Но кого винить въ этомъ, какъ не судьбу, какъ не глупую фортуну! Она часто улыбается Ванькѣ и гонитъ Алексѣя....

Въ первыхъ числахъ Ноября, съ своею подробною картою и описаніемъ Кобринскаго уѣзда, поѣхалъ я въ Бѣлостокъ, и явился къ Оберъ-Квартирмейстеру. За исполненіе этого порученія онъ обѣщалъ представить меня къ чину, а въ ожиданіи этого, приказалъ ходить ежедневно въ чертежную, гдѣ всѣ Свитскіе офицеры, и прикомандированные къ нимъ артиллеристы, заняты были рисовкою семитопографической карты Гродненской губерніи. Каждый офицеръ обязанъ былъ, по окончаніи съемки назначеннаго уѣзда, вносить свою работу въ общую карту.

Здѣсь нашелъ я образованное общество офицеровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ себѣ что нибудь оригинальное. Подполков-

нікъ Д***, добрый, праводушный Христіанинъ-Католикъ, опровергавшій систему новой Философіи, былъ кроткій и честный человѣкъ; онъ письменно велъ ученый диспутъ съ Капитаномъ Г***, кореннымъ, благовоспитаннымъ Рускимъ, ученикомъ Мерзлякова въ Словесности, и отчасти литераторомъ. Во многихъ предметахъ Философіи, Богословія и Психологіи они спарались другъ друга убѣждать своими гипотезами; однако, не смотря на краснорѣчіе взаимныхъ умствованій, каждый оставался при своемъ. Другой Капитанъ Л***, горячій Италіянецъ, называвшій себя Мартинистомъ, обожатель Вольтера, зналъ наизусть философію его и думалъ идти прямѣйшею стезёю въ жизни. Съ пламенными чувствами и острымъ, хотя не всегда основательнымъ умомъ, онъ могъ вѣрнѣе другихъ отличать хорошее отъ дурнаго, благородное отъ низкаго; презирая лесть, онъ смѣялся надъ уродами въ нравственномъ мірѣ. Съ веселымъ нравомъ, большою начитанностью, и знаніемъ свѣта, онъ былъ весьма любезенъ въ обществѣ; но пылкость характера заводила его часто въ безразсудства. Бывши въ Або, онъ вызывалъ на дуэль одного изъ враговъ своихъ черезъ газеты; два мѣсяца учился колоться; наконецъ, встрѣ-

шился съ противникомъ, и далъ ему — смертельный штосъ. — Прапорщикъ Д***, Эстляндскій дворянинъ, великій математикъ. Во время отечественной войны, онъ, попавшись въ плѣнъ къ Французамъ, прошелъ до Борисова 500 верстъ босикомъ, въ одной шинели. Въ Борисовѣ за болѣзнію былъ брошенъ непріятелями въ Жидовской хижинѣ, гдѣ сострадательный Жидъ кормилъ его однимъ вассеръ-супомъ, и гдѣ онъ съ ознобленными ногами сидѣлъ, не вставая съ мѣста, осмнадцать дней. Въ продолженіе этого времени онъ изчертилъ гвоздемъ, всю стѣну надъ ложемъ своимъ занимаясь математическими вычисленіями, и, по увѣренію его, сочинилъ одну формулу, по которой легчайшимъ способомъ могъ находить разстояніе солнца отъ земли и отъ самыхъ отдаленныхъ планетъ. Нашедши эту формулу, онъ былъ въ не меньшемъ восторгѣ, какъ Архимедъ, нашедшій правило смѣшенія металловъ, погружаясь въ свою ванну. Тутъ-же сочинилъ онъ удобнѣйшій способъ внутренней обороны бастіонныхъ фасовъ. Этотъ великій математикъ былъ ревностный защитникъ славнѣйшихъ астрономовъ и геометровъ. На основаніи математическихъ аксіомъ своихъ, подобно Галилею, онъ былъ твердъ въ правилахъ строгой нравственности, пер-

пѣливъ въ несчастіи, весьма трудолюбивъ, и за то, не смотря на малый чинъ свой, всѣми уважаемъ. Его дѣло было чертить на картѣ географическую сѣть, съ градусами долготы и широты мѣстъ, и выпягивать перомъ рѣчки. По правиламъ Математики онъ былъ убѣжденъ, что все на свѣтѣ дѣлается къ лучшему; но какъ, при всей своей учености и честности, не далеко ушелъ по службѣ и терпѣлъ не мало бѣдствій, то, въ утѣшеніе себѣ, убѣждался мыслію о лучшей жизни въ будущемъ мірѣ, по смерти. Онъ доказывалъ это тѣмъ, что какъ не всѣ люди исполняютъ свои обязанности въ здѣшнемъ мірѣ, отъ чего происходятъ общія бѣдствія, то долженъ быть лучшій міръ, съ совершеннѣйшими, безпорочными существами. У него добродѣтель есть опредѣленное количество (+) (*плюсъ*), несчастіе (—) *минусъ*, а всякое зло (*x*) *иксъ*. — Въ обществѣ подобныхъ людей никогда не было пустаго разговора. Вошедши въ первый разъ къ нимъ, и прислушиваясь къ бесѣдѣ, я подумалъ, что нахожусь посреди Университетскихъ Профессоровъ. Часто рѣчь заведется отъ бездѣлицы, и распространится на всѣ отрасли наукъ: о Математикѣ, о Физикѣ, объ Исторіи и Литтературѣ, или о Военной Наукѣ, о Политикѣ, или о Философіи и Бо-

гословіи. Каждый чертитъ или рисуетъ въ своемъ углу на длинномъ столѣ, слушаетъ оратора, опровергаетъ, противорѣчитъ, переходитъ въ другую матерію, и самъ ораторствуетъ. Я съ своей стороны, желая сохранить пріязнь со всѣми членами такого ученаго общества, оспоривалъ каждаго слегка, и соглашался по немногу со всѣми; въ самомъ-же дѣлѣ я не принималъ искренняго участія ни въ метафизическихъ мечтаніяхъ, ни въ Схоластикѣ Богословія, ни въ софизмахъ мнимой Философіи.

Въ свободное время, послѣ занятій въ чертежной, по вечерамъ ходили мы къ добрымъ знакомымъ своимъ на бостонъ, иногда влюблялись и волочились. Въ воскресные и праздничные дни, въ Казино, или въ домѣ Благороднаго Собранія, участвовали на бальныхъ вечерахъ и танцахъ. Такимъ образомъ проведенъ остатокъ года: отчасти въ занятіяхъ по службѣ, а отчасти въ пріятной разсѣянности.

Конецъ третьей части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

Глава I. *Блокада Майнца.*—Положеніе войскъ союзныхъ и непріятельскихъ. — Безденежье. — Волшебная Флейта. — Иффландъ. — Переправа черезъ Рейнъ. —Принцъ Кобургскій.—Оберъ-Ольмъ. — Вылазка изъ Майнца. — Сельскій костелъ. — Походъ..... 3

Глава II. *Отъ Майнца до Шалона.* — М. Альцей. — Цвейбрикъ. — Сцены въ Сааргемюнской ратушѣ. — Француженки. — Шато-Саленъ. — Нанси. — Театръ. — Военныя извѣстія. — Туль. — Разсказъ роялиста. — Звѣри и птицы. — Линьи. — Путь къ

Стран.

Сенъ-Дизье. — Випри. — Французскіе партизаны. — Прекрасная квартира. — Церковь Св. Богородицы. — Ученье Русскаго баталіона. — Разореніе въ Шалонѣ. — Домъ Правленія. — Квартира у актрисъ. — Бѣдный театръ. — Движеніе авангарда къ Реймсу..... 29

Глава III. *Отъ Рейлса до Лаона.* — Путь къ Реймсу. — Видъ города. — Парлеманшеръ. — Приступъ. — Канонада. — Отступленіе. — Приготовленіе къ штурму. — Взятіе Реймса. — Состояніе города. — Молебствіе. — Обѣдня въ соборѣ. — Тревога. — Встрѣча съ непріятелемъ. — Бездѣйствіе. — Сраженіе. — Бѣгство. — Разсѣяніе войскъ. — Беріобакъ. — Фитье..... 65

Глава IV. *Отъ Лаона до Парижа.* — Лаонъ. — Слѣды сраженія. — Трогательная сцена. — Путь къ Беріобаку. — Фуражированіе. — Переходъ черезъ Реймсъ. — Истребленіе непріятель-

Стран.

ской колонны. — Путь къ Парижу. — Сраженіе. — Вступленіе въ Парижъ. — Монмартръ. — Площадь Вандомская. — Пале-Рояль. — Тюльери. — Музеумъ. — Сейна. — Замѣчаніе о Парижѣ. — Переходъ за Парижъ. — Переворотъ во Франціи. — День Св. Пасхи. — Судьба Наполеона. — Обратный путь черезъ Парижъ. — Величина Парижа. — Встрѣча Графа д'Артуа. — Прощай Парижъ! 96

Глава V. *Отъ Парижа до Сенъ-Мену.* — Путь на кантониръ-квартиры. — Городъ Сенъ-Мену. — Церковное служеніе. — Неудачная охота. — Театръ. — Городской балъ. — Серенады. — Мнѣніе Французовъ о Русскихъ. — Русскій балъ. — Состояніе лѣсовъ во Франціи. — Проповѣдникъ. — Нѣчто о Французахъ. — Движеніе войскъ. — Кончина Тимоѳеева. — Походъ. 158

Глава VI. *Отъ Сенъ-Мену до Нюренберга.* — Вердёнъ. — Театръ въ Эпёнѣ. —

Стран.

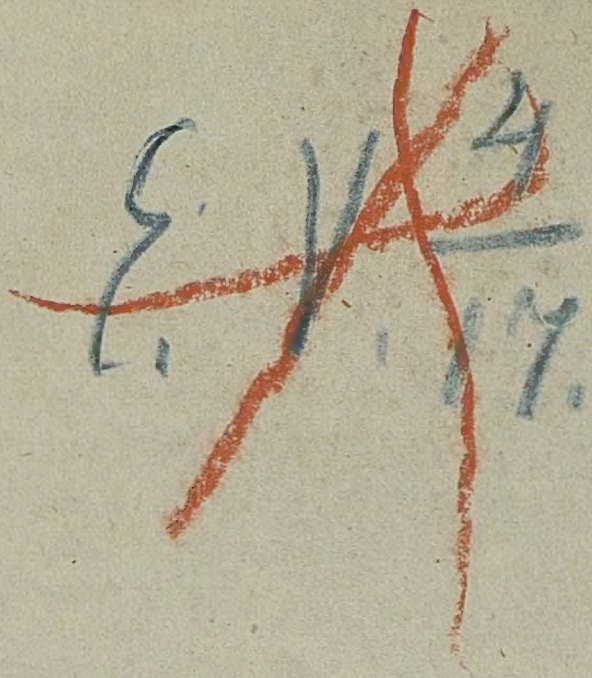
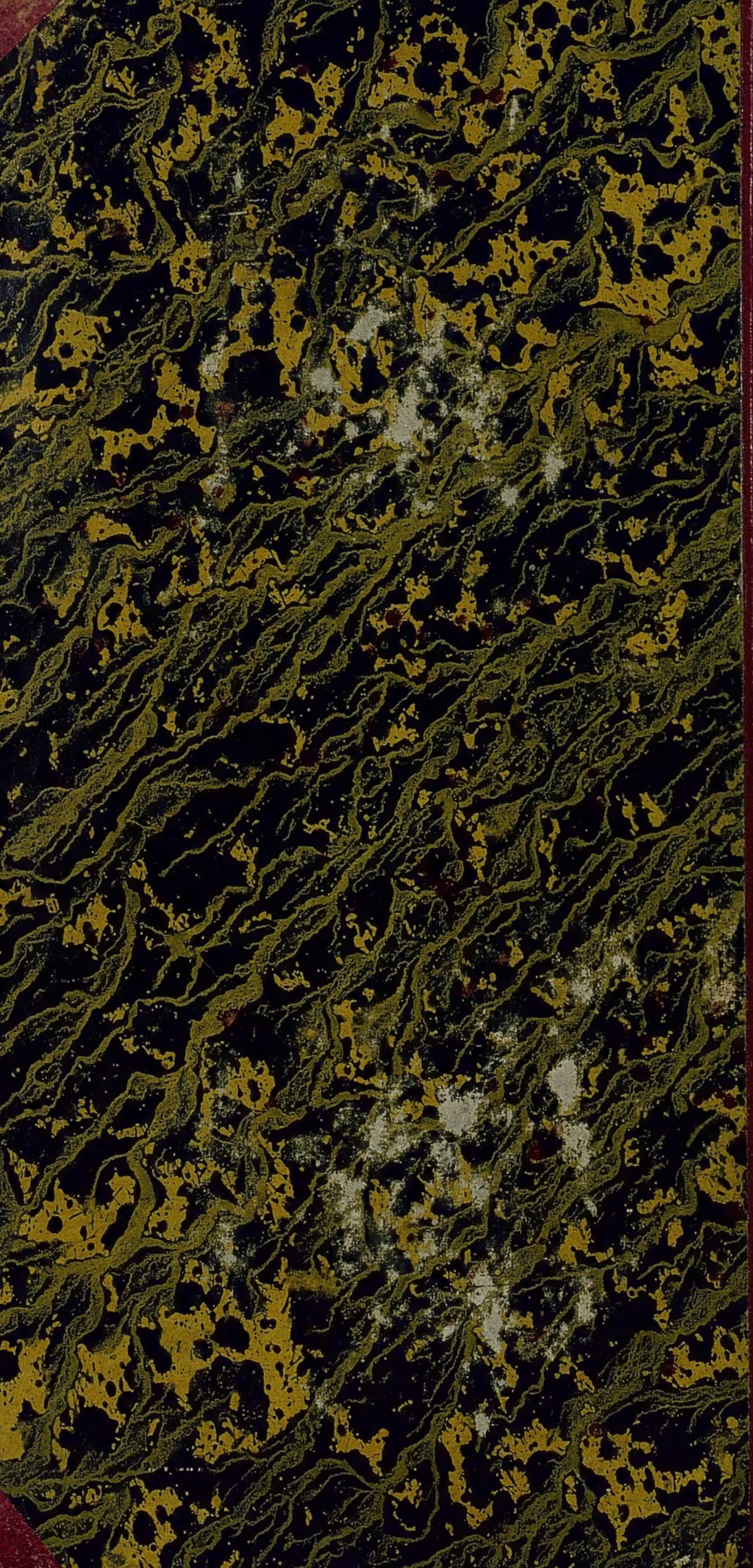
Безпокойные Французы въ Мецѣ. — Гористый путь къ Рейну. — Мангеймъ. — Театръ. — Гейдельбергъ. — Удивительная бочка. — Герцогскій садъ при Швенценѣ. — Дорога по рѣкѣ Неккару. — Мосбахъ. — Путь по Герцогству Баденскому. — Путь по Королевству Виртембергскому. — Путь по Баваріи. — Отечество Эртеля..... 186

Глава VII. *Отъ Ниренберга до Дрездена.* — Ниренбергъ. — Скупой Нѣмецъ. — Образъ великана. — Состояніе торговли. — Натуральный кабинетъ. — Ученая канарейка. — Театръ. — Фейерверкъ. — Гористый путь. — Биндлохъ. — Гофъ. — Путь по Саксоніи. — Рейхенбахъ. — Цвиккау. — Хемницъ. — Фрейбергъ. — Дрезденъ. — Взрывъ пороховаго погреба. — Театръ. — Картинная галлерея. — Нѣчто о Фигнерѣ..... 209

Глава VIII. *Отъ Дрездена до Бѣлостока.* — Путь изъ Саксоніи. — Торжествен-

Стран.

ныя встрѣчи въ Силезіи. — Воспоминанія при Левенбергѣ. — Переходъ черезъ Силезію. — Бѣдность за Одеромъ. — Тарновицкіе рудники. — Сивержъ. — Ченстоховъ. — Запѣйливая Полька. — Арендаторы. — Газетныя извѣстія. — Повѣсть бывшаго въ плѣну канонера. — Рава. — Нѣчто о Модлинѣ. — Варшава. — Встрѣчи за Варшавою. — Путь къ Бѣлостоку..... 241

Глава IX. *Кантониръ-квартиры.* — Вступленіе въ Россію. — Бѣлостокъ. — Свислочъ. — Графъ Тышкевичъ. — Хорошія квартиры. — Костелъ. — Ярмарка. — Театральныя пьесы. — Редутъ. — Командировка. — Театръ въ Бѣлостокѣ..... 284

Глава X. *Рекогносцировка.* — Путь изъ Бѣлостока. — Обозрѣніе Кобринскаго уѣзда. — Занятія въ Бѣлостокѣ.... 301